

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 29

№ 4(91) октябрь – декабрь 2023 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 29**

No. 4(91) october – december 2023

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красилов, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Лясковска, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хилюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 22.12.2023. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 11,2. Заказ № 305.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2023

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)

- A. M. Dzhorobekova**, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Philosophy, Associate Professor
(Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshchev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvaicheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

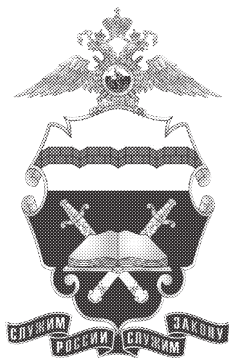
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 22.12.2023. Circulation 100 items. Published sheets 10,0. Printed sheets 11,2. Order No. 305.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2023

№ 4(91) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2023

Омской академии МВД России
научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Гусев В. А. Привлечение к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию оперативного сотрудника полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий	281 Gusev V. A. Bringing to Administrative Justice for Non-Compliance with Legal Order or Demand of an Operative Officer during Operational Detective Activity
Нечепуренко А. А., Шиманович Е. В. Соотношение предусмотренных и не предусмотренных уголовным законом смягчающих наказание обстоятельств	288 Nepochurenko A. A., Shimanovich E. V. Correlation between Mitigating Circumstances Provided and Not Provided for by the Criminal Law
Попов И. В. Состояние экологической преступности на территории Омской области	295 Popov I. V. Ecological Crimes in Omsk Region
Головастова Ю. А., Помошчикова Н. В. Цель в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: проблемы соотношения	303 Golovastova Yu. A., Pomoshchikova N. V. Purpose in Criminal and Criminal Executive Legislation: Problems of Correlation
Тимко С. А. Пропаганда и агитация в виктимологической профилактике преступлений	308 Timko S. A. Propaganda and Agitation in Victimological Prevention of Crimes
Черных Е. Е. Оценка современных криминогенных рисков в сфере инновационной медицины	313 Chernykh E. E. Assessment of Modern Criminogenic Risks in the Field of Innovative Medicine
Павлов А. В., Дежнев А. С., Ларин Е. Г. Участие подозреваемого при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием систем видео-конференц-связи	320 Pavlov A. V., Dezhnev A. S., Larin E. G. Participation of a Suspect in the Court's Consideration of the Motion on Choosing Restrictive Measure in the Form of taking into Custody via Video Conference Systems
Щукин В. И., Журбенко А. М. Противоправное воздействие на криминалистически значимую информацию, доказательства и их источники в ходе расследования преступлений	326 Shchukin V. I., Zhurbenko A. M. Unlawful Impact on the Information of Forensic Importance, Evidence and its Sources in Criminal Investigation
Право и государство	Law and State
Вершок И. Л. Классификация правового сознания: теоретико-правовые и прикладные аспекты	331 Vershok I. L. Classification of Legal Consciousness: Theoretical Legal and Applied Aspects
Кожевников О. А. Региональная конституционная юстиция — «жертва» конституционной реформы 2020 года или закономерный финал?	337 Kozhevnikov O. A. Regional Constitutional Justice — «Victim» of the 2020 Constitutional Reform or a Logical Ending?
Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 1)	343 Bydantsev N. A. Legality in Criminal Proceedings as the Anti-Axiom Evolving with Law and Legal Positions of the Highest Judicial bodies (Part 1)
Куряхова Т. В. Актуальность доктринальной и юридико-технической проблемы нормативного регулирования деятельности прокурора и органов расследования по возвращенному судом уголовному делу	348 Kuryakhova T. V. Relevance of Doctrinal and Juridical Technical Problem of Normative Regulation of the Activities performed by the Prosecutor and Investigative bodies concerning the Criminal Case Returned by the Court
Луговик В. Ф., Сургутсков В. И. Функции и задачи МВД России: соотношение и проблемы конкретизации	354 Lugovik V. F., Surgutskov V. I. Functions and Tasks of the Russian Ministry of Internal Affairs: Correlation and Problems of Concretization
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Агапов О. Д., Рашкин М. Н. Образ России: экзистенциально-трансцендентальный дискурс	358 Agapov O. D., Rashkin M. N. Image of Russia: Existential Transcendental Discourse
Денисенко С. В. Глобальное общество в поиске глобального этоса	364 Denisenko S. V. Global Community in search of Global Ethos
Информация для авторов	370 Information for Authors

УДК 342.9:343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-281-287

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Привлечение к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию оперативного сотрудника полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Владимир Александрович Гусев

Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника (по научной работе)¹,

✉ gusevva@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье исследуются проблемы квалификации противоправных действий по ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Отмечается, что оперативный сотрудник полиции наделен всеми правами и обязанностями, предусмотренными Федеральным законом «О полиции», следовательно, при неповиновении его законным требованиям или воспрепятствовании проведению оперативно-розыскных мероприятий соответствующие лица подлежат привлечению к административной ответственности. Автор анализирует судебные решения, отражающие факты правильной и ошибочной административно-правовой квалификации деяний лиц, оказавших неповиновение сотрудникам полиции или препятствовавших исполнению ими своих служебных обязанностей. Делается вывод о возможности привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях граждан, оказывающих неповиновение оперативным сотрудникам полиции или препятствующих проведению ими оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, административное задержание, административный арест, протокол об административном правонарушении

Для цитирования: Гусев В. А. Привлечение к административной ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию оперативного сотрудника полиции при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 281–287.

Bringing to Administrative Justice for Non-Compliance with Legal Order or Demand of an Operative Officer during Operational Detective Activity

Vladimir A. Gusev

Honoured Worker of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Deputy-Chief (in Research Work)¹,

✉ gusevva@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The paper examines the problems of qualification of unlawful actions under Part 1 of Article 19.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. It is stated that an operative police officer is empowered with all rights and duties provided for by the Federal law «On Police», therefore, in case of non-compliance with his legal demands or hindering operational detective activities the relevant persons are subject to administrative liability. The author analyzes the court decisions which reflect the facts of appropriate and erroneous administrative law qualification of actions of persons who disobeyed police officers or interfered with

their performance of official duties. The conclusion states that it is possible to initiate an administrative case against the citizens who disobey operative police officers or interfere with their performing operational detective activities under Part 1 of Article 19.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: operational crime detection, administrative detention, administrative arrest, report on administrative offence

Citation: Gusev V. A. Bringing to Administrative Justice for Non-Compliance with Legal Order or Demand of an Operative Officer during Operational Detective Activity. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 281–287 (In Russ.).

В процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) должностные лица оперативных подразделений органов внутренних дел регулярно сталкиваются с активным противодействием или пассивным неповиновением лиц, заподозренных в причастности к подготовке или совершению преступления. Достаточно часто такие ситуации возникают при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Лица, в отношении которых такие мероприятия проводятся, осознают, что полученные в результате ОРМ материалы могут быть использованы в целях их привлечения к уголовной ответственности и поэтому пытаются различными способами препятствовать действиям оперативных сотрудников. Однако такое поведение указанной категории граждан, а также лиц, им сочувствующих, может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), которая предусматривает административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции¹.

Следует отметить, что сотрудники оперативных подразделений полиции достаточно широко применяют административно-правовой ресурс воздействия на правонарушителей, так как на них в полном объеме распространяются права и обязанности, предусмотренные Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ о полиции). Вместе с тем необходимо отметить, что подавляющее большинство правонарушителей, задержанных оперативными сотрудниками полиции и впоследствии привлеченных к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, являлись лицами, в отношении которых эти же оперативные сотрудники полиции проводили ОРМ в целях установления их причастности к совершению преступления. При этом, как правило, в отношении таких

лиц в качестве меры наказания применялся административный арест, после которого оперативные сотрудники полиции продолжали проводить ОРМ с их участием.

Именно это обстоятельство повлекло критику со стороны представителей прокурорского и адвокатского корпуса, а также сомнения судей относительно допустимости доказательств, сформированных на основе результатов ОРМ, проведенных в отношении лиц, подвергнутых административному аресту. Так, *прокурор города Зеленодольска Республики Татарстан вынес представление о недопустимости нарушений конституционных прав граждан, отбывающих административный арест. В данном документе отмечалось, что «по результатам проверки административной практики установлено более 150 фактов реализации административного ареста для решения задач уголовного судопроизводства в отношении лиц, содержащихся в камерах для административных задержанных и в специальных приемниках ОМВД России по Зеленодольскому району». Прокурор города Чистополь Республики Татарстан в представлении об устранении нарушений конституционных прав граждан на основании «глубокого анализа практики выявления административных правонарушений превентивного характера» установил, что «большая их доля пресекается и оформляется сотрудниками уголовного розыска». В последующем оперативными сотрудниками проводится работа с лицами, арестованными в административном порядке, на предмет их причастности к совершению преступления, что «является недопустимым, так как влечет нарушение прав граждан»².*

А. В. Иванов заявляет, что «оперативные сотрудники правоохранительных органов для раскрытия преступлений часто используют административное задержание и административный арест. Происходит это, как правило, следующим образом. Например, для проверки причастности к совершению престу-

¹ Необходимо подчеркнуть, что ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ также предусматривает административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, ч. 4 ст. 19.3 КоАП РФ — сотрудника органов Федеральной службы безопасности, а ч. 5 ст. 19.3 КоАП РФ — сотрудника органа государственной охраны. Все четыре федеральных органа исполнительной власти в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД) являются государственными органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Поэтому полагаем, что неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудников оперативных подразделений указанных ведомств может и должно быть квалифицировано по соответствующей части ст. 19.3 КоАП РФ.

² URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/05/> (дата обращения: 20.12.2022).

пления оперативным сотрудникам необходимо задержать определенного гражданина, а законные основания для этого отсутствуют. Тогда на данного гражданина оформляются документы о якобы совершении им административного правонарушения (обычно мелкого хулиганства или неповиновения законному распоряжению сотрудника полиции) и производится задержание. Формально задержания маскируются составлением протокола об административном правонарушении. По сфабрикованным документам задержанного привлекают к административной ответственности и назначают административный арест до 15 суток. В дальнейшем оперативные сотрудники имеют возможность беспрепятственно оказывать на изолированного гражданина психологическое и физическое воздействие с целью признания им совершения преступления и написания явки с повинной. Естественно, все это делается без присутствия защитника...» [1, с. 42–48].

Судебная практика также свидетельствует о наличии фактов использования оперативными сотрудниками административного ареста подозреваемого в совершении преступления лица в целях получения от него признательных показаний. Так, *Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила основанный на обвинительном вердикте присяжных заседателей приговор, которым Ландовский был осужден за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, потому что по результатам судебного следствия добровольность его письменного заявления о явке с повинной и законность методов ее получения милицией, а следовательно, и допустимость этого доказательства оказались под неразрешимым сомнением. В суде выяснилось, что написано это заявление в период пребывания подсудимого под административным арестом, которому он подвергся по постановлению мирового судьи за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции, причем уже после того, как оперативные работники уже двое суток вели проверку причастности Ландовского к убийству, встречались с ним и задержали его на рабочем месте. Заявление о явке с повинной появилось после беседы арестованного с руководителем органа милиции. Защитник осужденного Ландовского в кассационной жалобе утверждала, что на подзащитного в период следствия оказывалось физическое и психическое воздействие со стороны работников милиции* [2, с. 35]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, направляя уголовное дело на новое судебное рассмотрение, отметила, что «суд не в полной мере выяснил обстоятельства добровольности волеизъявления со стороны Ландов-

ского, всем этим обстоятельствам не дал оценки, что имеет существенное значение для правильного разрешения вопроса о допустимости доказательства...»³.

Вместе с тем, несмотря на такой негативный фон, использование оперативными сотрудниками полиции административно-правовых инструментов для привлечения к ответственности лиц, оказывающих им неповиновение и фактически препятствующих проведению ОРМ, является объективной необходимостью и вполне адекватной реакцией представителей правоохранительных органов. Процесс документирования преступных действий лиц в целях привлечения их к уголовной ответственности не служит препятствием для фиксации иных правонарушений, совершаемых этими же лицами, и привлечения их к административной ответственности. Как в том, так и в другом случае, ключевым условием является соблюдение процедуры оформления факта противоправного деяния и проведения последующих ОРМ с участием правонарушителя.

В целях соблюдения, с одной стороны, принципа законности, а с другой — принципа неотвратимости наказания полагаем необходимым детально изучить отдельные элементы состава правонарушения, за которое ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, и особенности их фиксации в оперативно-служебных и административно-процессуальных документах.

Неповиновение является ключевым элементом объективной стороны административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, и представляет собой полное или частичное игнорирование распоряжений или требований оперативного сотрудника полиции, совершения действий вопреки им либо продолжения бездействия [3]. Следует отметить, что в судебной практике имеются факты сомнительного толкования неповиновения. Так, Верховный Суд Республики Бурятия в своем решении указал, что «оказание сопротивления (неповиновения) сотрудникам полиции выразилось у Х. в отказе представиться и пройти в административное здание УМВД РФ по г. Улан-Удэ, т. е. путем бездействия. Однако фабула ст. 19.3 КоАП РФ в целом, так и ее часть 1, предполагает, что оказание сопротивления сотрудникам полиции должно быть выражено в форме действий»⁴. Мы не смогли найти в фабуле ст. 19.3 КоАП РФ юридические формулировки, которые подтверждали бы указанное мнение судьи. На наш взгляд, очевидно, что неповиновение — это отсутствие повиновения, отказ повиноваться, который может выражаться как в дей-

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 7. С. 21–22.

⁴ Решение Верховного суда Республики Бурятия от 11 февраля 2015 г. по делу № 12-21. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствии, так и в бездействии. Полагаем, именно на такой правовой позиции основывался Забайкальский краевой суд, когда принимал решение о правомерности привлечения к административной ответственности гражданина, который «находясь по месту жительства, оказал неповиновение законному требованию сотрудника полиции проследовать на патрульной автомашине в ОМВД России по Читинскому району для участия в оперативно-следственных действиях»⁵.

Таким образом, полагаем обоснованным привлечение лица к административной ответственности за неповиновение законному требованию оперативного сотрудника полиции при проведении ОРМ, даже если его поведение выражается в пассивной форме бездействия. Например, отказ в ответ на требование оперативного сотрудника полиции, осуществляющего ОРМ, представить документы, удостоверяющие личность, и проследовать с ним в помещение государственного учреждения для установления личности (в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции) и оформления оперативно-служебных документов составляют сущность неповиновения и могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Подчеркнем, что распоряжение или требование оперативного сотрудника полиции должно быть законным. Как справедливо отмечают специалисты при комментировании положений ст. 19.3 КоАП РФ, если распоряжения (требования) противоречат требованиям закона (иного правового акта, изданного в соответствии с законом), то такие распоряжения и требования не охватываются объективной стороной данного административного правонарушения [3, с. 79]. Так, Забайкальский краевой суд не усмотрел состава административного правонарушения в действиях гражданки, которая отказалась предъявить документы, «так как у сотрудника полиции не было законных оснований требовать» их предъявления⁶.

Согласно ч. 1 ст. 12 ФЗ о полиции на нее возлагаются обязанности пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать обстоятельства совершения преступления, административные правонарушения. В свою очередь в соответствии с ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей полиции предоставляется право проводить ОРМ (пункт 10), а также ряд других прав, позволяющих эффективно выявлять и раскрывать преступления, пресекать административные правонарушения. Представляется,

что требования оперативного сотрудника полиции, действующего в рамках указанного правового поля, являются законными, а потому обязательными для исполнения. Примером тому может служить решение Верховного Суда Республики Бурятия, который признал требования сотрудника уголовного розыска законными, так как они были основаны на поручении следователя «установить местонахождение К., проверить его на причастность к совершению данного преступления, доставить его на допрос к следователю», а самого гражданина К. — обоснованно привлеченным к административной ответственности за неповиновение⁷.

Следовательно, если оперативный сотрудник полиции проводит ОРМ с соблюдением оснований и условий, указанных в ФЗ об ОРД, и руководствуется правами, предусмотренными ФЗ о полиции, его требования и распоряжения, обращенные к гражданам, принимающим участие в этих ОРМ, с высокой долей вероятности являются законными, а потому обязательными для исполнения. Юридически грамотным вариантом поведения будет выполнить требование или распоряжение оперативного сотрудника полиции, придерживаясь принципа «презумпции доверия» ему, как представителю правоохранительных органов. Если гражданин сомневается в законности того или иного требования оперативного сотрудника полиции, он имеет право в дальнейшем обжаловать его действия и обратиться к вышестоящему руководителю, в прокуратуру или в суд. Однако непосредственно в момент предъявления такого требования гражданин обязан подчиниться.

Требование или распоряжение оперативного сотрудника полиции, как правило, выражается в устной форме и повелительном наклонении, а следовательно, должно быть конкретным и понятным тому лицу, к которому оно обращено. В связи с этим представляется необходимым использовать грамотные юридические формулировки, применяемые в соответствующих законодательных актах. Например, требование покинуть место происшествия должно сопровождаться разъяснением гражданам причины такого требования, в частности необходимостью проведения ОРМ и документирования обстоятельств совершения преступления для сохранения следов преступления или обеспечения их безопасности, как это указано в п. 7 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции. Примечательно, что в рамках судебного разбирательства этому обстоятельству уделяется особое внимание. Так, Забайкальский краевой суд при рассмотрении дела отметил, что «сотрудником полиции не были разъяснены причины истребования у гражданки С.

⁵ Решение Забайкальского краевого суда от 24 марта 2014 г. по делу № 7-12-31/2014.

⁶ Решение Забайкальского краевого суда от 23 октября 2017 г. по делу № 7-12-208/2017.

⁷ Решение Верховного Суда Республики Бурятия от 16 июля 2019 г. по делу № 12-168.

документов», хотя она «неоднократно требовала объяснить причину и основания истребования у нее документов»⁸.

Принимая во внимание, что оперативные сотрудники часто действуют в гражданской или тактической форме одежды, они должны предварительно представиться и предъявить гражданину документы, удостоверяющие личность, и только потом высказывать те или иные требования. В ином случае привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ может быть поставлено под сомнение и оспорено в судебном порядке. Даже в условиях внезапного физического захвата лиц, подозреваемых в совершении преступления, оперативные сотрудники полиции должны соблюсти данную процедуру. В качестве негативного примера можно привести ситуацию, представленную в жалобе адвоката на задержание оперативными сотрудниками своего подзащитного: «Двое мужчин в штатской одежде стали задерживать его, при этом вырвали у него из рук дорогой телефон, он принял это за ограбление, при этом они не представлялись, впоследствии оказались сотрудниками полиции, о чем он догадался только после того, как он был препровожден в отдел полиции»⁹. Очевидно, что правонарушитель и его защитник утратили и преподнесли указанные факты в выгодном для себя свете. Однако и в протоколе об административном задержании не указывалось, что сотрудники полиции перед задержанием представились и предъявили свои удостоверения, как этого требует ФЗ о полиции.

Действительно, принимая во внимание, что субъективная сторона данного правонарушения характеризуется исключительно прямым умыслом, гражданин должен быть своевременно уведомлен о том, что требование или распоряжение исходит именно от сотрудника полиции. Так, *Томский областной суд признал правомерными действия сотрудников уголовного розыска и Росгвардии, которые при внезапном задержании лиц, подозреваемых в совершении краж чужого имущества, «подбежали к автомобилю „Форд Куга“ и, представившись сотрудниками полиции, потребовали от водителя автомобиля выйти из него, но водитель отказался выполнить законные требования сотрудников и закрыл дверь, попытался скрыться с места совершения преступления», за что впоследствии был привлечен к административной ответственности*¹⁰.

Требование или распоряжение оперативный сотрудник полиции должен предъявлять (высказывать) в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Это не означает, что оперативный сотрудник полиции обязательно должен в этот момент находиться в форменном обмундировании и осуществлять патрулирование или стоять в оцеплении. Исполнять обязанности по охране общественного порядка — означает совершать законные действия, направленные на пресечение нарушений общественного порядка¹¹. А если воспринимать «общественную безопасность» как состояние защищенности прав, свобод и интересов граждан, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, то любые законные действия оперативного сотрудника полиции по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений являются исполнением обязанностей по обеспечению общественной безопасности. Таким образом, если лицо не совершает противоправного деяния и нет обоснованных подозрений в его причастности к ранее совершенному преступлению, требование оперативного сотрудника полиции к гражданину предъявить документы и проследовать в отдел полиции нельзя признать связанными с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Именно такой подход использовал в своем решении Верховный Суд Республики Бурятия: «Требование оперуполномоченного СО УР УМВД России по г. Улан-Удэ Б. к Х. представиться и пройти в здание управления не связано с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности», так как «задержание Х. было связано с тем, что он находился в оперативном розыске»¹².

Законодатель приравнял ответственность лица за неповиновение сотруднику полиции и за воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей. Очевидно, что в круг служебных обязанностей оперативного сотрудника полиции входит проведение ОРМ, поэтому воспрепятствование законным действиям оперативного сотрудника, осуществляющего ОРМ, также может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Специалисты отмечают, что воспрепятствование исполнению служебных обязанностей может быть физическим, психологическим,

⁸ Решение Забайкальского краевого суда от 23 октября 2017 г. по делу № 7-12-208/2017.

⁹ Решение Верховного Суда Республики Бурятия от 11 февраля 2015 г. по делу № 12-21.

¹⁰ Решение Томского областного суда от 3 июня 2021 г. по делу № 77-206/2021.

¹¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

¹² Решение Верховного Суда Республики Бурятия от 11 февраля 2015 г. по делу № 12-21.

организационным [3, с. 83], т. е. воспрепятствование может выражаться как в активных действиях нарушителя, так и в пассивном его поведении, сущность которого может заключаться в создании препятствий на любой стадии проведения ОРМ. Например, 10 апреля 2013 г. около 10 часов 30 минут в кабинете отдела кадров филиала «Хабаровский» ОАО «РЭУ» ведущий юрисконсульт этого филиала Горячев В. Д. дал указание сотрудникам филиала Овчинниковой Т. М. и Борисовой К. И. покинуть кабинет отдела кадров, в целях непредоставления необходимой документации сотрудникам органов ФСБ — оперуполномоченным отдела ФСБ по Хабаровскому гарнизону П. и Ш., производившим на тот момент в указанном кабинете оперативно-розыскное мероприятие «обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». В результате воспрепятствования Горячевым В. Д. исполнению служебных обязанностей сотрудниками ФСБ России было сорвано проведение вышеуказанного ОРМ, в связи с чем изучить, а при необходимости — истребовать необходимую документацию не представилось возможным. Индустриальный районный суд г. Хабаровска признал виновным Горячева В. Д. в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.3 КоАП РФ и назначил наказание в размере одной тысячи рублей¹³.

В то же время, согласно протоколу об административном правонарушении, составленному участковым уполномоченным полиции ОП по Октябрьскому району Управления МВД России по г. Барнаулу, гражданин П., находясь в служебном кабинете указанного отдела, воспрепятствовал исполнению служебных обязанностей сотрудников полиции — оперуполномоченным ОУР УМВД России по г. Барнаулу, а именно не выполнил требования, предъявляемые указанными сотрудниками неоднократно: прекратить свои противоправные действия, препятствующие выполнению возложенных на них обязанностей (проведение ОРМ в целях установления лиц, причастных к совершению преступлений), а также предоставить образцы буккального эпителия для сравнительного исследования в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия: сбор образцов для сравнительного исследования... Однако суд установил, что в данном случае основанием для проведения ОРМ явились: указание о получении биологических образцов (буккального эпителия) у лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, ранее судимых за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкос-

новенности и половой свободы личности, согласно списку, размещенному в сети ГУ МВД по Алтайскому краю; поручение Следственного управления СК по Алтайскому краю о необходимости отобрать буккальный эпителий у лиц, представляющих оперативный интерес, проживающих на территории г. Барнаула в целях отработки на причастность к преступлениям. Из содержания приведенных документов, а также из объяснений сотрудников полиции, допрошенных судьей в качестве свидетелей, следует, что в отношении П. проводилось ОРМ — сбор образцов для сравнительного исследования, однако своего согласия на проведение данного мероприятия он не давал, при этом ни подозреваемым, ни обвиняемым в совершении преступлений он признан не был. При таких обстоятельствах действия П., выразившиеся в отказе в предоставлении образцов для проведения сравнительного исследования, состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, не образуют¹⁴.

Таким образом, только при соблюдении законодательной процедуры проведения ОРМ оперативный сотрудник полиции находится при исполнении своих служебных обязанностей, воспрепятствование которым влечет привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Следует отметить, что ранее мы уже достаточно подробно останавливались на вопросе проведения ОРМ в отношении граждан, подвергнутых административному задержанию или административному аресту [4, с. 134–138]. В правоприменительной практике действительно имеются случаи привлечения граждан к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ за правонарушение, совершенное при их физическом захвате оперативными сотрудниками по подозрению в совершении преступления, и последующее проведение в отношении таких граждан комплекса ОРМ в целях обеспечения расследования по уголовному делу. Так, в ночь на 5 октября 2005 г. при попытке совершить очередное хищение нефти были задержаны граждане Горбань и Елфимов, а 6 октября 2005 г. было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. Затем постановлением мирового судьи от 6 октября 2005 г. Горбань и Елфимов были подвергнуты административному аресту на 12 суток за совершение при задержании административного нарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. Во время отбывания Горбанем и Елфимовым административного наказания оперативные сотрудники

¹³ Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 15 июля 2013 г. по делу № 5-397/2013. URL: https://ordrf.ru/legal_office/неповиновение-законному-требованию/ (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁴ Решение Алтайского краевого суда от 21 февраля 2017 г. по делу № 7-39/2017.

проводили с ними беседы, связанные с выявлением обстоятельств хищения нефти¹⁵.

К сожалению, в обнаруженных нами материалах отсутствует информация о конкретных обстоятельствах совершенного административного правонарушения, однако, учитывая указанное развитие событий, осмелимся предположить, что у следователя не имелось достаточных оснований для принятия процессуального решения о задержании. Действительно, административное нарушение было совершено при задержании(!), однако впоследствии уголовное дело возбуждено в отношении неустановленных лиц(!). Можно сделать вывод: «задержание», а точнее «захват», оперативные сотрудники проводили, скорее всего, на месте преступления с поличным, однако после доставления подозреваемых в отдел выяснилось, что собранных материалов достаточно для возбуждения уголовного дела, но недостаточно для принятия процессуального решения об их уголовно-процессуальном задержании.

Безусловно, при наличии достаточных оснований для уголовно-процессуального задержания и соответствующего решения следователя, как правило, оперативные сотрудники не настаивают на оформлении административного правонарушения, списывая неповиновение, а порой и последствия активного сопротивления подозреваемых на издержки своей профессии. В случае отказа следователя принять решение о задержании, оперативные сотрудники осознают всю негативную перспективу последующих событий. Так, в приведенном примере очевидно, что Горбань и Елфимов, оставаясь на свободе, могли скрыться от следствия, уничтожить следы преступления, вступить в сговор с соучастниками и т. п. Именно поэтому оперативные сотрудники воспользовались возможностью привлечения этих граждан к административной ответственности и наложения на них административного наказания в виде ареста при условии, что факт неповиновения

или воспрепятствования действительно имел место. В свою очередь, все последующие «встречи» и «беседы» с такими лицами оперативных сотрудников полиции должны проводиться исключительно в виде ОРМ или следственных действий в полном соответствии с уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством при неукоснительном соблюдении конституционных прав граждан.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Оперативно-розыскная деятельность сотрудников полиции в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений является исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а потому законные требования и распоряжения оперативных сотрудников полиции при осуществлении проверки сообщений о преступлении или в рамках обеспечения расследования уголовного дела обязательны для исполнения всеми гражданами, к которым такие требования или распоряжения обращены.

2. При наличии установленных ФЗ об ОРД оснований и соблюдении условий, регламентированных законодательными и ведомственными нормативными актами, проведение того или иного ОРМ будет являться процессом выполнения оперативным сотрудником полиции своих служебных обязанностей. Поэтому воспрепятствование (действием или бездействием) проведению такого ОРМ, а равно неповиновение законным требованиям оперативного сотрудника полиции, осуществляющего его проведение, может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

3. В отношении задержанных или арестованных в административном порядке лиц могут проводиться любые ОРМ при условии соблюдения законодательной процедуры их осуществления и обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь.

Список источников

1. Иванов А. В. Явка с повинной как механизм уголовной юстиции // Адвокатская практика. 2016. № 2.
2. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 2-е изд. М., 2008.
3. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях : ч. 2 / Р. В. Аменин, М. Б. Добробаба, М. Э. Капитанец [и др.] ; под общ. ред. Л. В. Чистяковой. М., 2019. Т. 1.
4. Гусев В. А, Луговик В. Ф. Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, подвергнутых административному задержанию или административному аресту // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89).

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2009 г. № 47-О09-13.

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-288-294

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Соотношение предусмотренных и не предусмотренных уголовным законом смягчающих наказание обстоятельств

Алексей Алексеевич Нечепуренко

доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела¹, ✉ nechepurenko_oma@mail.ru

Елизавета Владимировна Шиманович

научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела², ✉ liza_shimanovi4@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия)

Рассматривается соотношение различных по правовому статусу смягчающих наказание обстоятельств с учетом наметившейся тенденции к нормативному закреплению большего значения предусмотренных в законе смягчающих наказание обстоятельств. На основе анализа судебной практики определяется место смягчающих обстоятельств, не предусмотренных уголовным законом, как второстепенных и дополнительных по отношению к смягчающим обстоятельствам, предусмотренным ч. 1 ст. 61 УК РФ. С учетом изучения истории развития системы смягчающих наказания обстоятельств, проведенного эмпирического исследования и точек зрения ученых, исследовавших данную проблему, делается вывод о целесообразности развития указанной тенденции и на этом основании формулируются предложения по совершенствованию ряда норм Общей части УК РФ, касающихся назначения наказания.

Ключевые слова: обстоятельства смягчающие наказание, категория преступления, назначение более мягкого наказания, суд присяжных, рецидив преступления, условное осуждение

Для цитирования: Нечепуренко А. А., Шиманович Е. В. Соотношение предусмотренных и не предусмотренных уголовным законом смягчающих наказание обстоятельств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 288–294.

Correlation between Mitigating Circumstances Provided and Not Provided for by the Criminal Law

Alexey A. Nechepurenko

Doctor of Science (in Law), professor, Chief of Editorial Publishing Department¹, ✉ nechepurenko_oma@mail.ru

Elizaveta V. Shimanovich

Researcher of the Research and Editorial Publishing Department², ✉ liza_shimanovi4@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnoyarsk, Russia)

The correlation between mitigating circumstances of different legal status is considered with regard to the emerging trend towards normative consolidation of the greater importance of mitigating circumstances provided for by the law. Based on the analysis of judicial practice, the place of mitigating circumstances not provided for by criminal law is determined as secondary and additional in relation to the mitigating circumstances provided for in Part 1 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into account the study of the history of the development of the system of mitigating circumstances, the empirical research conducted and the points of view of scientists who have studied this problem, the authors come to the conclusion about the advisability of developing this trend and, on this ground, proposals are formulated to improve a number of norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation connected with imposing punishment.

Keywords: mitigating circumstances, the category of crime, a less severe punishment, jury verdict, upon crime recidivism, imposing probation

Citation: Nechepurenko A. A., Shimanovich E. V. Correlation between Mitigating Circumstances Provided and Not Provided for by the Criminal Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 288–294 (In Russ.).

В исторической ретроспективе развития системы смягчающих наказание обстоятельств в России можно отметить, что изначально законодатель предпочитал формировать исчерпывающий список обстоятельств, гарантированно смягчающих наказание виновному, и только с развитием института назначения наказания допускал к процессу формирования смягчающих наказание обстоятельств судей. Причем происходило это достаточно противоречиво, вплоть до отказа законодателя от формулирования какого-либо перечня таких обстоятельств. Так, в досоветский период впервые законодательно был закреплен закрытый перечень смягчающих обстоятельств в ст. 140 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В последующем в ряде законов был закреплен порядок использования судами при назначении наказания и иных, не предусмотренных законом обстоятельств (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. (ст. ст. 153, 154), Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. ст. 774, 828)); а в Уголовном уложении 1903 г. (ст. 53) предлагалось обходиться исключительно усмотрением суда при установлении обстоятельств, смягчающих наказание виновному в совершении преступления. В дальнейшем российский законодатель был более последователен. В советский период развития уголовного права в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (ст. 32), а затем и в УК РСФСР редакции 1926 г. (ст. 48) был закреплен закрытый перечень смягчающих наказание обстоятельств. Только в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 33) и соответственно в УК РСФСР 1960 г. (ст. 38) этот перечень стал открытым. При этом значение указанных и не указанных в законе смягчающих обстоятельств для назначения наказания (определения его срока, размера и вида) формально уравнивалось. В постсоветский период в развитии открытого перечня смягчающих обстоятельств наметилась весьма показательная и логичная, на наш взгляд, тенденция к разграничению смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных и не предусмотренных уголовным законом, с повышением значения первых, которая прослеживается начиная с проекта УК РФ 1994 г. (ст. 63 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление») ¹ в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ 1996 г. (ст. 64 «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств»); в первой редакции УК РФ 1996 г.

(ст. 62, ч. 4 ст. 65), а также в действующей редакции УК РФ (чч. 1, 2 ст. 62, ч. 3 ст. 68).

Чтобы обосновать нашу позицию по вопросу о приоритетном значении смягчающих обстоятельств, указанных в уголовном законе, обратим более пристальное внимание на обстоятельства, которые суды широко применяют на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Предусмотренные законом обстоятельства, смягчающие наказание, закреплены в ч. 1 ст. 61 УК РФ, содержащей 10 пунктов. Одни пункты включают одно смягчающее обстоятельство (пп. «б», «в», «г», «з»), другие — несколько (пп. «а», «д», «е», «ж», «и», «к»). При этом ч. 2 ст. 61 УК РФ позволяет правоприменителю учитывать в качестве смягчающих наказание обстоятельств еще и иные, не предусмотренные закрепленным в ч. 1 ст. 61 перечнем. Какие именно смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, суды учитывают со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ, возможно установить лишь эмпирическим путем. Проведенное нами исследование показало, что судами в проанализированных приговорах было применено 48 различных формулировок смягчающих обстоятельств, 35 из которых не предусмотрены уголовным законом. В общей сложности в изученных приговорах было отмечено 2065 случаев применения этих смягчающих наказание обстоятельств, из них 1397 (67,65%) не указанных в российском уголовном законодательстве (на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ) ². Таким образом, смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, значительно преобладают над теми, которые указаны в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Сходные результаты исследования получены и другими учеными. Так, Д. С. Дядькин отмечает, что смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, встречаются в несколько раз чаще, чем те, которые в законе указаны (примерно в 80% случаев) [1, с. 23]. В статье О. А. Мясникова приведена статистика, согласно которой смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, применялись в 65% дел [2, с. 51]. А. Ю. Буланов указывает что суды применяют смягчающие обстоятельства, не предусмотренные законом, в 60% уголовных дел [3, с. 80].

Интересно, что при анкетировании судей по данному вопросу нами был получен несколько иной результат. Так, на вопрос «Какие смягчающие наказание обстоятельства Вы применяете чаще?» 56 (56,57%) опрошенных выбрали вариант «указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ», 43 (43,43%) респондента ответили — «иные, на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ» ³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть : проект / И. М. Гальперин, А. Н. Игнатов, А. О. Иванов, С. Г. Келина [и др.]. М., 1994. С. 37.

² Проанализированы 500 приговоров, в рамках которых суды учитывали обстоятельства, смягчающие наказание, вынесенных судами во всех субъектах Российской Федерации в период с 2016 по 2020 гг.

³ Проведено анкетирование 99 судей Омской и Иркутской областей, республик Ингушетия и Коми, Красноярского края.

Вероятно, судьи в рассматриваемой ситуации выдают желаемое за действительное, так как объективный анализ приговоров показал другие результаты.

Приведенные выше статистические данные, а также результаты анкетирования практических работников наглядно показывают, что смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, играют важную роль в системе смягчающих обстоятельств в целом. Однако далеко не всегда учтенные судами смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, уменьшают степень общественной опасности виновного или совершенного им преступления, хотя это является их основным предназначением. Так, изучив практику применения судами таких смягчающих обстоятельств, Н. Ю. Скрипченко отмечает, что «большинство обстоятельств, учитываемых судами в качестве смягчающих, таковыми не являются, так как сами по себе еще не свидетельствуют о снижении общественной опасности совершенного как деяния, так и личности виновного» [4, с. 29]. Безусловно, суд обязан учесть при назначении наказания все обстоятельства, характеризующие виновного, однако не всегда они должны выступать в качестве смягчающих, возможно, в некоторых случаях их следует учесть лишь как данные о личности.

Анализ противоречивой практики применения смягчающих наказание обстоятельств, не предусмотренных уголовным законом, позволяет и ряду других ученых занимать крайне критические позиции относительно открытого перечня смягчающих обстоятельств. Так, А. В. Курц предлагает следующее изложение ч. 2 ст. 61 УК РФ: «При назначении наказания суд не вправе учитывать в качестве смягчающих обстоятельства, не указанные в части первой настоящей статьи» [5, с. 39]. Точки зрения, что перечень смягчающих обстоятельств должен быть исчерпывающим, придерживается и В. Н. Воронин [6, с. 134–135]. А. Е. Куковякин предлагает пересмотреть предложенный законодателем перечень, расширив его и исключив ч. 2 ст. 61 из УК РФ [7, с. 111]. Р. С. Данелян тоже считает, что необходимо ограничиться списком ч. 1 ст. 61 УК РФ, так как «одни судьи учитывают какие-то обстоятельства, не указанные в законе в качестве смягчающих, другие — нет. И это не соответствует принципу справедливости. Помимо этого, многие произвольные формулировки таких обстоятельств указывают на нечеткое понимание судьями правовой природы смягчающих обстоятельств, что ведет к разнобою в судебной практике» [8, с. 223]. Некоторые правоприменители также считают, что необходимо исключить ч. 2 ст. 61 УК РФ или записать в ней, что никакие иные обстоятельства, кроме перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ, не могут быть признаны смягчающими на-

казание. Так, 10 (10,1%) опрошенных нами судей высказались за использование закрытого перечня обстоятельств, смягчающих наказание. Мы разделяем мнение Р. С. Данеляна в части, касающейся неединообразного применения судьями того или иного смягчающего обстоятельства, не указанного в законе. При этом считаем, что список смягчающих обстоятельств должен быть открытым, однако необходимо выработать определенные правила применения судами смягчающих обстоятельств, не указанных в законе.

Полагаем, что основным инструментом судьи для применения смягчающих обстоятельств должен служить перечень, предусмотренный ч. 1 ст. 61 УК РФ, а ч. 2 данной нормы может быть лишь вспомогательным инструментом, позволяющим смягчать наказание для каждого лица индивидуально, с учетом обстоятельств совершенного им деяния. Более редкое применение судами смягчающих обстоятельств из ч. 1 ст. 61 УК РФ в сравнении с теми, которые законом не предусмотрены, как раз обусловлено тем, что в перечне должны быть закреплены не самые широко применяемые смягчающие обстоятельства, а типовые, т. е. те, которые гарантированно, в любом случае снижают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, независимо от обстоятельств совершенного преступления, либо применяются из общепринятых гуманных соображений, а обстоятельства, не указанные в УК РФ, должны учитываться применительно к конкретному преступлению и преступнику. Сходное понимание характера смягчающих обстоятельств, указанных в законе, находим и у Л. Л. Кругликова, который считает, что основными особенностями данных обстоятельств должны быть типичность, обязательность (безусловность) и строго определенная направленность влияния [9, с. 18]. Следовательно, значение смягчающих обстоятельств, закрепленных и не закрепленных в ст. 61 УК РФ, должно различаться, иначе не было бы необходимости делить смягчающие обстоятельства на указанные и не указанные в законе. Л. Л. Кругликов отмечает, что при назначении наказания с учетом смягчающих обстоятельств необходимо иметь в виду неравноценность их по силе влияния [10, с. 148].

Для дальнейшего анализа смягчающих наказание обстоятельств, которые используют суды, целесообразно обратиться к классификации смягчающих обстоятельств. Для этих целей используем поддерживаемую нами позицию Л. Л. Кругликова, который предлагает следующим образом классифицировать все смягчающие ответственность обстоятельства:

1) характеризующие степень общественной опасности преступления и личности;

2) характеризующие только личность:

а) отражают степень общественной опасности личности;

б) не сказываются на опасности личности и учитываются судом из гуманных соображений [10, с. 115].

Если рассматривать все смягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ, то половина из них будет относиться к первой группе (пп. «а», «д», «е», «ж», «з»). Остальные смягчающие обстоятельства будут характеризовать только личность виновного, причем одни — уменьшать степень его общественной опасности (пп. «и», «к»), а другие — учитываться в силу гуманизма (пп. «б», «в», «г»). Что касается смягчающих обстоятельств, не указанных в законе, ни одно из 35 обстоятельств, учтенных судами в качестве смягчающих со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ, которые встретились нам при изучении приговоров, не относится к первой группе, а все они характеризуют исключительно личность виновного. Объяснить такую позицию можно не только результатами анализа данных, полученных эмпирическим путем, но и тем, что все смягчающие обстоятельства, характеризующие преступление, уже предусмотрены в закрепленном законодателем перечне. При этом все смягчающие обстоятельства, которые характеризуют личность виновного, описать в законе невозможно, так как каждый преступник индивидуален, как и его поведение до и после совершения преступления. В силу этого какие-то характеристики личности одного виновного будут являться смягчающими наказания обстоятельствами, а другого — нет. Поэтому в законе должны быть закреплены только те смягчающие обстоятельства, характеризующие личность виновного, которые гарантированно снижают степень общественной опасности любого виновного или внесены в перечень из общепринятых гуманных соображений. Все остальные смягчающие обстоятельства, относящиеся к личности виновного, должны учитываться как не указанные в законе, со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ и, соответственно, подтверждаться мотивировкой их применения судом.

Смягчающие обстоятельства, не предусмотренные в законе, характеризующие личность виновного, как правило, указывают на:

1) отношение виновного к совершенному преступлению и уменьшение степени общественной опасности преступления или лица, его совершившего;

2) иные данные о личности виновного, не связанные с преступлением, но учитываемые судом из гуманных соображений или уменьшающие степень общественной опасности виновного.

Первые из названных смягчающих обстоятельств свидетельствуют о положительном поведении подсудимого (признание вины,

раскаяние в содеянном, частичное возмещение ущерба, примирение с потерпевшим и др.) и снижают степень общественной опасности лица, если суд убедится в реальном желании подсудимого таким образом загладить вред, причиненный преступлением. Вторая группа смягчающих обстоятельств более многочисленна, и отдельные обстоятельства из этой группы обоснованно применяются судами исключительно из соображений гуманизма (плохое состояние здоровья подсудимого, нахождение на его иждивении близких родственников, пожилой возраст и др.). Однако в большинстве случаев отнесение таких обстоятельств к смягчающим носит формальный, а иногда и надуманный характер, в приговоре их применение никак не мотивируется конкретными обстоятельствами совершенного преступления и поэтому вызывает сомнение обоснованность их учета именно в таком качестве, а не в качестве данных о личности виновного (имеет удовлетворительную характеристику по месту работы, молодой возраст, не состоит на учете у врача-психиатра и врача-нарколога, не имеет судимости, имеет неработающую супругу, занимается общественно полезным трудом, занимается благотворительностью и др.).

Как ранее отмечалось, суды при учете смягчающих обстоятельств значительно чаще применяют те, что не указаны в законе. Объяснить такое частое обращение правоприменителя к ч. 2 ст. 61 УК РФ можно в том числе тем, что в ряде статей УК РФ законодатель говорит о наличии смягчающих обстоятельств в целом, т. е. имеет в виду не только присутствующие в конкретном закрепленном перечне, но и иные, которые может определять таковыми и применять суд на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ. Перечислим эти нормы: 1) ч. 6 ст. 15 УК РФ, где речь идет об изменении категории преступления, в том числе при наличии смягчающих обстоятельств; 2) ч. 2 ст. 64 УК РФ, согласно которой исключительными могут являться любые смягчающие обстоятельства: как указанные, так и не указанные в законе; 3) ч. 2 ст. 73 УК РФ позволяет суду назначить условное осуждение, в том числе учитывая и смягчающие обстоятельства. Все названные статьи дают возможность суду значительно смягчить виновному наказание.

При этом в ряде иных статей УК РФ законодателем указывается на то, что при учете смягчающих обстоятельств необходимо обращать внимание лишь на закрепленные в перечне, установленном ч. 1 ст. 61 УК РФ. Примером является ч. 3 ст. 68 УК РФ, в которой говорится, что при любом виде рецидива преступлений срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания лишь при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, т. е. входящих в перечень ч. 1 данной статьи. Положения

чч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ также устанавливают пределы правоприменителю в смягчении наказания, ограничивая не только определенной частью ст. 61 УК РФ, но и конкретными пунктами ч. 1 этой статьи.

Считаем, что следует изменить редакции ст. ст. 15, 64 и 73 УК РФ таким образом, чтобы основанием для применения предусмотренных в них мер являлось наличие не любых смягчающих обстоятельств, а только тех, которые имеются в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ. Это будет способствовать ограничению расширительного судебного усмотрения по применению ч. 2 ст. 61 УК РФ, а также усилит значение смягчающих обстоятельств, включенных в перечень ч. 1 ст. 61 УК РФ, так как они носят типовой характер, в связи с чем именно они и должны рассматриваться в качестве одного из условий, дающих право применять меры, указанные в положениях ч. 6 ст. 15, ч. 2 ст. 64 и ч. 2 ст. 73 УК РФ. Значительная часть опрошенных судей (38,38%) также считает, что типовым смягчающим обстоятельствам следует придавать большее значение для назначения наказания, чем тем, которые устанавливает суд, руководствуясь ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Так, в части 6 ст. 15 УК РФ говорится об изменении категории преступления с учетом фактических обстоятельств деяния, степени его общественной опасности, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, а также отсутствии отягчающих наказание обстоятельств. При изменении категории преступления суды чаще всего перечисляют любые смягчающие обстоятельства, как указанные, так и не указанные в законе, поскольку в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» говорится, что по делу могут приниматься во внимание не только перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ смягчающие обстоятельства, но и не вошедшие в данный перечень⁴. При этом, как отмечает Л. О. Кулева, некоторые фактические обстоятельства совершенного преступления не свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности и могут ставить под сомнение учтенные судом смягчающие обстоятельства [11, с. 34]. А. А. Хайдаров полагает, что для изменения категории преступления должны учитываться только смягчающие обстоятельства из ч. 1 ст. 61 УК РФ [12, с. 42]. Мы поддерживаем такую позицию и полагаем, что данную проблему можно решить с помощью внесения в ч. 6 ст. 15 УК РФ соответствующих изменений.

В части 2 ст. 64 УК РФ закреплено, что «исключительными могут быть признаны как отдельные

смягчающие обстоятельства, так и совокупность таких обстоятельств». Получается, что в качестве таких могут выступать как указанные, так и не указанные в законе. Еще в советский период М. Н. Гернет, А. Н. Трайнин, М. М. Исаев отмечали, что исключительными могут считаться только те смягчающие обстоятельства, которые включены в предложенный законодателем перечень [13, с. 75; 14, с. 12]. Данные авторы высказывались в период действия УК РСФСР 1922 г., когда перечень смягчающих обстоятельств был закрытым, соответственно, суд и не мог учитывать иные смягчающие обстоятельства, не указанные в законе. Как упоминалось в начале статьи, в 1994 г. группой ведущих российских ученых при подготовке проекта Общей части УК РФ предлагалось признавать в качестве исключительных только те смягчающие обстоятельства, которые предусмотрены установленным законодателем перечнем (ст. 63 проекта), однако это не было учтено при принятии действующего УК РФ.

Изучив практику признания судами смягчающих наказание обстоятельств исключительными, А. Е. Куковякиным предложен следующий вариант изменения формулировки ч. 2 ст. 64 УК РФ: «Исключительными признаются два или более смягчающих обстоятельства из числа указанных в части первой статьи 61 настоящего Кодекса, если они связаны с поведением виновного во время и после совершения преступления и существенно уменьшают степень общественной опасности данного преступления» [15, с. 85]. Мы считаем, что можно изложить данную часть 2 ст. 64 УК РФ в более компромиссном варианте, оставив указание лишь на то, что исключительным может быть признано и одно смягчающее обстоятельство, предусмотренное частью первой статьи 61 УК РФ. В части 2 ст. 73 УК РФ закреплено, что «при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства». Условное осуждение позволяет виновному избежать реального наказания, если в период испытательного срока он оправдает доверие суда своим исправлением. На наш взгляд, при таком решении суда об испытании на способность осужденного вести в дальнейшем правопослушный образ жизни, должны учитываться не любые смягчающие обстоятельства, а именно те, которые гарантированно уменьшают степень общественной опасности преступления или лица, его совершившего, т. е. включенные в перечень ч. 1 ст. 61 УК РФ.

В части 3 ст. 68 указано, что срок наказания при любом виде рецидива может быть существен-

⁴ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7. С. 2–4.

но уменьшен при условии, что судом установлены «*смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 УК РФ*». Однако в абз. 3 п. 48 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 к таким обстоятельствам предлагается относить не только предусмотренные ч. 1 ст. 61 УК РФ, но и признанные судом таковыми в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ, т. е. законом не предусмотренные⁵. На наш взгляд, такое толкование закона высшим судебным органом недопустимо, так как он должен разъяснять содержание норм Уголовного кодекса РФ, а не расширять их смысл. Для передачи точного смысла ч. 3 ст. 68 УК РФ и во избежание расширительного толкования указанной законодательной формулировки в судебной практике предлагаем изменить данную норму, уточнив, что для смягчения наказания при рецидиве преступлений судом должны быть установлены только те смягчающие обстоятельства, которые предусмотрены ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Кроме того, целесообразно вернуться к учету только смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ, при столь ответственной процедуре назначения наказания, как вердикт суда присяжных о снисхождении, как это и предусматривалось законодателем в первой редакции ст. 65 УК РФ.

Итак, если быть последовательными в признании важной роли для назначения наказания предусмотренных уголовным законом смягчающих обстоятельств по сравнению со смягчающими обстоятельствами, уголовным законом не предусмотренными, то следует произвести в обозримой перспективе следующие принципиальные изменения в ряде статей

УК РФ, регламентирующих особый порядок смягчения наказания, а именно:

— в ч. 6 ст. 15 УК РФ после слов «*смягчающих наказание обстоятельств*» добавить «*предусмотренных частью первой статьи 61 настоящего Кодекса*»;

— в ч. 2 ст. 64 УК РФ после слов «*смягчающие обстоятельства*» добавить «*предусмотренные частью первой статьи 61 настоящего Кодекса*»;

— в ч. 4 ст. 65 УК РФ после слов «*заслуживающим снисхождения,*» добавить «*учитываются обстоятельства, смягчающие наказание, предусмотренные частью первой статьи 61 настоящего Кодекса, а*»;

— в ч. 3 ст. 68 УК РФ слова «*статьей 61 настоящего Кодекса*» изложить в следующей редакции «*частью первой статьи 61 настоящего Кодекса*»;

— в ч. 2 ст. 73 УК РФ после слов «*в том числе смягчающие*» добавить «*обстоятельства, предусмотренные частью первой статьи 61 настоящего Кодекса*».

Такой акцент при назначении наказания на перечне смягчающих обстоятельств, предусмотренном ч. 1 ст. 61 УК РФ, является своеобразным компромиссом между сторонниками закрытого перечня таких обстоятельств и сторонниками сложившейся на настоящий момент парадоксальной правоприменительной ситуации, при которой уравнивается значение типовых законодательно установленных и десятилетиями проверенных смягчающих обстоятельств и обстоятельств, признаваемых судом смягчающими без всякого обоснования по конкретному преступлению. Кроме того, повышение значимости типовых смягчающих наказание обстоятельств позволит придать динамики совершенствованию их перечня, предусмотренного уголовным законом, в количественном и качественном отношении.

Список источников

1. Дядькин Д. С. Обстоятельства, смягчающие наказание, не указанные в законе // Российский следователь. 2008. № 11.
2. Мясников О. А. О смягчающих наказание обстоятельствах, не указанных в законе // Российская юстиция. 2001. № 4.
3. Буланов А. Ю. Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступлений и назначении наказания. М., 2005.
4. Скрипченко Н. Ю. Анализ правоприменительной практики признания судами обстоятельств, смягчающих наказание, не указанных в законе // Российская юстиция. 2016. № 4.
5. Куриц А. В. Следует ли перечень обстоятельств, смягчающих наказание, оставлять открытым? // Уголовное право. 2004. № 2.
6. Воронин В. Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
7. Куковьякин А. Е. К вопросу о целесообразности расширения перечня смягчающих обстоятельств // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 41.

⁵ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Рос. газета. 2015. 29 дек.

8. *Данелян Р. С.* Судейское усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : монография. Ростов н/Д, 2006.
9. *Кругликов Л. Л.* Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. Ярославль, 1977.
10. *Кругликов Л. Л.* Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Вопросы теории. Воронеж, 1985.
11. *Кулева Л. О.* Изменение категории преступления: анализ судебной практики // Уголовное право. 2022. № 1.
12. *Хайдаров А. А.* Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // Законность. 2015. № 2.
13. *Уголовный кодекс.* Научно-популярный практический комментарий / под ред. М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. М., 1925.
14. *Исаев М. М.* Дела о прогулах и самовольном уходе и вопросы Общей части уголовного права // Сов. юстиция. 1941. № 7.
15. *Куковякин А. Е.* Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

УДК 343.77:343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-295-302

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Состояние экологической преступности на территории Омской области

Игорь Владимирович Попов

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Основываясь на информации, полученной в Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Омской области, Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Омской области, отделе государственного экологического надзора по Омской области Сибирского межрегионального управления Росприроднадзора, автор делает вывод о некотором снижении экологической преступности и ее незначительной доле в общей структуре преступности региона. Отмечается, что в структуре экологической преступности по-прежнему преобладают деяния, связанные с браконьерством. Преступления, изменяющие качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, практически не регистрируются на территории Омской области. Автор полагает, что такое положение дел обусловлено отсутствием специализированных подразделений по расследованию этого вида преступлений в структуре правоохранительных органов, а также системными недостатками работы природоохранных органов по выявлению загрязнителей природной среды, существенными ограничениями, установленными в федеральном законодательстве по оперативному и внезапному обнаружению нарушителей законодательства об охране окружающей среды.

Ключевые слова: уголовная статистика, криминология, экологические преступления, браконьерство

Для цитирования: Попов И. В. Состояние экологической преступности на территории Омской области // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 295–302.

Ecological Crimes in Omsk Region

Igor V. Popov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Criminal Law¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Based on the information received from the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Omsk region, the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation in Omsk region, department of State Ecological Supervision in Omsk region of Siberian Interregional directorate of the Federal Service for Supervision of Natural Resources, the author concludes that there is a decrease in ecological crime and insignificant proportion of this type of crime in the whole structure of criminality in the region. It is noted that offences related to poaching are still prevalent in the structure of ecological crime. Crimes altering the quality of the components of the environment through their contamination and other negative impact are actually not recorded in Omsk region. According to the author such state of affairs is determined by lack of specialized law enforcement units assigned to investigate this type of crime as well as by system drawbacks in the work of environmental regulator on identifying environmental pollutants, essential restraints set by the federal legislation on operative and abrupt detection of violators of environmental legislation.

Keywords: criminal statistics, criminology, ecological crimes, poaching

Citation: Popov I. V. Ecological Crimes in Omsk Region. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 295–302 (In Russ.).

Как справедливо отмечается в научной литературе, уголовная статистика есть некая основа, база управленческой сферы правоохранительных органов и при планировании их деятельности, и при

оценке ее эффективности [1, с. 79]. При помощи правовой статистики устанавливаются устойчивые закономерности в преступности как массовом социально-негативном явлении, которое имеет опре-

деленную внутреннюю логику и закономерности [2, с. 10]. Поэтому изучение статистических данных отдельных видов преступлений дает богатую почву для размышлений, помогает в выработке подходов к борьбе с асоциальным поведением.

Экологическая тематика имеет весьма высокий запрос в обществе, а преступления против природы вызывают глубокую озабоченность у населения, порождая нередко массовые социальные протесты [3, с. 15], что обусловлено их высочайшей вредоносностью [4, с. 54]. Как отмечается в научной литературе, только по официальным данным, около 40% территории России (центр и юг европейской части Российской Федерации, Средний и Южный Урал, Западная Сибирь, Поволжье), где проживает более 60% ее населения, представляют собой зоны экологического неблагополучия, причинами которого являются радиационное и химическое загрязнение территорий, неконтролируемый рост количества вредных промышленных и бытовых отходов, выброс в воздушное пространство и сброс в водные объекты токсичных веществ и другие негативные воздействия [5].

В связи с этим изучение уголовной статистики данного вида преступлений представляется весьма важным делом.

Анализ статистических данных свидетельствует о снижении в Омской области числа регистрируемых экологических преступлений¹, и это при том, что большая часть посягательств, нарушающих природоохранное законодательство, квалифицируется как административные правонарушения, значительная часть остается невыявленной, укрывается сотрудниками природоохранных органов.

Некоторые авторы отмечают, что латентность экологической преступности доходит до 95–99% [6, с. 13].

Так, по итогам 2022 г. на территории Омской области зарегистрировано 333 преступления, предусмотренные главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации «Экологические преступления», что на 34 или 9,3% меньше, чем в 2021 г. (367). Предварительным расследованием окончено 148 уголовных дел (в 2021 г. — 163), снижение окончанных расследованием уголовных дел составило 9,2%. Приостановлено 177 уголовных дел (в 2021 г. — 196 уголовных дел), снижение по сравнению с предыдущим годом составило 9,7%.

Общая сумма причиненного ущерба по окончанным производством экологическим преступлениям составила 18,386 млн руб., по приостановленным — 205,199 млн руб. В ходе расследования возмещено добровольно и изъято 8,819 млн руб., наложен арест на имущество на сумму 2,685 млн руб.

Выявлено 135 лиц, совершивших преступления.

Несмотря на высокий общественный резонанс экологических преступлений, доля их в общей структуре преступности незначительна. По итогам 2022 г., удельный вес преступлений данной категории от общего числа зарегистрированных преступлений составил всего 1,4%.

Преступления, представленные в статьях главы 26 УК РФ, являются неоднородными. Их условно можно разделить на три группы:

1) преступления, изменяющие качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия (ст. ст. 246, 247, 250–252, 254, ч. 1 ст. 261 УК РФ в части неосторожного обращения с источниками повышенной опасности, повлекшего уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений в результате загрязнения и иного негативного воздействия, а также чч. 3 и 4 ст. 261 УК РФ в отношении умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений путем загрязнения и иного негативного воздействия);

2) преступления, направленные на изъятие объектов флоры и фауны из естественной среды обитания, а также незаконный оборот особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов (составы, связанные с браконьерством) (составы, предусмотренные ст. ст. 256, 258, 258¹, 260 УК РФ);

3) преступления, не вошедшие в первые две группы преступлений (предусмотренные ст. ст. 248, 249, 253, 255, 257, 259, 262 УК РФ, а также ст. 261 УК РФ, не вошедшие в первую группу).

Структура экологической преступности за 2022 г. выглядит следующим образом:

— 255 деяний или 76,6% квалифицированы по ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» (снижение на 3,0%; в 2021 г. зафиксировано 263);

— 32 или 9,6% по ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» (снижение на 5,9%; в 2021 г. было 34);

— 23 или 6,9% по ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» (снижение на 36,1%; в 2021 г. — 36);

— 19 или 5,7% по ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» (снижение на 13,6%; в 2021 г. — 22);

— 3 или 0,9% по ст. 258¹ УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» (снижение на 57,1%; в 2021 г. зарегистрировано 7);

— 1 или 0,3% по ст. 254 УК РФ «Порча земли».

¹ Аналитическая информация Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Омской области от 5 июня 2023 г. № 1/2715. URL: <https://55мвд.рф> (дата обращения: 10.08.2023).

По иным составам преступлений главы 26 УК РФ уголовные дела в 2022 г. не возбуждались.

1. Преступления, изменяющие качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия

Как заметно из приведенной выше структуры экологической преступности, составы рассматриваемой группы преступлений (ст. ст. 246, 247, 250–252, 254, ч. 1 ст. 261 УК РФ в части неосторожного обращения с источниками повышенной опасности, повлекшего уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений в результате загрязнения и иного негативного воздействия, а также чч. 3 и 4 ст. 261 УК РФ в части умышленного уничтожения или повреждения лесных насаждений путем загрязнения и иного негативного воздействия) главы 26 УК РФ занимают ничтожно малую долю. Относительно большее количество регистрируемых преступлений по ст. 261 УК РФ объясняется тем, что в статистических данных не выделены отдельно деяния этой группы, а учитывается уничтожение и повреждение лесных и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем (третья группа согласно нашей классификации).

Так, по фактам совершения преступлений, изменяющих качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, в 2022 г. зарегистрировано лишь одно преступление (по ст. 254 УК РФ). Всего за период с 2020–2022 гг. по данной категории дел (без учета чч. 3 и 4 ст. 261 УК РФ) зарегистрировано 7 уголовных дел (табл. 1).

Таблица 1. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений, изменяющих качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Зарегистрировано преступлений								
	Всего			По возбужденным уголовным делам			По материалам об отказе в возбуждении уголовных дел		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Ст. 246 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. 247 УК РФ	0	4	0	0	4	0	0	0	0
Ст. 250 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. 251 УК РФ	1	0	0	1	0	0	0	0	0
Ст. 254 УК РФ	0	1	1	0	1	1	0	0	0
Ст. 261 УК РФ	40	36	23	40	36	23	0	0	0

В то же время на территории Омской области фиксируется весьма значительное число дел, связанных с административно наказуемым загрязнением природной среды. Рассмотрим данные Отдела го-

сударственного экологического надзора по Омской области Сибирского межрегионального управления Росприроднадзора (табл. 2).

Таблица 2. Количество дел об административных правонарушениях в 2022 г.

Статьи КоАП РФ	Число дел об административных правонарушениях	Количество лиц, привлеченных к административной ответственности
Ст. 8.1. Несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов	100	118
Ст. 8.2. Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления	76	72
Ст. 8.6. Порча земель	13	13
Ст. 8.13. Нарушение правил охраны водных объектов	6	5
Ст. 8.21. Нарушение правил охраны атмосферного воздуха	52	53

Ситуация с малым числом лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступное загрязнение компонентов природной среды, характерна для всей страны. Например, несмотря на высокую общественную опасность и обилие фактов преступного загрязнения атмосферного воздуха, с многократным превышением ПДК загрязняющих веществ, случаи привлечения к уголовной ответственности за это носят единичный характер. Так, число осужденных в Российской Федерации по ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы» составило: в 2015 г. — нет; в 2016 г. — 1 человек; в 2017 г. — 2 человека; в 2018 г. — 3 человека; в 2019 г. — 1 человек; в 2020 г. — 2 человека; в 2021 г. — 3 человека; в 2022 г. — нет².

Незначительное число регистрируемых преступлений, связанных с преступным загрязнением окружающей среды, на протяжении многих лет свидетельствует о неадекватности борьбы с ними как правоохранительных, так и природоохранных контролирующих органов. Во многом это объясняется финансовыми трудностями при проведении дорогостоящих экспертиз, плохим качеством материалов, поступающих из контролирующих органов, отсутствием необходимых специалистов-экспертов, слабой лабораторной базой [7, с. 20].

Вместе с тем в Омской области имеются примеры успешного применения норм ст. 251 УК РФ. Так, в связи с многочисленными жалобами жителей поселка Горячий ключ Омского района Омской области о загрязнении воздуха выбросами загрязняющих веществ от асфальтобетонного завода преимуществен-

² URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 14.06.2023).

но в ночное время, влекущими образование цементной пыли на прилегающей территории, органами Росприроднадзора была проведена проверка соблюдения природоохранного законодательства в отношении индивидуального предпринимателя П., который эксплуатировал асфальтобетонную установку с нарушением законодательства об охране атмосферного воздуха, по результатам которой уполномоченный орган обратился в суд с требованием о прекращении ее эксплуатации. Решением Куйбышевского районного суда г. Омска от 2 декабря 2019 г. по делу № 2-4659/2019 на П. была возложена обязанность прекратить эксплуатацию указанного источника выбросов до получения в установленном порядке инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и разработки предельно допустимых выбросов и предельно допустимых нормативов вредного физического воздействия на атмосферный воздух. Однако 30 мая 2020 г. выявлена эксплуатация асфальтобетонной установки ДС-185 с превышением ПДК загрязняющих веществ по взвешенным веществам в 26,3 раза. В ходе внеплановой проверки в июне 2020 г. вновь выявлено превышение фактического количества выбрасываемых загрязняющих веществ над установленным количеством загрязняющих веществ в инвентаризации источников выбросов от стационарного источника загрязнения: бензпирена в 46 раз, оксида углерода в 3,36 раз и взвешенных веществ в 9,24 раза. Тем самым установлены факты нарушения требований законодательства РФ в области охраны атмосферного воздуха: чч. 1, 4 ст. 22, ч. 2 ст. 34 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», чч. 1, 2 ст. 16.1, ч. 3 ст. 19, ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», п. 10, 18, 21 Правил эксплуатации установок очистки газа, утвержденных приказом Минприроды России от 15 июня 2017 г. № 498. По данному факту СУ СК РФ по Омской области 29 июля 2020 г. было возбуждено уголовное дело. Приговором Омского районного суда Омской области от 9 августа 2021 г. П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 200 часов обязательных работ³. Однако общее количество регистрируемых и расследуемых деяний явно не соответствует числу совершаемых преступных посягательств на качество атмосферного воздуха.

Одними из основных причин малого количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступное загрязнение природной среды являются сложности:

1) установления источника эмиссии загрязняющих веществ;

2) выявления лица, совершившего преступление;
3) доказывания причинно-следственной связи между действиями лица, совершившего деяние, и наступившими вредными последствиями, а также нарушением им специальных правил в сфере экологии.

Применительно к преступному загрязнению атмосферы этому способствуют как естественно-природные особенности названного компонента природной среды (следы загрязнения атмосферы держатся недолго и имеют свойство к рассеиванию), так и организационно-контрольные (отсутствие всеохватывающей сети постов отбора проб, что не позволяет оперативно выявлять конкретный источник загрязнения, несогласование между федеральным и региональным экологическим надзором, обязательность согласования проведения проверки с органами прокуратуры, в результате чего утрачивается фактор внезапности и оперативности, а в последнее время — запрет на проведение плановых проверок и др.).

С материально-правовой точки зрения, проблемы квалификации преступного загрязнения природы обусловлены бланкетным характером норм главы 26 УК РФ, отсылающих к специальному правовому регулированию в экологической сфере. По терминологии Ю. А. Тимошенко, этот прием законодательной техники называется «конструктивной бланкетностью», с помощью которого в формулу состава преступления закладываются признаки состава (или элементы в целом) межотраслевого содержания, которые проявляются во всех случаях совершения преступления данного вида [8, с. 211]. Природоохранное законодательство нашей страны является одним из самых объемных и сложных в системе отечественного права. Некоторые исследователи насчитывают в данной сфере около 550 нормативных правовых актов, в том числе 45 законов, 5 кодексов и более 140 постановлений Правительства [9, с. 771]. Другие полагают, что их более четырех тысяч, большая часть которых — подзаконные акты [10, с. 135].

Кроме того, современное экологическое законодательство по сравнению с нормативным правовым регулированием советского периода и начала 90-х гг. прошлого века в значительной мере утратило свою системность. Понятия носят нечеткий характер. Смысл нормы можно уяснить только путем глубокого погружения в значительный массив нормативного материала. Нормативные правовые акты в сфере экологии часто изменяются, в связи с чем необходимо постоянно мониторить их содержание. Поэтому в научной литературе отмечается, что качество экологического законодательства во многом оставляет желать лучшего; оно внутренне противоречиво, не согласовано на уровне отдельных ак-

³ URL: <http://omskiyecourt.oms.sudrf.ru/modules.php?name=bsr> (дата обращения: 07.06.2023).

тов и даже одного и того же акта, пробельно и казуистично [4, с. 92]. В нем содержится множество отсылочных норм, наблюдается явное несоответствие между различными правовыми актами и нормами [11, с. 59].

В этих условиях правоприменителю, не обладающему специальными познаниями в экологическом праве, весьма сложно ориентироваться в действующем природоохранном законодательстве для установления признаков состава экологического преступления. Это обуславливает необходимость создания в структуре органов внутренних дел и Следственного комитета специализированных подразделений по расследованию названного вида преступлений.

В связи с таким положением по большому количеству материалов принимается решение об отказе в возбуждении уголовных дел (табл. 3).

Таблица 3. Сведения о количестве решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принятых сотрудниками УМВД России по Омской области по деяниям, изменяющим качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Отказано в возбуждении уголовного дела		
	2020	2021	2022
Ст. 246 УК РФ	0	3	0
Ст. 247 УК РФ	0	1	1
Ст. 250 УК РФ	3	2	4
Ст. 251 УК РФ	21	21	4
Ст. 254 УК РФ	8	12	11

Отказы в возбуждении уголовных дел по факту преступного загрязнения природной среды происходят, как правило, в связи с отсутствием состава или события преступления (табл. 4).

Таблица 4. Сведения о количестве преступлений, изменяющих качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, уголовные дела по которым прекращены, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Количество экологических преступлений, уголовные дела по которым прекращены								
	Всего			По реабилитирующим основаниям			По реабилитирующим основаниям		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Ст. 246 УК РФ	1	0	0	1	0	0	0	0	0
Ст. 247 УК РФ	1	0	2	1	0	0	0	0	2
Ст. 250 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. 251 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. 254 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Анализ процессуальных актов о прекращении уголовных дел по факту преступного нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами показал следующее. Постановлением следователя следственного отдела по Советскому АО г. Омска СУ СК РФ по Омской области от 11 февраля 2022 г. прекращено уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 247 УК РФ по факту размещения экологически опасных веществ вблизи жилого дома по улице Красноярский тракт в г. Омске. Был обнаружен загрязненный грунт, который согласно протоколу испытаний содержал нефтепродукты в количестве, превышающем максимально допустимые нормативы. В ходе предварительного расследования было установлено, что данный грунт был образован в результате разработки котлована на территории АО «Газпромнефть ОНПЗ» и завезен ООО «МеталлТрейд» по соответствующему договору. Однако по результатам судебно-химической экспертизы установлено, что указанный грунт не является токсичным (опасным), относится к V классу опасности, следовательно, не создает существенной угрозы окружающей среде. Плодородный слой почвы на земельном участке отсутствует. Рассматривая материалы уголовного дела, орган предварительного следствия пришел к выводу о том, что в данном случае отсутствует событие преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 247 УК РФ⁴.

Аналогичное процессуальное решение принято следователем Омского межрайонного следственного отдела СУ СК РФ по Омской области, вынесшим постановление от 12 сентября 2022 г., которым прекращено уголовное дело № 12102520012000023, возбужденное по факту размещения экологически опасных веществ на территории Надеждинского сельского поселения Омского муниципального района Омской области. Следствием было установлено, что земельный участок, на котором происходило складирование грунта с территории АО «Газпромнефть-ОНПЗ», принадлежит ООО «Ликвидатор». Экспертизой выявлено, что завозимый грунт относится к V классу опасности, что означает низкий уровень загрязнения. Никакой экологической угрозы для окружающей среды установлено не было. Деяние не повлекло последствий, предусмотренные ч. 1 ст. 247 УК РФ⁵.

Таким образом, прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям названной группы преступлений осуществляется в связи с отсутствием состава или события преступления.

⁴ Архив следственного отдела по Советскому АО г. Омска СУ СК РФ по Омской области за 2022 г. Дело № 12102520005000039.

⁵ Архив следственного отдела по Омскому району СУ СК РФ по Омской области за 2022 г. Дело № 12102520012000023.

2. Преступления, направленные на изъятие объектов флоры и фауны из естественной среды обитания, а также незаконный оборот особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов

Статистические данные свидетельствуют о преобладающей доле деяний, связанных с браконьерством, в общем количестве преступлений главы 26 УК РФ (табл. 5).

При оценке состояния данного вида преступности следует иметь в виду, что ее латентность чрезвычайно высока, 95–97% [3, с. 320], а некоторые ученые утверждают, что она достигает 99% [12, с. 79].

Таблица 5. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений, направленных на изъятие объектов флоры и фауны из естественной среды обитания, а также на незаконный оборот особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Зарегистрировано								
	Всего			По возбужденным уголовным делам			По материалам об отказе в возбуждении уголовных дел		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Ст. 256 УК РФ	19	22	19	19	22	19	0	0	0
Ст. 258 УК РФ	44	34	32	44	34	32	0	0	0
Ст. 258 ¹ УК РФ	8	7	3	8	7	3	0	0	0
Ст. 260 УК РФ	229	263	255	228	263	255	1	0	0

Как видно из представленной таблицы, самым распространенным экологическим преступлением, регистрируемым на территории региона, является незаконная рубка лесных насаждений (лесное браконьерство).

Следует отметить, что данный вид экологических преступлений имеет повышенную вредоносность. Так, при совершении преступлений против растительного мира (незаконная вырубка лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений) происходит нарушение экологических взаимосвязей. Лес служит местом жительства животных и птиц, там произрастают деревья, кустарники, лишайники, травы, мхи, грибы, различные микроорганизмы. Одной из задач леса является выработка и очистка кислорода. Количества кислорода, вырабатываемого одним деревом, хватает на трех человек [13, с. 44].

Общее число выявленных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 260 УК РФ, составило 255 (рост — 3,0%), из которых по ч. 1 — 77, по ч. 2 — 73, по ч. 3 — 105.

По итогам 2022 г. наибольшее количество фактов лесного браконьерства зафиксировано в Тарском (23 факта), Седельниковском (22), Омском (19), Большереченском (18) и Марьяновском (17) районах. Большинство преступлений в сфере лесопользования совершаются в условиях неочевидности и труднодоступности, что осложняет их выявляемость, фиксацию и раскрытие.

Итоги привлечения виновных к уголовной ответственности следующие: окончено 117 дел, из них 108 дел направлено с обвинительным заключением в суд, 9 — прекращено в суде по нереабилитирующим основаниям, в том числе 5 — по ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием), 4 — по ст. 25¹ УПК РФ (в связи с наложением судебного штрафа). К уголовной ответственности привлечено 100 лиц. Приостановлено 132 уголовных дела.

Так, в феврале 2023 г. направлено в суд уголовное дело по ч. 3 ст. 260 УК РФ в отношении четырех лиц, в том числе двух индивидуальных предпринимателей, которые в период с августа 2015 г. по декабрь 2021 г., действуя группой лиц по предварительному сговору, на территории Знаменского района Омской области совершили незаконную рубку лесных насаждений на общую сумму 13 468 028 руб. В целях возмещения ущерба в ходе следствия на имущество обвиняемых наложен арест на сумму 3 282 338 руб.⁶

Серьезный ущерб лесным ресурсам причиняется лицами, использующими при совершении преступления свое служебное положение (п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ).

Например, вторым отделом по расследованию особо важных дел СУ СК России по Омской области расследовались 14 эпизодов незаконной рубки лесных насаждений, совершенных Б., главой Рагозинского сельского поселения Седельниковского муниципального района Омской области. Дело направлено в районный суд⁷.

В настоящее время в производстве органов внутренних дел находятся следующие уголовные дела:

— по ч. 3 ст. 260 УК РФ, возбужденное в отношении должностного лица САУ «Знаменский лесхоз» по факту незаконной рубки лесных насаждений на сумму 32 790 065,0 руб. Усматриваются признаки деяния, совершенного в составе организованной преступной группы;

— по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226¹ УК РФ в отношении индивидуального предпринимателя и должностного лица САУ «Тевризский лесхоз» по факту покушения на незаконное перемещение (контрабанду) страте-

⁶ Аналитическая информация Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Омской области от 5 июня 2023 г. № 1/2715.

⁷ Архив Следственного управления Следственного комитета России по Омской области за 2022 г. Дело № 12202520036000029.

гически важных ресурсов в виде лесоматериалов за пределы Российской Федерации.

Повышенная общественная опасность преступлений против животного мира предопределена не только количественно-качественными показателями данного вида преступности, но и размером причиненного этими преступлениями ущерба [14, с. 88].

По итогам 2022 г. из 19 зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, одно деяние связано с незаконной добычей артемии на стадии цист (массой 45 965,4 кг.); 18 — с незаконным выловом рыбы. В результате незаконных действий нанесенный природе ущерб составил 3 860 982 руб.

Органами предварительного расследования приняты процессуальные решения по 19 преступлениям данной категории, из них: 14 — окончены расследованием, направлены надзирающими прокурорами в суды; 1 — прекращено по ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием); 4 преступления приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого).

По фактам незаконной охоты зарегистрировано 32 преступления, предусмотренные ст. 258 УК РФ. Традиционными объектами преимущественно являлись обитающие в дикой природе: особи сибирской косули — 33, лосей — 17, кабана — 5. В результате преступных действий государству причинен ущерб на сумму 2 750 000 руб.

Органами предварительного расследования в 2022 г. приняты процессуальные решения по 30 преступлениям данного вида, из них: 11 — окончены расследованием, направлены надзирающими прокурорами в суды; 1 — прекращено по ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием); 17 — приостановлены по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого), 1 — приостановлено по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с невозможностью участия подозреваемого в уголовном деле).

В 2022 г. зарегистрировано 3 преступления, предусмотренные ст. 258¹ УК РФ («Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации»).

В результате незаконного отлова 3 экземпляров сибирского осетра (западносибирский подвид), занесенного в Красную книгу Российской Федерации, государству причинен ущерб на сумму 802 280 руб.

Необходимо обратить внимание на весьма значительный процент прекращаемых уголовных

дел и большое количество отказов в возбуждении уголовных дел данного вида преступлений (табл. 6, 7).

Таблица 6. Сведения о количестве преступлений, направленных на изъятие объектов флоры и фауны из естественной среды обитания, а также на незаконный оборот особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов, уголовные дела по которым прекращены, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Количество экологических преступлений, уголовные дела по которым прекращены								
	Всего			По нереабилитирующим основаниям			По реабилитирующим основаниям		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022	2020	2021	2022
Ст. 256 УК РФ	6	8	3	6	8	3	0	0	0
Ст. 258 УК РФ	5	4	6	3	4	4	2	0	2
Ст. 258 ¹ УК РФ	3	2	1	3	2	1	0	0	0
Ст. 260 УК РФ	40	31	15	27	25	9	13	6	6

Изучение оснований прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям показало, что по каждому из них подозреваемые впервые совершили преступления, добровольно явились с повинной, способствовали раскрытию и расследованию данных преступлений, в период расследования полностью возместили причиненный ущерб и перестали быть общественно опасными, что стало основанием для принятия решений о прекращении уголовных дел.

По реабилитирующим основаниям преступления снимались с учета, как правило, в связи с многоэпизодностью либо отменой постановления об отказе в возбуждении уголовных дел.

Таблица 7. Сведения о количестве решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принятых сотрудниками УМВД России по Омской области по преступлениям, направленным на изъятие объектов флоры и фауны из естественной среды обитания, а также на незаконный оборот особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов, за 2020–2022 гг.

Статьи УК РФ	Отказано в возбуждении уголовного дела		
	2020	2021	2022
Ст. 256 УК РФ	12	4	10
Ст. 258 УК РФ	42	59	34
Ст. 258 ¹ УК РФ	1	2	1
Ст. 260 УК РФ	257	238	287

Анализ постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела показал, что по ряду из них в совершенном деянии отсутствовали признаки состава преступлений, необходимые для вывода о совершенном деянии как преступном, а также, что у фигурантов имелись разрешительные документы, что

свидетельствовало об отсутствии признака противоправности. Некоторые из совершенных деяний были малозначительными, т.е. хотя формально и содержали признаки экологического преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности.

3. Деяния, относящиеся к третьей группе (ст. ст. 248, 249, 253, 255, 257, 259, 262 УК РФ), вообще не регистрировались в 2022 г. на территории Омской области, за исключением уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем (ч. 1 ст. 261 УК РФ).

Вывод. Статистические данные свидетельствуют о том, что экологическая преступность в Омской области в 2022 г. имела тенденцию к незначительному снижению и по-прежнему занимает незначительную долю в общей преступности региона (1,4%). В структуре экологической преступности большинство составляют

деяния, связанные с браконьерством (99,7%), и это при том, что почти в половине случаев по названным преступлениям выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Преступления, изменяющие качество компонентов природной среды путем их загрязнения и иного негативного воздействия, практически не регистрируются на территории Омской области, занимая лишь 0,3% от общего числа совершенных преступлений. Во многом такое положение дел, по нашему мнению, обусловлено отсутствием специализированных подразделений по расследованию этого вида преступлений в структуре правоохранительных органов, системными недостатками работы природоохранных органов по выявлению загрязнителей природной среды, существенными ограничениями, установленными в федеральном законодательстве по оперативному и внезапному обнаружению нарушителя законодательства об охране окружающей среды.

Список источников

1. Вакуленко Н. А., Брюхнов А. А. Особенности отражения статистических характеристик преступности в уголовно-правовой статистике // Юрист-Правоведъ. 2019. № 1(88).
2. Мацкевич И. М. Геометрия уголовного закона // Lex Russica. 2018. № 9.
3. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России : монография. М., 2020.
4. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ : монография. М., 2017.
5. Виноградова Е. В. Экологические преступления: вопросы квалификации и юрисдикции. 2017 год — год экологии в России. URL: <https://booksred-online.com/unloads/192803-e-vinogradova-ekologicheskie-prestupleniya-voprosy.html> (дата обращения: 02.08.2023).
6. Дицевич Я. Б. Криминологическая характеристика и предупреждение экологической преступности (по материалам Восточно-Сибирского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.
7. Юридическая ответственность за экологические преступления / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О. Л. Дубовик. М., 2012.
8. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика) : монография. М., 2020.
9. Лушина Л. А. Кодификация экологического законодательства: теория и практика // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород, 2009.
10. Лукомская А. С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. Г. Татьяниной. М., 2017.
11. Тангиев Б. Б. Экокриминология (oikoscrimenologos). Парадигма и теория. Методология и практика применения. СПб., 2005.
12. Дзиковская С. Г. Состояние и структура экологической преступности в России и проблемы ее профилактики // Экология и уголовное право: поиск гармонии : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.). Краснодар, 2011.
13. Кузнецова Н. И., Шкеле М. В. Экологические преступления: теория и практика правоприменения : монография. СПб., 2020.
14. Максимов А. М. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности животного мира: концептуальные основы и перспективы оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.

УДК 343.241

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-303-307

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Цель в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: проблемы соотношения

Юлия Александровна Головастова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин¹, профессор кафедры уголовно-исполнительного права², ✉ ugolovastova@yandex.ru

Надежда Владимировна Помошчикова

преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права², ✉ nadia.pomoshchikova@mail.ru

¹ Московский университет имени С. Ю. Витте (г. Рязань, Россия)

² Академия ФСИН России (г. Рязань, Россия)

Статья посвящена особенностям правового закрепления целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Проведенное исследование базируется на методах анализа и синтеза, сравнительно-правовом и формально-юридическом методах познания, при помощи которых рассматриваются цели наказания при его назначении и исполнении. Аргументируется позиция авторов относительно целей наказания, а именно: цели исполнения уголовного наказания охватываются целями уголовно-исполнительного законодательства, которые определены законодателем в ст. 1 УИК РФ и входят в содержание целей уголовно-исполнительного права. Сделаны предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства. Авторами выявлена взаимосвязь целей уголовного наказания на стадии его назначения и исполнения, дана оценка их выражения в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Рассмотрена рассогласованность научных подходов к отраслевому пониманию целей исправления осужденного и восстановления социальной справедливости.

Ключевые слова: цели наказания, уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, цели исполнения наказаний, исправление осужденного, восстановление социальной справедливости, ресоциализация

Для цитирования: Головастова Ю. А., Помошчикова Н. В. Цель в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: проблемы соотношения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 303–307.

Purpose in Criminal and Criminal Executive Legislation: Problems of Correlation

Yulia A. Golovastova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Criminal Law Sciences and Humanities¹, Professor at the Chair of Criminal Executive Law², ✉ ugolovastova@yandex.ru

Nadezhda V. Pomoshchikova

Lecturer at the Chair of State and Law Theory, International and European Law², ✉ nadia.pomoshchikova@mail.ru

¹ Witte Moscow University (Ryazan, Russia)

² Academy of Russian Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russia)

The paper dwells on the peculiarities of consolidating the purposes of criminal and criminal executive legislation. The conducted research is based on methods of analysis and synthesis, comparative legal and formal legal methods of cognition through which purposes of punishment in regard to its imposing and executing are considered. The authors' position concerning the purposes of punishment is substantiated, in particular: purposes of criminal punishment are covered by criminal executive legislation, which are provided for by the legislator in Article 1 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and included in the content of purposes of criminal executive law. The article comprises suggestions on improvement of criminal executive legislation. The authors reveal the connection between the purposes of criminal punishment at the stages of its imposing and execution, estimate their manifestation in criminal and criminal executive legislation. Under consideration is discrepancy of scientific approaches to branch-related comprehension of purposes of reforming a convict and restoration of social justice.

Keywords: purposes of punishment, criminal legislation, criminal executive legislation, purposes of executing punishment, reforming a convict, restoration of social justice, resocialization

Citation: Golovastova Yu. A., Pomoshchikova N. V. Purpose in Criminal and Criminal Executive Legislation: Problems of Correlation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 303–307 (In Russ.).

Одним из этапов применения уголовного наказания выступает его исполнение. Цели, которые государство ставит перед учреждениями и органами ФСИН России при исполнении наказания, и их достижение определяют эффективность его применения.

Понятие «цель» используется в различных сферах науки (философия, юриспруденция, религиоведение, психология, биология, кибернетика и др.), являясь одной из центральных и наиболее древних категорий научного знания. По толковому словарю С. И. Ожегова, цель — это «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить»*.

Проблему цели как юридической категории одним из первых начал исследовать Рудольф Иеринг. Он писал: «Цель есть творческая сила всего права» [1, с. 79].

В юридической науке чаще всего цель понимают как нечто объективное, иногда подменяя ее такими понятиями, как «итог», «результат», «последствие» или «объект» деятельности [2, с. 39]. Правовая цель, по определению А. В. Малько, К. В. Шундикова, есть идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого-либо социального явления, состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности [2, с. 44].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что вопрос о целях наказания традиционно является одним из наиболее дискуссионных и выступает предметом многочисленных исследований (А. А. Жижиленко, А. Ф. Мицкевич, С. В. Полубинская, А. Л. Ременсон, М. А. Темирханов, В. А. Уткин, А. И. Фатхутдинов, И. Я. Фойницкий, М. Д. Шаргородский и др.).

Цель любой отрасли права отражает специфику предмета правового регулирования. Общеизвестно, что уголовно-исполнительное право является самостоятельной отраслью права [3, с. 253], направлено на достижение общеправовых целей, но при этом обладает специфическим предметом и методом регулирования, ему присущи свои специфические цели, функции и принципы. Специфика целей уголовно-исполнительного права характеризуется средствами, с помощью которых происходит их достижение.

В общем виде цели уголовно-исполнительного права можно представить следующим образом: во-первых, это цели, которые стоят перед государством, т. е. перед учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания; во-вторых, цели, которые определяют социальную обусловленность уголовно-исполнительных правоотношений; в-третьих, цели

уголовно-исполнительного права, напрямую связанные с эффективностью исполнения уголовных наказаний.

В узком виде цели уголовно-исполнительного права законодатель закрепил в ч. 1 ст. 1 УИК РФ как цели уголовно-исполнительного законодательства: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [3, с. 256].

Проводя параллель с уголовным законодательством, полагаем возможным отметить, что цели, изложенные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, не выходят за рамки целей наказания, закрепленных в ст. 43 УК РФ, но при этом не идентичны им.

Законодатель не раскрывает понятия целей наказания, он их перечисляет в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Общий посыл законодателя при установлении целей наказания дает нам основание считать названные цели универсальными по отношению ко всей системе наказаний.

Однако в научном мире на этот счет нет единого мнения. В частности, А. И. Фатхутдинов пришел к выводу о декларативном характере некоторых видов наказаний (например, цель исправления применительно к таким видам наказания, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) [4, с. 79].

Говоря о соотношении целей наказания в уголовно-правовом аспекте и целей уголовно-исполнительного законодательства, нельзя не отметить существующей диалектической взаимосвязи между ними.

Пожалуй, самые активные споры вызывает вопрос законодательного закрепления цели «исправление осужденных». В литературе высказывается позиция о том, что именно цель исправления осужденного является ведущей в становлении изучаемой отрасли права [3, с. 256; 5, с. 55].

Профессор А. Л. Цветинович, А. Л. Санташов склонны полагать, что исправление не может выступать самостоятельной конечной целью наказания, скорее, это промежуточная цель, реализуемая в процессе исполнения наказания, направленная на достижение других целей [6, с. 24; 7, с. 9].

О единстве целей уголовно-исполнительного законодательства и уголовного наказания в сфере обеспечения исполнения наказания и достижения его целей высказывались С. Н. Овчинников [8, с. 138–142], В. Н. Чорный [9, с. 59].

По нашему мнению, такая взаимосвязь двух сопряженных отраслей права объяснима социальным

* Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1994. С. 327.

назначением уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: цели, стоящие перед наказанием при его назначении судом, определяют цели наказания при его исполнении учреждениями и органами УИС.

Обсуждение вопросов взаимосвязи и взаимообусловленности целей наказания можно встретить в трудах профессора М. А. Кириллова. Ученый пишет: «Одна цель предполагает другие цели, и достижение каждой из них способствует реализации других. Например, исправление осужденного предполагает, что тем самым достигнута цель специального предупреждения» [10, с. 69]. Напротив, рассматривая исправление осужденного в контексте уголовного и уголовно-исполнительного права, Т. Ф. Миняева и Д. А. Добряков говорят о том, что подобное деление по отраслям права кажется излишним, объясняя тем, что уголовно-исполнительное право носит процессуальный характер по отношению к уголовному, в связи с чем на стадии исполнения наказания цели наказания подвергаются лишь уточнению, а их сущность не меняется [11, с. 64].

Непрекращающиеся споры в научном мире затронули и цель восстановления социальной справедливости. В юридической литературе отмечается, что она достигается уже при назначении уголовного наказания и не зависит от его исполнения (Т. Ф. Миняева [12, с. 46], В. И. Селиверстов [13]). Ученым возражает профессор Л. М. Прокументов. Он пишет: «Восстановить социальную справедливость на стадии назначения наказания невозможно. Восстановление социальной справедливости является в большей мере реализацией принципа справедливости» [14, с. 242]. На наш взгляд, факт назначения судом уголовного наказания не всегда свидетельствует о достижении его цели, что определяется, в том числе, видом исполняемого наказания. Социальная справедливость может быть достигнута при восстановлении нарушенных прав потерпевшей стороны, возмещении полученного вреда в процессе исполнения наказания. Нередко на страницах научных трудов встречаются предложения о возможности восстановления социальной справедливости только при исполнении наказания, проводится параллель с карой в отношении виновного в преступлении (А. Ф. Истомин, С. Б. Карамышев, Ю. А. Кашуба, Д. А. Липинский, Д. А. Лопаткин, А. П. Скиба) [6, с. 24].

В качестве решения обозначенной проблемы представляется весьма интересным предложение группы ученых, подготовивших научно-теоретическую модель Общей части УИК РФ, в соответствии с которой предлагается определить в качестве одной из целей уголовно-исполнительного законодательства РФ восстановление социальной справедливости [15, с. 42–43].

Рассуждая о соотношении целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ученые не пришли к единому мнению. Мысль о приведении к единообразию целей уголовных наказаний и целей уголовно-исполнительного законодательства можно встретить у профессора Т. Ф. Миняевой [12, с. 46]. Профессор А. П. Скиба и Е. Н. Скорик предлагают закрепить в УИК РФ все цели уголовного наказания, перечисленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ [16, с. 61].

По мнению А. К. Теохарова, приведение к единообразию целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства нарушает логическую форму законодательной техники, так как разные по правовой природе категории не могут иметь сходные цели, в связи с чем исследователем была высказана идея исключить ч. 1 ст. 1 УИК РФ, поскольку определение целей законодательства должно относиться к вопросам теории уголовно-исполнительного права [17, с. 154, 156]. Профессор В. Н. Чорный высказывает мысль, что цели уголовно-исполнительного законодательства имеют более широкое содержание, поскольку определяются двумя отраслями права: уголовным и уголовно-исполнительным [18, с. 123–125].

Таким образом, базируясь на нормах уголовного закона, цели уголовно-исполнительного законодательства практически повторяют цели уголовного наказания, что отражает неразрывную связь обозначенных отраслей права. Однако оговоримся, что эти цели не одно и то же.

Так, в научной литературе можно встретить предложения ученых, полагающих необходимым расширить перечень целей уголовных наказаний и дополнить ч. 2 ст. 43 УК РФ целью ресоциализации осужденных (И. Е. Прысь [19, с. 8]). Ю. В. Баранов предлагает дополнить указанной целью нормы и УК РФ, и УИК РФ [20, с. 9]. О. В. Павленко пишет о необходимости заменить в тексте УК РФ и УИК РФ цель исправления осужденных на их ресоциализацию [21, с. 8].

Нам более близка позиция М. С. Рыбака. Профессор пишет: «Содержание ресоциализации осужденных включает многоплановую организаторскую деятельность исправительных учреждений, направленную на реализацию целей уголовного наказания в процессе его исполнения» [22, с. 50]. Значит, мы можем говорить об отраслевой принадлежности цели ресоциализации осужденных и ее реализации в рамках уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, цели уголовно-исполнительного законодательства реализуются через процесс исполнения уголовных наказаний. Достижению этих целей служат установленный порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, средства исправления

осужденных, охрана их прав и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Определяя цели исполнения уголовных наказаний, мы подразумеваем тот результат, которого стремится достичь государство в лице учреждений и органов ФСИН России непосредственно на стадии их исполнения путем применения к осужденному установленного законом объема правоограничений, соответствующих виду наказания, и средств исправительного воздействия.

Бесспорно утверждение, что цели наказания выступают ориентиром, идеальным конечным результатом исполнения наказания. Достичь цели уголовно-исполнительного законодательства и тем самым реализовать цели наказания можно на стадии исполнения наказания посредством применения сотрудниками органов и учреждений УИС норм уголовно-исполнительного законодательства. Не вызывает сомнений позиция профессора М. П. Мелен-

тьева, что цели уголовного наказания, цели исполнения наказания и задачи уголовно-исполнительного законодательства не должны полностью совпадать [23, с. 144].

Подводя итог, позволим себе сделать следующие выводы:

1. Цели норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства совпадают в части исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

2. Цели исполнения уголовного наказания охватываются целями уголовно-исполнительного законодательства, которые определены в ст. 1 УИК РФ и входят в содержание целей уголовно-исполнительного права.

3. Полагаем целесообразным внести в перечень целей, закрепленных ч. 1 ст. 1 УИК РФ, цели восстановления социальной справедливости и ресоциализации осужденных.

Список источников

1. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881.
2. *Малько А. В., Шундинов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.
3. *Головастова Ю.А.* Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
4. *Фатхутдинов А. И.* Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
5. *Королева Е. В.* Предмет, цели и задачи уголовно-исполнительного права. М., 2010.
6. *Шабанов В. Б., Санташов А. Л.* Цели и средства исполнения уголовного наказания // *Пенитенциарная наука.* 2009. №7.
7. *Цветинович А. Л.* Проблема дополнительных наказаний в советском уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987.
8. *Овчинников С. Н.* Цели исполнения наказания в виде лишения свободы в уголовно-исполнительном законодательстве ФРГ // *NovaInfo.Ru.* 2016. Т. 2, № 52.
9. *Чорный В. Н.* Социальная обусловленность целей уголовно-исполнительного законодательства // *Вестник уголовно-исполнительной системы.* 2020. № 9(220).
10. *Кириллов М. А.* Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
11. *Миняева Т. Ф., Добряков Д. А.* Исправление осужденного (преступника) как цель наказания // *Евразийская адвокатура.* 2016. № 2(21).
12. *Миняева Т. Ф.* Проблемы правового статуса личности осужденных в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
13. *Селиверстов В. И.* Новый уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: содержание и перспективы принятия // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки.* 2014. № 15(701).
14. *Прокументов Л. М.* Эволюция целей уголовного наказания в науке и законодательстве России // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2021. Т. 27, № 3(82).
15. *Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. д-ра юрид. наук В. И. Селиверстова.* М., 2017.
16. *Скиба А. П., Скорик Е. Н.* Цели применения уголовно-правовых мер: проблемы нормативного закрепления // *Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей.* Томск, 2016. Ч. 70.
17. *Теохаров А. К.* О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // *Актуальные проблемы российского права.* 2016. № 9(70).

18. *Чорный В. Н.* Соотношение целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (5–6 октября 2016 г.) Рязань, 2016.
19. *Прысь И. Е.* Ресоциализация несовершеннолетних женского пола, осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.
20. *Баранов Ю. В.* О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1(76).
21. *Павленко О. В.* Постпенитенциарное поведение лиц, отбывавших наказание за корыстные посягательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.
22. *Рыбак М. С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы (Проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001.
23. *Мелентьев М. П.* Избранные труды: (к 75-летию со дня рождения). Рязань, 2007.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-308-312

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Пропаганда и агитация в виктимологической профилактике преступлений

Светлана Александровна Тимко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,

✉ satimko@list.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Виктимологическая профилактика преступности как одна из разновидностей профилактики имеет существенные отличия, обусловленные объектами воздействия, применяемыми средствами и методами. В статье обосновывается тезис о том, что истоки виктимного поведения россиян следует искать в правовом менталитете. Его формирование и коррекция должны осуществляться одновременно на интеллектуальном, эмоционально-психологическом и поведенческом уровнях. Средствами, которые позволят сделать это максимально эффективно, являются агитация и пропаганда. Они могут осуществляться на индивидуальном, групповом и общем уровнях. Автор характеризует конкретные методы, применение которых в рамках информационно-пропагандистской работы позволит обеспечить усвоение информации целевой аудиторией. Представленный в статье материал может быть интересен для дальнейших исследований вопросов совершенствования виктимологической профилактики преступлений, а также для работы с населением в целях снижения его криминальной виктимности.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, агитация, пропаганда, правовой менталитет, виктимогенные факторы, виктимизация, защищенность

Для цитирования: Тимко С. А. Пропаганда и агитация в виктимологической профилактике преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 308–312.

Propaganda and Agitation in Victimological Prevention of Crimes

Svetlana A. Timko

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of Criminology and Prevention of Crimes¹,

✉ satimko@list.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Victimological prevention of crimes as one of the types of prevention has its significant differences determined by the objects of impact and means and methods applied. The article substantiates the thesis that the sources of victim behaviour of Russian citizens should be found in legal mentality. Its formation and correction should be performed simultaneously at intellectual, emotional-psychological and behavioural levels. The measures, which ensure its maximum effectiveness, are agitation and propaganda. They can be taken at an individual, group and general levels. The author characterizes certain methods, the use of which within propaganda and information activity will facilitate acquisition of information by the target audience. The material presented in the article can be useful for further researches of the issues of improving victimological prevention of crimes and for work with the population in order to reduce their criminal victimness.

Keywords: victimological prevention, agitation, propaganda, legal mentality, victimogenic factors, victimization, protectability

Citation: Timko S. A. Propaganda and Agitation in Victimological Prevention of Crimes. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 308–312 (In Russ.).

Цель виктимологической профилактики преступлений, как и профилактики в целом, — защитить граждан, общество, государство от противоправных посягательств. Объектом воздействия в рамках этой деятельности выступают: а) объективные факторы окружающей среды, детерминирующие виктимное поведение; б) лица, являющиеся потенциальными и реальными жертвами преступлений.

Эффективность работы с первой категорией объектов зависит в большей степени от качества предупредительной деятельности субъектов профилактики. Если же говорить о второй категории объектов, непосредственная результативность работы субъектов профилактики зависит от заинтересованности в этом объектов профилактического воздействия. Заинтересованность же обусловлена осо-

знанием гражданами необходимости обеспечения защиты своих личных и имущественных интересов, а также готовностью и умением соблюдать правила безопасности.

Как показало проведенное исследование, заинтересованность граждан в оказании на них профилактического воздействия низка. Истоки такой ситуации нужно искать в правовом менталитете населения — «совокупности готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить и переживать различные эмоциональные состояния по поводу правовых отношений, устойчивой настроенности мотивации и ценностных ориентаций человека, сплывающей его в социальные группы и исторические общности, следующие единым правовым нормам» [1, с. 84]. Указанные умственные, эмоциональные, культурные особенности россиян не развиты должным образом¹ и это обуславливает виктимное поведение. В большинстве своем граждане, располагая информацией о виктимогенных факторах, не считают нужным проявлять бдительность, перекладывая ответственность за обеспечение собственной безопасности исключительно на сотрудников правоохранительных органов. Справедливости ради следует отметить, что такое пассивное, безответственное поведение является традиционным для россиян. Известный философ русской эмиграции Н. А. Бердяев еще столетие назад писал, что русские «лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие все за них сделают» [3, с. 19]. А отечественный социолог А. Г. Здравомыслов так высказал обобщенное мнение о негативных чертах русского характера: «Нас отличают лень, безалаберность, привычка действовать „на авось“, безответственность, надежда получить все без особых усилий, вера во всемогущество начальства, желание жить без особого напряжения сил, привычка считать виновными в наших бедах всех, кроме самих себя» [Цит. по: 4, с. 179].

Поэтому основной акцент в предупредительной работе с потенциальными и реальными жертвами населения должен быть сделан на формировании четких поведенческих паттернов. Принятие мер к обеспечению собственной безопасности, внимание к близким и окружающим в виктимогенных ситуациях должно быть неотъемлемой составляющей правосознания любого человека. Как справедливо пишут Н. А. Славова и В. А. Чвякин, снижение виктимности возможно путем оказания воздействия на правовые взгляды населения одновременно на трех уровнях: интеллектуальном, эмоционально-психологическом и поведенческом [5, с. 12].

Базовым является, безусловно, интеллектуальный уровень. Умелое использование чего бы то ни было предполагает отражение в сознании лица объективной реальности — совокупности понятий, теорий, представлений, правил. Для безопасного поведения гражданам необходимо представление о криминальных угрозах в тех или иных жизненных ситуациях, лицах, которые могут представлять угрозу, а также вариантах поведения в случаях опасности, дабы ее избежать или минимизировать возможные негативные последствия.

Обилие в информационном пространстве сообщений, направленных на снижение криминальной виктимности (о способах защиты от противоправных посягательств, поведении в опасной ситуации и пр.), проведение целенаправленного предупредительного воздействия с отдельными категориями населения, обладающими повышенной групповой или видовой виктимностью, позволяет в целом обеспечить граждан минимальными знаниями в этой сфере. Но любое знание ценно не само по себе, а в его практической плоскости. Человек может обладать определенной информацией, но не пользоваться ею в силу тех или иных причин. Как показал анализ современной профилактики криминальной виктимности, формирование уверенности в необходимости соблюдения тех или иных правил и умения применить знание в конкретной ситуации (эмоционально-психический и поведенческий уровни) субъектами профилактики игнорируется. Между тем именно эти уровни воздействия требуют более тонкой организации, больших усилий, больших временных затрат. Здесь практически неприменимы директивные методы воздействия, запрещающие либо предписывающие, как действовать в той или иной ситуации. Соответствующие поведенческие стереотипы, направленные на снижение виктимности, должны стать элементом мировоззрения, подобно тому, как граждане следуют принятым в обществе морально-этическим нормам.

Основными инструментами воздействия на население выступают пропаганда и агитация. Традиционно ими пользуются политтехнологи, но годами наработанные и положительно зарекомендовавшие себя методы осуществления пропаганды и агитации целесообразно более широко и активно использовать и в антикриминальных целях. Пропаганда и агитация очень похожи, часто применяются в совокупности, дополняя друг друга, ведь при простом информировании «у слушателей чаще всего не меняются установки и ориентации в отношении какой-либо темы. Единственный эффект, кроме общепросветительского значения, таков, что эта информация уси-

¹ Подробно об этом мы писали ранее [2].

ливают установки и убеждения, имеющиеся у слушателей. Факты же, противоречащие их убеждениям, аудитория или игнорирует, или считает тенденциозными» [6]. Синергетический эффект грамотно организованных пропаганды и агитации в большинстве случаев позволяет достичь желаемого результата: в нашем случае это формирование у населения поведения, исключая или снижающего криминальную виктимность. Пропаганда в большей мере воздействует на население на интеллектуальном уровне, корректирует дефекты правосознания, относящиеся к знанию права, правовых запретов и предписаний, правил поведения в различных обстоятельствах. Агитация же, будучи более узконаправленной, «работает» на эмоционально-психологическом и поведенческом уровнях в отношении таких дефектов правосознания, как дефекты отношения и дефекты мотивации. Это подтверждает лексическое значение указанных терминов, изложенное в различных справочных изданиях. В частности, на информирующий характер пропаганды (от лат. *propaganda* — подлежащее распространению) указывает толковый словарь С. И. Ожегова, трактуя ее как распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения². Аналогично Д. Н. Ушаков в своем словаре определяет ее как «распространение каких-нибудь идей, учения, знаний путем подробного и углубленного ознакомления; разъяснение и убеждение широких масс в необходимости чего-нибудь»³. Об ознакомлении населения в ходе пропаганды говорит и энциклопедический словарь в философском контексте, трактуя пропаганду как популяризацию и распространение политических, философских религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание⁴.

Агитация, в отличие от пропаганды, направлена на склонение аудитории к определенному поведению, убеждение в необходимости действовать тем или иным образом. На этом акцентирует внимание Энциклопедия права: «агитация (от лат. *agitatio* — приведение в движение; англ. *agitation*) — распространение идей для воздействия на сознание, настроение, общественную активность населения с целью убедить

в чем-то или склонить к определенным поступкам»⁵. На формирующую человеческое поведение суть агитации указывает и Энциклопедия социологии, характеризуя ее как «распространение идей для воздействия на сознание, настроение общества, активность масс»⁶. Сходную трактовку дает Большой энциклопедический словарь, определяя агитацию как «распространение идей для воздействия на сознание, настроение, общественную активность масс с помощью устных выступлений, средств массовой информации»⁷, указывая при этом на тесную связь агитации с пропагандой. Эффективность их психологического воздействия, как справедливо указывает Е. Н. Булгаков, «определяется не столько разнообразием и совершенством форм и технологий, сколько психологическими особенностями массового сознания, среди которых можно выделить блокирование иной точки зрения, эмоциональность, внушаемость, стереотипность и однородность мышления» [7].

В ходе пропаганды и агитации наши задачи сводятся к следующему: привлечь внимание аудитории, вызвать интерес к транслируемой информации, пробудить желание у граждан позаботиться о безопасности. При этом, учитывая специфику виктимологической профилактики, важно не увлекаться демонстрацией преступлений и их последствий, дабы не формировать у населения чувства криминальной незащищенности и негатив к правоохранителям.

Осуществляя пропагандистско-агитационную работу, следует ориентироваться на иерархическую систему потребностей Абрахама Гарольда Маслоу⁸, занимающую одно из ведущих мест среди содержательных теорий мотивации человеческого поведения. Согласно этой теории потребности человека совместно составляют иерархию от низшего до высшего уровня. Первый, низший уровень в иерархии потребностей — физиологические потребности (такие как пища, вода, воздух для дыхания, температурный комфорт); второй уровень — потребность в безопасности, которая состоит главным образом в том, чтобы физиологические потребности, удовлетворяемые в данный момент, удовлетворялись бы также и в обозримом будущем. Третий уровень занимает потребность в принадлежности и любви (т. е. социальные потребности субъекта). Четвертый уровень — потребность в уважении и самоуважении. И уже после

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/189862> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Толковый словарь / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/984834> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ *Философия*: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/991 (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ *Энциклопедия права*. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/73 (дата обращения: 29.03.2023).

⁶ *Antinazi*. Энциклопедия социологии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/60> (дата обращения: 29.03.2023).

⁷ *Большой энциклопедический словарь*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/47434> (дата обращения: 29.03.2023).

⁸ Так называемая пирамида Маслоу.

всего перечисленного человеком руководит потребность в самоактуализации [8, с. 246]. Потребности низшего уровня более значимы для людей.

Как можно заметить, потребность в обеспечении безопасности, базирующаяся на чувстве самосохранения, находится в основе человеческого поведения. Поэтому именно к ней в первую очередь должны апеллировать пропаганда и агитация. Грамотное, рациональное обоснование необходимости соблюдения элементарных правил в целях недопущения криминального посягательства, повторяемое время от времени и облеченное в эмоционально привлекательную форму — залог успешной виктимологической профилактики.

Вместе с тем, чтобы профилактический эффект был долговременным, становился частью мировоззрения россиян, нужно активно помогать не только реализовывать, но и формировать потребности граждан в любви, уважении, самоактуализации. Потребность в любви и ее реализация будет выражена в искреннем следовании общепринятым правилам поведения и выполнении социально одобряемых действий; потребность в уважении — в интеллектуальном и профессиональном росте, обеспечивающем признание окружающими достоинств и заслуг лица; потребность в самоактуализации — активной реализации своих возможностей и способностей.

Средства, методы воздействия на различные группы населения, в зависимости от их возраста, социального статуса, семейного положения, профессиональной занятости и прочих признаков, очень различаются. Тем не менее, опираясь на методы социальной психологии, универсальными для оказания влияния на указанные выше потребности в пропагандистско-агитационной работе следует признать следующие.

Слоганы (лозунги) — использование коротких, емких фраз, которые ориентированы в большей мере на эмоциональную составляющую личности, нежели на логику (например, «установи сигнализацию и отдыхай спокойно», «твоя жизнь в твоих руках»).

Повторение — частое использование лозунга, чтобы он запечатлелся в памяти. Психологами доказано, что любое утверждение, повторенное достаточное количество раз, воспринимается человеком как само собой разумеющееся.

Рекомендации — транслирование высказываний известных или популярных лиц (например, правозащитников для информирования о центрах помощи жертвам домашнего насилия).

Апеллирование к авторитету — привлечение к информационной работе с населением «статусных», пользующихся уважением у населения лиц, специалистов в той или иной сфере (IT-специалисты, если речь идет о киберпреступлениях; психологи

и педагоги — в работе с несовершеннолетними и их родителями и т. п.).

Доведение информации «от третьего лица» — часто степень доверия аудитории неангажированным источникам гораздо выше. Можно использовать лиц, уже ставших жертвами преступлений, чтобы они рассказали о своем виктимном опыте, разобрав ситуации и дав соответствующие рекомендации аудитории.

Призыв к народу — поддержка той или иной идеи стимулированием чувств аудитории (например, размещение в социальных сетях сообщений о бдительности отдельных граждан, пресечении или предотвращении таким образом преступления и обсуждение в комментариях произошедшего).

Присоединение к массе — формирование представления, что большая часть людей поступают именно таким образом и следует действовать так же (например, сообщение, что при приобретении нового автомобиля все устанавливают противоугонную сигнализацию).

Привлекательные люди — демонстрация известных, успешных, благополучных лиц, следующих определенным правилам поведения.

Эйфория — работа с населением во время событий, сопровождающихся всплеском положительных эмоций (наиболее характерно это при работе с детьми в игровой форме).

Простой (свой) человек — общение «на языке аудитории»: стиль одежды, манера поведения, владение терминологией и прочие особенности могут помочь установить доверительные отношения с определенной социальной, профессиональной или возрастной группой и повлиять на восприятие информации.

Яркие обобщения — общие выражения, воспринимаемые на свой счет аудиторией (эффект Барнума-Форера). Психологи утверждают, что человек априори хочет казаться лучше самому себе и окружающим, поэтому бессознательно доверяет положительным высказываниям о себе. Благодаря услышанным простым, понятным и содержащим универсальные формулировки фразам, человек представляет себя обладателем положительных качеств и стремится лучше интегрироваться в социум. Кроме того, человек склонен доверять тому, что ему знакомо, и настороженно относиться к новому. Поэтому общие яркие формулировки и аллегории воспринимаются на веру. Примерами могут послужить такие выражения, используемые в информационной работе, как: «вы способны критически оценить ситуацию», «вы понимаете, что не всем людям можно доверять», «вам небезразлична судьба ваших близких» и т. п.

Рационализация — необходимость предпринять меры безопасности аргументируется разумными доводами (например, родителям объясняется,

почему ребенка, который пошел в первый класс, необходимо встречать и провожать, почему важно показать безопасный маршрут и какие угрозы могут подстергать в школе и на улице).

Разрушение авторитета на основе сравнения с негативом — разъяснение ситуаций, в которых несоблюдение конкретных правил поведения или равнодушие окружающих к виктимному поведению, виктимогенным факторам привело к причинению вреда. Примером может послужить такая ситуация: из квартиры регулярно доносились звуки, свидетельствующие об избиении женщины супругом, соседи считали это семейным делом и предпочитали не замечать, не сообщали в полицию, не предлагали помощь женщине. После очередного скандала супруг убил жену.

Контроль Милье (в психологии — совокупность терапевтических мероприятий в социальной среде) — комплекс мер, направленных на сплоченность социальной среды и сознательное обеспечение безопасности своих участников и своей территории. На основе такой работы в США реализуется программа «Соседский присмотр», в рамках которой соседи информируют полицейских обо всех подозрительных лицах, ситуациях и т. д.

Положительные слова — в сообщении используются выражения, занимающие высокий уровень в иерархии ценностей большинства людей (благополучие, безопасность, защищенность и пр.).

Есть еще ряд методов воздействия на население, отношение к которым среди PR-специалистов нередко имеет негативную окраску. Однако в рамках виктимологической профилактики применение таких методов оправданно.

Апеллирование к страху — информирование о «правильном» варианте поведения, разъяснение, какие посягательства могут быть совершены в тех или иных условиях окружающей среды.

Использование предубеждений — употребление весомых или эмоциональных терминов для выраже-

ния общественной или морально-нравственной значимости (например, «дети — это святое»; «старикам беззащитны, как детям» и т. п.).

Фальшивая дилемма — описание нескольких вариантов действий в той или иной ситуации, лучшим из которых является один, обеспечивающий безопасность.

Диктат — использование в информационном материале выражений, образов, прямо побуждающих к определенному поведению (соблюдению мер безопасности, информированию о виктимогенных факторах и др.). Например, на вокзалах транслируются сообщения с требованием не оставлять вещи без присмотра.

Чрезмерное упрощение — сложные аспекты, объясняющие виктимность, виктимогенные факторы, виктимологическую ситуацию характеризуются максимально упрощенно.

Единое мнение — сведение к минимуму вероятных возражений, сомнений целевой аудитории простыми фразами (например: «это единственно правильное поведение»).

Резюмируя, отметим, что применение указанных выше методов позволит ввести в деятельность органов внутренних дел — ведущих субъектов профилактики преступлений — пропагандистско-агитационную составляющую для предупреждения противоправных деяний. Не умаляя значимости традиционной профилактики (ориентированной на криминогенные факторы и лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений), заметим, что виктимологическая профилактика более эргономична. В то же время в рамках виктимологической профилактики практически неприменимы методы принуждения, ее реализация обеспечивается информированием и убеждением населения. Пропаганда и агитация — ключевые инструменты формирования правового менталитета россиян, способного снизить или устранить их виктимность и виктимизацию.

Список источников

1. Шаповалов И. А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. 2005. № 4.
2. Тимко С. А. Виктимность как следствие низкой правовой культуры населения // Виктимология. 2018. № 1(15).
3. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д, 1997.
4. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.
5. Славова Н. А., Чвякин В. А. Правовая культура как фактор эффективного развития общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 6.
6. Борейко В. Е. Пути и методы природоохранной пропаганды // Природоохранная пропаганда. Вып. 2. 1996. URL: http://ecoclub.nsu.ru/books/Vest_3-4/vest3-7.htm (дата обращения 21.03.2023).
7. Булгаков Е. Н. Пропаганда и ее методы: дешифровка основных приемов // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4-2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13478> (дата обращения: 24.04.2023).
8. Севостьянов Д. А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности : учебник. М., 2021.

УДК 343.3/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-313-319

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Оценка современных криминогенных рисков в сфере инновационной медицины

Евгения Евгеньевна Черных

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета¹,

✉ ewg.cherniykh84@yandex.ru

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Россия)

Уголовный закон является значимым регулятором в вопросе становления и развития здравоохранения, обеспечивающим не только сдерживание криминальной активности в обозначенной сфере, но и нивелирование существующих здесь дефектов правосознания и правовой культуры. Ключевая роль в этом вопросе, безусловно, принадлежит правоохранительным органам, функционирующим в крайне «агрессивных» условиях технологического прогресса, осложняющихся повышенной социальной чувствительностью и барьерами правоприменительного характера. С учетом этого противодействие преступлениям в сфере инновационной медицины вполне справедливо можно позиционировать в качестве одного из приоритетных направлений современной уголовной политики, что и выступает предметом данного исследования.

Ключевые слова: инновационная медицина, здравоохранение, преступность, противодействие, юридическая оценка, квалификация, уголовный закон

Для цитирования: Черных Е. Е. Оценка современных криминогенных рисков в сфере инновационной медицины // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 313–319.

Assessment of Modern Criminogenic Risks in the Field of Innovative Medicine

Evgenia E. Chernykh

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Dean of Law Faculty¹,

✉ ewg.cherniykh84@yandex.ru

¹ National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russia)

Criminal law is a significant regulator in the formation and development of healthcare, which ensures not only the reduction of criminal activity in this area, but also the leveling of existing defects in legal consciousness and legal culture. The key role in this issue, of course, belongs to law enforcement agencies, operating in extremely “aggressive” conditions of technological progress, exacerbated by increased social sensitivity and law enforcement barriers. In this respect, combating crimes in the field of innovative medicine can quite rightly be positioned as one of the priority areas of modern criminal policy, which is the subject of this study.

Keywords: innovative medicine, healthcare, criminality, counteracting, legal assessment, qualification, criminal law

Citation: Chernykh E. E. Assessment of Modern Criminogenic Risks in the Field of Innovative Medicine. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 313–319 (In Russ.).

Появление инновационных технологий в сфере здравоохранения ознаменовало новый этап роста качественных и количественных показателей не только врачебных услуг, но и девиантной активности, неразрывно сопровождающей становление и развитие практически всех областей общественных отношений. В данном контексте одним из наиболее социально чувствительных аспектов закономерно выступила компетенция уголовного права, вынужденная сталкиваться с наиболее острыми противоречиями частного и публичного мировоззрения, консервативного и прогрессивного правосознания; противостоять несформированности культуры глобализации и информатизации, ставшей катализатором граждан-

ского инфантилизма и нигилизма, проявляющихся даже в отношении собственного здоровья; и одновременно с этим решать задачу восстановления справедливости в крайне неоднозначных и весьма пограничных условиях ятрогении, обоснованного риска, врачебных ошибок, халатности и преступного умысла.

Министерство здравоохранения, осознавая важность и перспективность инноваций в рассматриваемой сфере, часто не может самостоятельно осуществить их реализацию и противодействовать негативным проявлениям. Наличие взаимозависимого положения фигурирующих здесь субъектов, обусловленное необходимостью задействовать

межотраслевые компетенции для формирования объективной правовой оценки конкретного факта наступления неблагоприятных последствий, а также пристальное внимание различных институтов гражданского общества к ситуации конфронтации интересов Министерства здравоохранения и правоохранительных органов практически не оставляют возможности для утрирования реальных масштабов рассматриваемой проблемы. С учетом этого вполне обоснованно не удастся обнаружить обозримых перспектив ее преодоления не только на локальном, но даже и на ведомственном уровне. Вместе с тем и в контексте более высоких ступеней аппарата управления не представляется возможным говорить о существовании однозначно верного, с точки зрения прогнозируемой исторической перспективы, решения, поскольку рост в иерархии властных полномочий сопровождается прямо пропорциональным усилением уже имеющихся и появлением новых вызовов: социального, этического, экзистенциального, юридического, философского, собственно профессионального и иного характера.

Если обратить внимание на национальную правовую политику, выступающую для любого государства основополагающим фактором обеспечения должных показателей эффективности того или иного механизма, то обозримый здесь вектор развития даже на концептуальном уровне определяет неизбежность столкновения с такими угрозами, как высокая смертность вследствие сердечно-сосудистых и онкологических осложнений; недостаточная эффективность существующих мер предупреждения распространения инфекций; неэффективная система реабилитации; высокая стоимость лекарственной терапии; значительный уровень алкоголизации населения, в том числе молодежи; параллельный всплеск «болезней нищих» (ВИЧ, туберкулеза, педикулеза и других), а также «болезней богатых» (депрессий, стрессов, нервных патологий, расстройств личности и тому подобных) вследствие усиливающегося социального расслоения населения; склонность россиян к самолечению и повышенная степень недоверия к «официальной медицине»¹. Даже через призму этого неисчерпывающего перечня отчетливо просматриваются отличительные черты и сама природа сложившейся ситуации, многосторонний характер которых определяет необходимость оперативного и согласованного реагирования, фактически, на всех ступенях государственной власти.

В свою очередь законодательные органы, призванные создавать условия для успешной правоприменительной практики, в том числе минимизации и нейтрализации представленных выше проблем, демонстрируют значительный уровень *правотворческой нерешительности* (например, нормативная неопределенность по отношению к отдельным аспектам телемедицины, искусственного интеллекта, биомедицины и другим), наряду с которой прослеживаются *коллизии* (например, разграничение доступа к медицинским и персональным данным), *пробелы* (например, условия реализации экспериментальной медицины, а также требования к согласию причастных лиц) и иные *техничко-юридические погрешности и недостатки*.

На основании изложенного методологически обоснованным будет констатировать, что показатели качества и безопасности по отношению к обозначенному ранее сегменту профессиональной деятельности выходят далеко за рамки профильных внутрисистемных барьеров, нивелируемых в ходе текущей работы того или иного министерства, в связи с чем не только заслуживают внимания представителей естественных и гуманитарных наук, но и требуют комплексной межведомственной проработки.

Основополагающим этапом в процессе рассмотрения тех или иных правоприменительных проблем, как правило, выступает анализ действующей нормативной правовой базы, выступающей местом и даже обстановкой, в которых происходит взаимодействие всех субъектов общественных отношений, в том числе наступление определенных событий и последствий, отражающих делинквентное поведение. Применительно к объекту настоящего исследовательского интереса следует отметить, что на протяжении последних двух десятилетий наблюдается формирование тенденции к смене не только соответствующей парадигмы, но и юрисдикции. В частности, в условиях активного перехода к «персонализированной медицине, высокоинтеллектуальному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения»², когда врачебная помощь вполне уверенно замещается сферой услуг и даже частично трансформируется в нее, свойственные данной профессиональной деятельности *разногласия и споры все чаще выходят из зоны компетенции традиционных нормативных предписаний* (например, законы «О защите прав потребителей»³, «Об основах охраны здоровья граждан

¹ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный информационный портал Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/9800/> (дата обращения: 11.07.2023).

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49, ст. 6887.

³ О защите прав потребителей : закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 140.

в Российской Федерации»⁴), уступая при этом свое место более строгим правовым регуляторам, особенно имеющим кодифицированную форму [1, с. 94].

Несмотря на весьма дискуссионную эффективность императивного подхода к технологическому прогрессу и связанным с ним преобразованиям специфика предмета данного исследования, а также результаты проведенного в его рамках социологического опроса свидетельствуют о целесообразности акцентирования внимания именно на подобных средствах обеспечения инновационной медицины. В частности, 84% респондентов из 150 проанкетированных, относящихся к группе «сотрудники правоохранительных органов» (органы внутренних дел, следственный комитет, прокуратура, судейский корпус), а также 74% из 150 практикующих врачей отметили, что роль уголовного законодательства в становлении и развитии указанной области познания не сводится только лишь к установлению конкретных рамок допустимого поведения, а демонстрирует более широкий спектр функционального предназначения — комплексную регуляцию и контроль фактически всех этапов внедрения и использования современных достижений науки, формирование и координацию стандартов безопасности, нивелирование дефектов правосознания, а также социального восприятия качества отечественного здравоохранения.

С учетом этого, а также для соблюдения методологически обоснованного подхода к разработке конкретных направлений совершенствования механизмов противодействия преступным и иным угрожающим интересам пациентов формам девиантного поведения считаем необходимым остановиться на конкретных проблемах правоприменительной деятельности. Особая теоретико-прикладная ценность здесь проявляется за счет того, что «последствия принятия судебных решений, не соответствующих действительности, особенно тяжелы, поскольку они нарушают принцип законности при осуществлении правосудия, права и свободы личности, касаются ее семьи, умаляют авторитет органов правосудия, дорого обходятся незаконно осужденному и государству» [2, с. 104–113]. Тогда как квалификация преступления, наиболее соответствующая фактическим обстоятельствам произошедшего события, как подчеркивает В. Н. Кудрявцев, «содействует соблюдению принципа законности, признающего «краеугольным камнем правосудия», и предусматривает тождество между характерными чертами совершенного деяния и признаками состава преступления» [3, с. 122]. Со своей стороны добавим, что *корректная юридическая оценка часто отвечает социальному восприятию справедливости и тем самым высту-*

пает фактором, укрепляющим гражданское доверие органам власти.

К сожалению, юридическая практика также далеко не всегда способна оперативно и своевременно адаптироваться под стремительно изменяющуюся внешнюю среду, формирование которой происходит в столь конкурентных, а порой и агрессивных условиях, требующих от своих субъектов наличия не только стандартных профессионально значимых навыков и качеств, но и актуальных междисциплинарных познаний, поскольку речь ведется о правонарушениях, связанных с использованием в медицине генной инженерии, стволовых клеток, искусственного интеллекта и иных новых технологий. В то же время дополнительным организационным препятствием становится тот факт, что существующие нормы уголовного закона, например, содержащиеся в ст. ст. 109 («Причинение смерти по неосторожности»), 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 236 («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»), 238 УК РФ («Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») и многих других, далеко не всегда способны адекватно отразить специфику общественно опасных деяний, трактуемых в соответствующей профессиональной среде через призму ятрогении, риска, погрешности и врачебной ошибки.

Таким образом, даже на этапе квалификации обнаруживаются многоуровневые барьеры (от несостоятельной для объективной правовой оценки нормативной базы до весьма ревностного восприятия любых связанных с ней действий как со стороны пациентов, так и со стороны врачебной общественности) для правоприменителя, стремящегося соблюсти баланс в реализации конституционных гарантий прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства. Тем не менее для усиления теоретико-прикладного характера настоящей работы представляется обоснованным сосредоточиться на тех проблемных моментах, которые обуславливают принятие неоднозначных решений и очевидных ошибок в работе судебно-следственных органов. Подобные факты в гуманитарной доктрине нередко определяются «неверным представлением либо некорректной оценкой» [4, с. 199]. В то же время некоторые исследователи более детально подходят к их описанию, которое раскрывается через призму «добросовестного заблуждения лица относительно юридических или фактических характеристик совершенного деяния или его последствий» [5, с. 218]. Со своей стороны, в представленную «формулу эскалации социальной напряженности» включим упоминание о неправильном соотношении состава

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

и события преступления, что может быть вызвано как расширительным толкованием отдельных положений Особенной части УК РФ и применением закона по аналогии, так и действительной адаптацией (подгонкой) фактов под сформировавшуюся в сознании иллюзию истины.

При этом из контекста приведенных выше умозаключений не должен последовать вывод, что причиной подобному выступают исключительно недостаточная компетентность того или иного сотрудника, осуществляющего производство по конкретному уголовному делу. В настоящем контексте действительными детерминантами, как на это справедливо обращают внимание А. В. Лужбин и К. А. Волков, выступают «как объективные, так и субъективные обстоятельства — нестабильность общественных отношений; неясность отдельных законодательных определений элементов составов преступлений вследствие их абстрактности и наличия оценочных категорий; возможность судебного усмотрения; коллизия норм права; наличие дефектов уголовного закона и тому подобные» [6, с. 43], которые благодаря процессу постоянной трансформации правового поля предрасположены к значительному усилению и взаимодополнению.

Судебно-следственная практика по обозначенной категории уголовных дел свидетельствует о наличии неправильного представления об отдельных элементах общественно опасного деяния и корреспондирующего ему состава преступления, затруднений с определением причинно-следственной связи, разграничением виновного и невиновного причинения вреда, а также некорректном установлении бланкетных связей между подлежащими применению юридическими нормами, расширительным толкованием положений закона и применением его по аналогии.

При этом для формирования наиболее последовательного изложения считаем целесообразным определить в качестве структурного ориентира объект криминального посягательства. Методологическая обоснованность данного подхода достаточно гармонично прослеживается на примере наблюдений Н. И. Коржанского, который утверждает, что «без уяснения объекта, на который было направлено нарушение, не может быть выяснена социальная сущность преступления, его общественная опасность и не может быть дана ему правильная юридическая оценка» [7, с. 6]. Более того, именно с его помощью, как правило, разрешается конкуренция нескольких норм и разграничиваются смежные составы запрещенных уголовным законом деяний» [8, с. 15].

Одновременно с этим необходимо обозначить еще две координаты научного поиска, с поправкой на которые будет осуществляться анализ правоприменительной практики, а именно сформированная нами ранее дефиниция и система преступлений в сфере инновационной медицины [9, с. 155]. С учетом этого текущий исследовательский интерес сосредоточен вокруг деяний, посягающих на общественные отношения, возникающие в связи с реализацией государственных гарантий прав, свобод и законных интересов пациентов.

Связующим звеном в рассматриваемом контексте выступает такой критерий, как «реальность», которому, к сожалению, все реже уделяется должное внимание в разработках, относящихся к группе научных специальностей «5.1. Право». Достаточно наглядно представленный элемент с доктринальной и с практической точек зрения раскрывается через призму необходимой обороны: «Общественно опасное посягательство должно иметь место в действительности — происходить в конкретном месте в определенное время (здесь и сейчас), а не быть плодом воображения»⁵. Содержащаяся здесь концептуальная идея касается фактически всех исследований, затрагивающих *вопросы правовой оценки инноваций и тем более противодействия угрозам, исходящим от них, особенно когда для этого предлагается юридический инструментарий*. В ином случае существует вполне весомый риск трансформации отраслевого творческого изыскания в научную фантастику. Стоит подчеркнуть, что подобные умозаключения являются не столько утрированием, сколько попыткой обратить внимание, как минимум, представителей гуманитарной области познания на то, что основной отличительной чертой доклада (публикации) по соответствующей тематике должна быть не столько актуальность, сколько теоретико-прикладной характер, являющийся истинным показателем ее ценности. Именно по этой причине представляются не выдерживающими никакой критики и направленными исключительно на обывательское сознание авторские предложения законотворческого характера, связанные, например, с криминализацией неправомерного доступа к информации, повлекшей захват управления медицинским аппаратно-программным комплексом на базе искусственного интеллекта; производства, сбыта или ввоза на территорию государства роботов, предназначенных для решения задач здравоохранения; нарушением правил их создания, технического обслуживания и ремонта, если это повлекло причинение вреда здоровью или крупного ущерба.

⁵ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11. С. 2.

Подобного рода выводы, в основе которых доминирующее положение занимают домыслы, а также субъективные мировосприятие и прогнозирование, подкрепленные лишь сведениями из СМИ о том, что где-то произошла единовременная апробация новой технологии или методики, могут претендовать лишь на околонуточный статус и не имеют потенциала для законодательной имплементации, а наоборот, свидетельствуют об очередном этапе (тенденции) отдаления доктрины от процессов правотворчества и даже правоприменения.

В связи с этим, предупреждая уже ставшую традиционной для юридической доктрины проблематику квалификации общественно опасных деяний, детерминированных применением искусственного интеллекта в той или иной сфере деятельности (в этом случае — в здравоохранении), отметим, что данной проблемы в том утрированном варианте, в котором ее моделируют многие исследователи, в настоящее время нет. На текущем этапе становления общественных отношений отечественную судебно-следственную практику не затрудняет правовая оценка подобного криминального поведения, более того, для этого нет объективных предпосылок даже в среднесрочной перспективе развития. Несмотря на это, анализ национальных, зарубежных и международных библиографических и реферативных баз данных свидетельствует о стремительной активизации интереса социально-гуманитарных наук к указанной новации⁶, благодаря чему только за последнее десятилетие проведенные здесь исследования стали способными посопоставляться со сферой технических наук, однако лишь в количественном плане.

Следует подчеркнуть, что в указанном контексте речь не ведется о стагнации представленного вектора модернизации национальной медицины, в том числе умалении или недооценке проводимой здесь работы. Как отметил на международном экономическом форуме в 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин «освоение технологий искусственного интеллекта в настоящее время является ключевым направлением развития для всех стран в мире»⁷. Тогда как для отечественного здравоохранения обнаруживается достаточно отчетливая про-

гнозируемая перспектива внедрения рассматриваемой инновации:

- моделирование динамических процессов в организме пациента;
- извлечение данных из реальной клинической практики;
- анализ медицинских изображений и видеоаналитика;
- разработка хирургических роботов;
- развитие мобильного здравоохранения;
- обучение медперсонала и облегчение рабочих процессов;
- разработка индивидуальных программ медицинского страхования⁸.

Правоприменительной практике известны конкретные факты использования подобных новаций в рассматриваемом сегменте профессиональной деятельности, более того, не представляется возможным отрицать те достижения, которые свидетельствуют о стремлении государства занять передовые позиции в обозначенном вопросе: только в 2022 г. в столичных стационарах было проведено свыше тысячи хирургических вмешательств с помощью робот-ассистированных систем⁹. По оценке Национального центра развития искусственного интеллекта, 16% организаций сферы здравоохранения России уже внедряют технологии искусственного интеллекта, но 78% из них находятся в стадии пилотных проектов¹⁰. Вместе с тем следует понимать, что за громким названием кроются определенные жесткие алгоритмы и условия, заданные человеком для решения конкретных задач:

- диагностика, профилактика, наблюдение, лечение и облегчение заболеваний;
- диагностика, наблюдение, лечение, облегчение или компенсация нарушенных или утраченных физиологических функций;
- исследование, замещение или изменение анатомического строения или физиологических процессов;
- поддержание жизнедеятельности;
- функционирование систем поддержки принятия врачебных решений;
- прогнозирование проявления и/или развития заболеваний на основе генетических данных¹¹.

⁶ Морхат П. М. Искусственный интеллект. Право. Технологии. Экономика. Управление : библиографический указатель. М., 2018. 130 с.

⁷ Выступление Владимира Путина на пленарном заседании ПМЭФ-2023 // Рос. газета. 2023. 16 июня.

⁸ Эффективные отечественные практики на базе технологий искусственного интеллекта в здравоохранении: аналитический отчет. URL: <https://d-economy.ru/research> (дата обращения: 10.08.2023).

⁹ Проценко Л. Анастасия Ракова: Москва оснастит роботическими хирургическими комплексами все онкологические стационары города // Рос. газета. 2023. 15 июня.

¹⁰ Бевза Д. Искусственный интеллект диагностирует болезни и заполняет медицинские карты // Рос. газета. 2023. 15 марта.

¹¹ ГОСТ Р 59921.4. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 2 декабря 2021 г. № 1672-ст. М., 2021. 10 с.

Следует понимать, что представленный спектр направлений (задач) совершенно не тождественен зоне компетенции искусственного интеллекта, фактически не обладающего правосубъектностью и даже предпосылками для нее. В действительности нам представлено лишь очередное средство осуществления врачом его собственных полномочий. Безусловно, имеются определенного рода риски (предвзятость их решений вследствие ограничений наборов данных, на которых проводится машинное обучение, недостаточная для реальной клинической практики точность работы моделей, проблемы конфиденциальности, этичности и другие [10; 11; 12]), но допустимость их существования определяется необходимостью непосредственного участия в проводимых процедурах медицинского персонала, обязанного тщательно изучить историю болезни, лично осмотреть и выслушать пациента, а не довольствоваться данными инструментального обследования. Как справедливо отмечает доктор медицинских наук, Заслуженный деятель науки РФ академик РАН Д. Г. Иоселиани, «никогда искусственный интеллект не сможет заменить хирурга у операционного стола, потому что тот несет ответственность за судьбу больного»¹².

Зарегистрированные в данном сегменте здравоохранения факты наступления неблагоприятных, в том числе общественно опасных последствий лишь подтверждают приведенный выше тезис. Так, по немногочисленным уголовным делам, связанным с применением высокотехнологичной помощи, в том числе и наиболее известного робота Da Vinci, фиксируется халатность (ошибка в программном алгоритме привела к тому, что пациент в течение семи процедур получал двойную дозу препарата для хи-

миотерапии, несмотря на это персонал госпиталя продолжал лечение в соответствии с планом, не обращая внимания на симптомы передозировки лекарства»¹³) либо фактический отказ от оказания помощи без уважительных причин (при проведении операции робот повреждает аорту, возникновение внештатной ситуации привело к тому, что был неправильно зашит митральный клапан, вместе с тем в критический момент присутствующие там хирурги не решились самостоятельно осуществить операцию на открытом сердце¹⁴). Как справедливо замечает В. Н. Некрасов, «нормы о криминализации преступных деяний, связанных с результатами инновационной деятельности, базируются на презумпции, согласно которой любая такая разработка является результатом интеллектуальной деятельности человека, следовательно, в преступлениях, совершенных с их использованием, подлежит установлению вина конкретного физического лица» [13, с. 111].

На основании изложенного представляется возможным судить о сформировавшейся потребности обстоятельного рассмотрения вопроса о совершенствовании уголовно-правового противодействия распространяющейся криминальной активности в сфере инновационной медицины, в рамках которого одним из наиболее перспективных решений выступает именно законотворческий путь, располагающий наиболее эффективным правоприменительным и интерпретационным потенциалом. Вместе с тем подобное направление модернизации должно иметь научно обоснованный фундамент, содержащий в своем арсенале комплексные теоретико-прикладные исследования (в том числе и диссертационного уровня) обозначенной сферы общественных отношений.

Список источников

1. Черных Е. Е. Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4(56).
2. Сабитов Р. А. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний // Вестник Челябинского университета. 2001. № 2.
3. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
4. Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
5. Уголовное право : Общая часть : учебник / В. Г. Беляев, А. И. Бойко, Н. И. Ветров [и др.] / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999.
6. Лужбин А. В., Волков К. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами, в судебной практике и пути их решения Верховным Судом Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 1.

¹² Краснополская И. Академик Давид Иоселиани: Человек не должен метаться по стране в поисках хорошего врача или клиники // Рос. газета. 2023. 1 июня.

¹³ Больной раком умер из-за ошибки в компьютере. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/bolnoy-rakom-britanets-umer-iz-za-oshibki-v-kompyutere/> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Donald K. First robot-assisted heart valve surgery results in patient's death. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6363243/Pioneering-robot-KNOCKED-medics-hand-middle-heart-operation.html> (дата обращения: 15.06.2023).

7. Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений : учеб. пособие. Волгоград, 1976.
8. Наумов А. Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 127¹ и 240 УК РФ // Законность. 2007. № 6.
9. Черных Е. Е. К вопросу о систематизации преступлений в сфере инновационной медицины // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4.
10. Черных Е. Е. Цифровая медицина: риски правореализации инноваций в сфере здравоохранения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4(52).
11. Price W. N., Gerke, S., Cohen, I. G. Potential liability for physicians using artificial intelligence // JAMA. 2019. № 322.
12. Wynants L., Van Calster, B. Collins, G. S. Riley R. D., Heinze G., Schuit E. Prediction models for diagnosis and prognosis of covid-19: systematic review and critical appraisal // BMJ. 2020. № 369.
13. Некрасов В. Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны инновационной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-320-325

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Участие подозреваемого при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием систем видео-конференц-связи

Антон Васильевич Павлов

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

Александр Сергеевич Дежнев

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ omsk-das@mail.ru

Евгений Геннадьевич Ларин

кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета¹, ✉ larin_eg79@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Анализируются положения Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ, которые предусматривают согласно ч. 4 ст. 108 УПК РФ возможность участия подозреваемого в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу путем использования систем видео-конференц-связи. Представлены основания, условия и порядок применения дистанционных технологий. Обозначены проблемы, требующие дальнейшего разрешения на нормативном уровне либо уровне официальных разъяснений в целях формирования единообразной судебной практики применения данной законодательной новеллы.

Ключевые слова: подозреваемый, суд, судебное заседание, заключение под стражу, видео-конференц-связь

Для цитирования: Павлов А. В., Дежнев А. С., Ларин Е. Г. Участие подозреваемого при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием систем видео-конференц-связи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 320–325.

Participation of a Suspect in the Court's Consideration of the Motion on Choosing Restrictive Measure in the Form of taking into Custody via Video Conference Systems

Anton V. Pavlov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Chief of the Chair of Criminal Procedure¹, ✉ pavlov_oma@mail.ru

Alexandr S. Dezhnev

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Criminal Procedure¹, ✉ omsk-das@mail.ru

Evgeny G. Larin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Scientific Secretary of the Academic Council¹, ✉ larin_eg79@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under study are the provisions of Federal Law No. 610-FZ dated December 29, 2022, which provide possible participation of a suspect in a trial during the court's consideration of the motion of choosing the restrictive measure in the form of taking into custody via video conference systems. The paper comprises the grounds, conditions and procedure for using distance technologies. The authors outline the problems, which require further solution either at the normative level or at the level of official explanations in order to form a uniform judicial practice of applying this legislative innovation.

Keywords: suspect, court, trial, taking into custody, video conferencing

Citation: Pavlov A. V., Dezhnev A. S., Larin E. G. Participation of a Suspect in the Court's Consideration of the Motion on Choosing Restrictive Measure in the Form of taking into Custody via Video Conference Systems. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 320–325 (In Russ.).

Личное участие подозреваемого в судебном заседании при решении вопроса о его аресте является одной из гарантий, обеспечивающих реализацию таких процессуальных прав, как заявлять отводы и хо-

датайства, отстаивать свою позицию перед судом, представлять дополнительные доказательства, знакомиться с материалами, обосновывающими постановление. Между тем осуществление этого права на

практике часто оказывается затруднительным в силу различных объективных обстоятельств. В случае недоставления подозреваемого, обвиняемого в суд судья возвращает указанное ходатайство следователю без рассмотрения¹.

В УПК РФ предусмотрены два варианта решения данной проблемы.

Во-первых, заочный арест допускается при объявлении обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). Во-вторых, в целях обеспечения судебной процедуры заключения под стражу в отношении отсутствующего по месту расследования обвиняемого в 2003 г. была предусмотрена возможность его задержания в порядке, предусмотренном главой 12 УПК РФ. Но эти меры не во всех ситуациях позволяли доставить подозреваемого к месту расследования и создать условия для реализации его права на эффективную судебную защиту.

Конституционный Суд Российской Федерации применительно к кассационному и надзорному производству сформулировал правовую позицию, согласно которой гарантии права на судебную защиту могут быть реализованы не только путем предоставления осужденному или оправданному возможности лично участвовать в заседании суда, но и иным образом, в частности, путем изложения своей позиции с использованием систем видео-конференц-связи (далее — ВКС)².

По решению суда системы ВКС активно использовались для обеспечения участия осужденных в судебных заседаниях в апелляционной и кассационной инстанциях (ч. 2 ст. 389¹², ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ); при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 2 ст. 399 УПК РФ). В суде первой инстанции предусматривалась возможность участия подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем ВКС (ч. 6¹ ст. 240 УПК РФ)³.

Очередной шаг законодателя по внедрению дистанционных технологий коснулся процесса доказывания в досудебном производстве и производства отдельных следственных действий путем использо-

вания систем ВКС⁴. В юридической литературе обсуждался вопрос о применении технических систем в целях обеспечения участия подозреваемого (обвиняемого) в судебном заседании при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [1, с. 96; 2, с. 140–145; 3, с. 60–67]. Дистанционные технологии использовались в правоприменительной практике при рассмотрении судом ходатайств о продлении срока содержания под стражей.

Успешное внедрение технических систем позволило поставить вопрос о дальнейшем расширении сферы их использования. Так, Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ч. 4 ст. 108 УПК РФ дополнена положением, согласно которому в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность присутствия в судебном заседании подозреваемого, задержанного в порядке, установленном ст. ст. 91, 92 УПК РФ, непосредственно, суд вправе принять решение о его участии путем использования систем ВКС.

С законодательной инициативой о необходимости использования ВКС при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу выступали и ранее. Так, Законодательным Собранием Свердловской области был направлен законопроект в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации⁵. Правительство Российской Федерации проект федерального закона не поддержало, указав в заключении на то, что вносимые изменения не соответствуют принципу гласности проведения судебных заседаний и потребуют дополнительных финансовых затрат для обеспечения технической возможности осуществления данного вида связи. В юридической литературе критика законопроекта признана несостоятельной [2, с. 140; 3, с. 60; 4, с. 68].

Системное внедрение ВКС в уголовном судопроизводстве предусматривает возможность ее использования, во-первых, в судебных заседаниях суда любой инстанции, а также и на досудебных стадиях; во-вторых, для всех участников уголовного судопро-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 538-О.

³ Часть 6¹ ст. 240 УПК РФ признана утратившей силу (О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ).

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ.

⁵ Постановление Законодательного Собрания Свердловской области от 9 февраля 2016 г. № 2711-ПЗС по внесению в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

изводства, в том числе подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного).

Особый интерес вызывает специфика использования ВКС на досудебных стадиях, в ходе судебного производства данные технологии успешно используются свыше 20 лет.

Системное толкование ч. 4 ст. 108, ст. 241¹ УПК РФ позволяет сформировать основания, условия и порядок использования дистанционных технологий. Основания использования ВКС имеют два аспекта.

Во-первых, должны быть обстоятельства, включающие возможность участия подозреваемого в судебном заседании непосредственно. Во-вторых, судом должно быть принято решение о его участии в судебном заседании путем использования систем ВКС. При уяснении первого аспекта сложность составляет понимание обстоятельств, исключающих возможность участия подозреваемого в судебном заседании непосредственно, к числу таких может быть отнесен слишком широкий спектр причин. Подобный подход законодателя к формулировке оснований следует признать оправданным, так как перечислить потенциальные ситуации не представляется возможным. Тем не менее это не означает, что рассматриваемые нормы допускают произвольное и необоснованное решение суда о лишении права на непосредственное участие подозреваемого. На это указывает и то, что юридическим основанием для использования систем ВКС является соответствующее решение суда, которое согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Обращение к ст. 241¹ УПК РФ позволяет поставить вопрос о необходимости учета позиции подозреваемого относительно использования ВКС. Ходатайство подсудимого может служить достаточным основанием для применения ВКС, тем не менее подобное волеизъявление не выступает обязательным условием. Этот вывод основан на интерпретации положения закона, согласно которому ВКС может быть использована при наличии ходатайства стороны или по собственной инициативе суда.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации, отвечая на вопрос о возможности принятия судом решения о рассмотрении уголовного дела или материала с использованием систем ВКС, если одна или обе стороны против этого возражают, отметил,

что наличие возражений одной или обеих сторон по поводу рассмотрения уголовного дела или материала с использованием систем ВКС не является препятствием для принятия судом такого решения. Определение порядка проведения судебного разбирательства в данном случае относится к исключительной компетенции суда, который должен исходить из необходимости обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников уголовного судопроизводства⁶. Приоритет публичного начала в этом случае считаем справедливым и полагаем, что следует им руководствоваться при разрешении иных ситуаций, связанных с использованием ВКС.

Следует выделить наиболее вероятные причины, которые могут объяснить отсутствие возможности непосредственного участия подозреваемого в судебном заседании. Одно из таких обстоятельств указано в ч. 2 ст. 241¹ УПК РФ, оно связано с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства.

В качестве второго обстоятельства для применения систем ВКС может учитываться социально-экономическая ситуация, вызванная коронавирусной инфекцией. Так, в целях обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности участников уголовного судопроизводства судам рекомендовали для обеспечения личного участия в судебном заседании подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) и других лиц по каждому уголовному делу или материалу, требующему безотлагательного рассмотрения, с учетом проведения карантинных мероприятий в следственных изоляторах и установленного для всех граждан режима самоизоляции, принимать решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем ВКС. К материалам, требующим безотлагательного рассмотрения, были отнесены, в том числе, ходатайства органов предварительного расследования о наложении ареста на имущество и продлении срока ареста этого имущества⁷, а также об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения⁸.

Мы полагаем, что дистанционное участие может быть обусловлено не только интересами подозреваемого, но и потребностями органов предварительного расследования. Это объясняется тем, что не всегда представляется возможным обеспечить судебную

⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г.

⁷ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.

⁸ О приостановлении личного приема граждан в судах : постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821.

процедуру ареста именно по причине невозможности доставления в судебное заседание подозреваемого. Остро стоит проблема обеспечения участия в судебном заседании разыскиваемого подозреваемого (обвиняемого), обнаруженного в удаленном от места расследования регионе. Это обстоятельство можно признать в качестве третьей причины для применения систем ВКС. Предложения о возможности проведения судебного заседания в порядке ч. 4 ст. 108 УПК РФ по месту расследования, с обеспечением участия разысканного лица посредством использования ВКС, в юридической литературе высказывались и ранее [5].

В качестве условия правомерности дистанционного участия подсудимого (обвиняемого, подозреваемого) предусмотрено наличие технической возможности для проведения судебного заседания путем использования систем ВКС. Общий порядок ее применения установлен соответствующим Регламентом⁹. На данный момент не в полной мере решена проблема, связанная с отсутствием единого канала ВКС. Встает вопрос о создании защищенной Единой межведомственной системы ВКС, которая позволяла бы принимать участие в судебном заседании с привлечением любого ведомства без потенциально го риска утраты информации.

В соответствии с ч. 7 ст. 241¹ УПК РФ подключение подозреваемого к ВКС осуществляется по месту его нахождения. Обозначены три возможных варианта его пребывания: суд; администрация места содержания под стражей; администрация учреждения или органа, исполняющих наказание. Общий алгоритм проведения судебного заседания с использованием ВКС может быть представлен следующим образом. В зависимости от оснований использования инициатива применения ВКС может исходить от органов предварительного расследования, администрации места содержания под стражей, администрации учреждения или органа, исполняющих наказание (далее — инициатор).

Полагаем, что инициатор (в случае если им является орган предварительного расследования) обязан создать условия по организации и проведению судебного заседания с использованием ВКС, так как доставление подозреваемого, обвиняемого в суд для избрания меры пресечения возлагается на лицо, в производстве которого находится уголовное дело¹⁰.

Во-первых, при принятии решения об участии подозреваемого путем использования систем ВКС инициатору необходимо убедиться в отсутствии воз-

можности обеспечения непосредственного участия подозреваемого в судебном заседании. Может возникнуть конкуренция с иными способами решения ситуаций, связанных с отсутствием возможности непосредственного участия подозреваемого в судебном заседании (заочный арест, задержание обвиняемого и др.).

Во-вторых, инициатор должен истребовать от содействующего органа по месту пребывания подозреваемого подтверждение о наличии необходимой технической возможности. При установлении необходимых обстоятельств следователь отмечает в ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу необходимость участия подозреваемого с использованием систем ВКС и обосновывает свое решение в ходе судебного заседания.

Суд, признав возможным использование ВКС, поручает суду (по месту нахождения подозреваемого), администрации места содержания под стражей, администрации учреждения или органа, исполняющих наказание, по месту нахождения подозреваемого организовать его дистанционное участие. Поскольку подозреваемый находится под стражей, его личность по поручению председательствующего в судебном заседании удостоверяется администрацией места содержания под стражей. Подписка лица, участвующего в судебном заседании путем использования систем ВКС, о разъяснении ему прав, обязанностей и иные документы направляются администрацией места содержания под стражей председательствующему в судебном заседании. Подозреваемому, участвующему в судебном заседании с использованием ВКС, должна быть обеспечена возможность слышать и видеть ход судебного заседания, задавать вопросы и получать ответы в режиме реального времени, реализовывать другие процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности. С реализацией права подозреваемого передавать дополнительные документы и знакомиться с доказательствами, представленными стороной обвинения, в судебном заседании могут возникнуть определенные проблемы технического характера. Порядок этих отношений в УПК РФ не регламентирован. Возможно, в этом случае достаточно ограничиться разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Например, такие рекомендации даны на случай задержания в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ лица, объявленного в розыск. Копии ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и материалов, подтверждающих его обоснованность, должны быть

⁹ Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401.

¹⁰ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

надлежаще удостоверены руководителем следственного органа или начальником органа дознания либо начальником подразделения дознания по месту задержания подозреваемого (обвиняемого)¹¹. Данные рекомендации актуальны только для случаев, когда эти материалы направлены до начала судебного заседания, дополнительные трудности возникают, когда такая необходимость возникнет в процессе его проведения.

Необходимо акцентировать внимание на некоторых моментах, связанных с реализацией рассматриваемой новеллы в правоприменительной практике. Прежде всего следует уточнить вопрос о субъектах, которые вправе принять участие в судебном заседании посредством ВКС.

Во-первых, на момент обращения с ходатайством в суд задержанное лицо преимущественно имеет статус обвиняемого, так как мера пресечения в отношении подозреваемого может быть избрана только в исключительных случаях.

Во-вторых, в УПК РФ предусмотрена возможность задержания не только подозреваемого, но и обвиняемого. Мы допускаем возможность обеспечения дистанционного участия разыскиваемого обвиняемого, обнаруженного не по месту расследования. Это объясняется тем, что задержание в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК РФ производится в порядке, предусмотренном главой 12 УПК РФ. Представляется, что для законодателя принципиальное значение в данной ситуации имеет факт задержания, при этом трансформация статуса задержанного лица не исключается, но не имеет правового значения в контексте принятого решения об использовании ВКС. Тем не менее некоторая непоследовательность все же прослеживается. В частности, в ч. 4 ст. 108 УПК РФ неявка обвиняемого признается препятствием для рассмотрения ходатайства, при этом не упоминается об обязательности участия подозреваемого.

Кроме того, не исключены ситуации, когда лицо не задерживалось, но органами предварительного расследования ставился вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу. Например, разысканное лицо было задержано в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции». Буквальное толкование ч. 4 ст. 108 УПК РФ исключает использование в подобных ситуациях системы ВКС. Полагая, что применение технологий позволяет разрешить данную ситуацию, проблема с обеспечением технической возможности может быть решена не администрацией места содержания под стражей, а посредством доставления лица в суд по месту нахождения подозреваемого.

В качестве дополнительной гарантии реализации прав подозреваемого, участвующего в судебном заседании путем использования систем ВКС, предусмотрено обязательное участие защитника.

Отказ подозреваемого от услуг защитника, полагаем, не препятствует использованию ВКС, в данном случае следователь, руководствуясь ч. 2 ст. 52 УПК РФ, назначает защитника. При реализации указанного права в первую очередь следует определить место нахождения защитника: в зале судебного заседания или по месту нахождения подозреваемого. Мы не исключаем правомерности трех возможных вариантов развития событий. Возможно, предпочтение следует отдать первому подходу: защитник находится по месту проведения судебного заседания. Нужно признать, что при непосредственном участии в судебном заседании у него больше перспектив в процессе исследования доказательств.

Второй вариант предполагает присутствие защитника по месту нахождения своего подзащитного, в этом случае не возникает сложностей с обеспечением возможности беспрепятственного конфиденциального общения с подозреваемым, участвующим в судебном заседании путем использования ВКС (ч. 9 ст. 241¹ УПК РФ). В ситуациях дистанционного общения вполне допустимо предоставить возможность обвиняемому обсудить позицию защиты с адвокатом до начала видео-конференц-связи либо по специальному каналу связи, позволяющему сохранить конфиденциальность разговора. Необходимо законодательное закрепление в УПК РФ ряда норм, содержащих порядок проведения конфиденциальных переговоров как для стороны защиты, так и для стороны обвинения [1, с. 96]. Уместным следует признать предложение об использовании отдельного монитора и наушников для защитника в зале суда с возможностью конфиденциальной беседы с подзащитным перед судебным заседанием, а также в перерывах [6, с. 68].

Третий подход предусматривает участие двух защитников (по месту проведения судебного заседания и по месту нахождения подозреваемого). Данный вариант может быть реализован только по инициативе подозреваемого при заключении им соглашения с несколькими адвокатами.

В силу правовой неопределенности в перечень проблемных аспектов следует включить особенности обжалования данного судебного решения (место и сроки обжалования). Кроме того, возникает проблема, связанная с реализацией постановления суда о заключении под стражу. Данный документ выносится и находится по месту проведения судебного

¹¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41.

заседания, возникает вопрос относительно формального основания помещения лица в СИЗО по месту его нахождения. Возможно, в этой ситуации суд по месту нахождения подозреваемого следует наделить правом удостоверить представленное по факсимильной связи решение суда о заключении под стражу [6, с. 71].

В заключение следует отметить, что внедрение дистанционных форм участия в уголовном судопроизводстве является вынужденной мерой, тем не менее, процесс ее реализации не должен приводить к нарушению фундаментальных конституционных

принципов: непосредственности, гласности и состязательности. Возможно, процесс заключения под стражу с использованием системы ВКС не потребует каких-то существенных изменений в УПК РФ, но разъяснения точно необходимы, так как практика очень творчески подходит ко всем нововведениям. Использование новых технологий в современных условиях отвечает вызовам времени, позволяет решить проблемы, связанные с обеспечением прав граждан на участие в судебном заседании, при этом сокращает сроки досудебного производства, экономит государственные средства.

Список источников

1. Диденко Н. С., Федосеева Е. Л. Отдельные вопросы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3(94).
2. Чернова С. С. Проблемы законодательного регулирования использования видео-конференц-связи при рассмотрении судом вопросов, связанных с применением меры пресечения в виде заключения под стражу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4(42).
3. Гарманов В. М., Каримов Р. Д. О перспективах использования системы видео-конференц-связи в деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 1(8).
4. Чернова С. С. Анализ законопроекта, направленного на регулирование использования видео-конференц-связи при рассмотрении судом вопросов, связанных с применением меры пресечения в виде заключения под стражу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1(19).
5. Павлов А. В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске : монография. М., 2015.
6. Спиридонов М. С., Сурменова С. В. Дистанционное участие в судебном разбирательстве уголовного дела. Новые возможности // Уголовный процесс. 2023. № 6.

УДК 343.985

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-326-330

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Противоправное воздействие на криминалистически значимую информацию, доказательства и их источники в ходе расследования преступлений

Владимир Иванович Щукин

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики¹, ✉ Schukin56@yandex.ru

Алексей Михайлович Журбенко

кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики¹, ✉ Zhurbenko6891.a@gmail.com

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с противоправным воздействием на криминалистически значимую информацию, доказательства, их источники, направленным на воспрепятствование предварительному расследованию. Дана характеристика противоправного воздействия, которое оказывается не только на источники информации в виде материальной среды, материальных объектов, отдельных лиц, носителей вербальной информации, но и на саму криминалистически значимую информацию, фиксирующуюся посредством процессуальной формы. Решение задач по защите криминалистически значимой информации и ее источников оказывает влияние на выбор тактики отдельных следственных действий, определение версий, планирование расследования. Отмечается также, что притивозаконное воздействие на криминалистически значимую информацию, доказательства и ее источники в ходе раскрытия и расследования преступлений носит ситуационный характер и осуществляется на различных стадиях уголовного судопроизводства. В статье обосновывается необходимость разработки новых и совершенствования имеющихся криминалистических приемов и методов предупреждения, выявления и преодоления противоправного воздействия на них.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистически значимая информация, доказательства, противоправное воздействие, объекты воздействия

Для цитирования: Щукин В. И., Журбенко А. М. Противоправное воздействие на криминалистически значимую информацию, доказательства и их источники в ходе расследования преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 326–330.

Unlawful Impact on the Information of Forensic Importance, Evidence and its Sources in Criminal Investigation

Vladimir I. Shchukin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Criminalistics¹, ✉ Schukin56@yandex.ru

Alexey M. Zhurbenko

Candidate of Science (in Economics), Associate-Professor at the Chair of Criminalistics¹, ✉ Zhurbenko6891.a@gmail.com

¹ I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Belgorod, Russia)

The paper considers the issues related to illegal impact on information of forensic importance, evidence, its sources aimed at hindering preliminary investigation. The authors characterize the unlawful impact made not only on sources of evidence in the form of material environment, material objects, certain persons, bearers of verbal information but also the information of forensic importance recorded in the procedural form. Solving the tasks on protection of the information of forensic importance and its sources influences choosing the tactics of some investigative actions, building hypotheses, planning the investigation. It is also noted that an unlawful impact on the information of forensic importance, evidence and its sources made during solution and investigation of crimes has a situational character and is carried out at different stages of criminal proceedings. The article substantiates the necessity of developing new and elaborating the existing forensic means and methods of preventing, revealing and overcoming an unlawful impact made on them.

Keywords: investigation of crimes, information of forensic importance, evidence, illegal impact, objects of impact

Citation: Shchukin V. I., Zhurbenko A. M. Unlawful Impact on the Information of Forensic Importance, Evidence and its Sources in Criminal Investigation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 326–330 (In Russ.).

Раскрытие и расследование преступлений — достаточно сложный и многогранный процесс. В его рамках осуществляется сбор, проверка и оценка доказательств, посредством которых устанавливаются обстоятельства преступления. Данные процессы регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, что обеспечивает объективность и достоверность получаемой криминалистически значимой информации, ее дальнейшее использование и определение относимости к событию преступления, признания доказательством по уголовному делу.

Доказывание — достаточно многогранная деятельность. Она включает определение того, что именно подлежит доказыванию, с помощью каких средств оно осуществляется. В рамках доказывания по уголовному делу происходит познание происшедшего события и отдельных фактов, относящихся к нему. Однако следует заметить, что некоторые «относящиеся к делу знания могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей криминалистически значимой информации. Речь идет об информации, добываемой в результате оперативно-розыскной деятельности. Эта познавательная деятельность, предшествуя доказыванию или протекая параллельно с ним, играет вспомогательную, обеспечивающую роль» [1, с. 290].

На наш взгляд, познание следователем, представителями органа дознания отдельных обстоятельств преступного деяния посредством непроцессуальных форм исследования не содержит гарантии достоверности и не дает возможности существования криминалистически значимой информации в рамках уголовного судопроизводства. Обстоятельства требуют подтверждения их достоверности и относимости к событию преступления, которое возможно при использовании процессуальной формы в рамках отдельных следственных действий.

Проблема сбора и фиксации объективной, достоверной и относимой к событию преступления информации достаточно актуальна. Сами принципы осуществления уголовного судопроизводства, в частности, состязательность сторон, право на обжалование процессуальных действий, решений и др., отчасти способствуют оказанию воздействия на процессы получения доказательств. Например, со стороны защитника, участвующего в следственном действии.

Но это одна сторона этого процесса. Возникающая информация о преступлении в виде различного рода отражений может исчезнуть и по другим причинам. По мнению А. Р. Белкина, «отражения могут исчезнуть, во-первых, под влиянием тех свойств, ко-

торые внутренне присущи материальной основе; во-вторых, под влиянием внешних воздействий объективного характера. Таковыми могут быть новые изменения, накладывающиеся на прежние в результате другого акта отражения ... в-третьих, отражения могут быть умышленно уничтожены заинтересованными лицами» [2, с. 37].

Материальная среда, а тем более сознание человека, воспринимают событие преступления в различных формах отображения, которое существует здесь и сейчас. Затем оно начинает изменяться и в итоге исчезает под воздействием объективных и субъективных факторов.

В связи с этим возникает проблема, с которой сталкиваются органы дознания и следствия, получившие первичные сведения о событии преступления. Она обусловлена своевременным обнаружением отображений преступного деяния в материальной среде, сознании человека, его относимости, фиксации, использовании в процессе доказывания в целях недопущения и нейтрализации противоправного воздействия на них.

Нейтрализация воздействия объективных факторов на изменения материальной среды, возникших в связи с событием преступления, в практике органов следствия и дознания, как правило, решается путем сокращения времени с момента получения информации о преступлении до обнаружения непосредственно того места, где оно совершено, его исследования и фиксации изменений материальной обстановки.

Другой путь разрешения проблемы воздействия объективных факторов на материальную обстановку, связанную с событием преступления, разрешается путем создания и применения в рамках отдельных следственных действий эффективных тактических приемов обнаружения, фиксации материальных следов преступления и методов их исследования.

Исследование данной проблемы предполагает решение задач, связанных с разработкой новых и совершенствованием имеющихся способов выявления, нейтрализации противоправного воздействия на криминалистически значимую доказательственную информацию, их источники, а также решение вопросов о степени оказания влияния в целом на процесс расследования преступления.

По мнению О. Я. Баева, «в результате совершения преступления возникает ... информация, связанная с совершением преступления, изменениями вследствие этого отображаемой реальности. Ее возникновение, сохранение, возможности переработки подчиняются определенным объективным закономерностям» [3, с. 96].

На сохранение информации о преступлении, ограничение числа субъектов, имеющих возмож-

ность воздействовать на ее источники и содержание, существенное влияние оказывает фактор времени.

Следователь, орган дознания, осуществляя действия по исследованию материальной среды, в которой совершено преступление, наряду с выявлением и фиксацией изменений материальной обстановки устанавливает время совершения преступления, т. е. определяет, в какой именно момент возникла информация о преступлении, каков ее источник и в полной ли мере она отражает механизм преступления. Оценка информации, определение ее относимости к событию преступления определяют ее статус — от криминалистически значимой, ориентирующей до доказательственной, приобретшей процессуальную форму.

Учитывая это, существующую информацию, ее источники, значимые для расследования уголовного дела, по времени своего существования можно разделить на два периода:

1) с момента возникновения информации до момента овладения ею правоохранительными органами;

2) с ее оценки, признания в качестве доказательства по делу, приобретения процессуальной формы до вынесения судом приговора, основанного на оценке всей совокупности доказательственной информации.

Их выявление дает нам возможность определить субъекты и формы воздействия.

В течение первого периода на информацию и ее источники воздействуют:

- лица, совершившие преступление и осуществляющие действия по его сокрытию;
- свидетели возникновения информации.

Следует отметить, что «преступление... неизбежно порождает информационное отображение в объектах как живой, так и неживой природы. Причем данная информация отражается на многочисленных носителях, также отличающихся по особенностям физической природы и характеру структуры» [4, с. 120].

Возникающая при этом криминалистически значимая информация, относящаяся к событию преступления и преобразующаяся в доказательства, является ключевым элементом процесса доказывания. Она, как правило, служит объектом воздействия отдельных участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, а также лиц, заинтересованных в исходе расследования уголовного дела.

Воздействие по своему характеру можно разделить на два вида. Осуществляемое в рамках законной деятельности, например, следователя (1), а также в рамках деятельности защитника (2), который в порядке ст. 86 УПК РФ имеет право соби-

рать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, относящихся к событию преступления, проводить опросы лиц с их согласия и т. д.

Результаты изучения следственной практики позволяют считать, что в отдельных случаях противоправное воздействие на криминалистически значимую информацию, доказательства, их источники, направленное на воспрепятствование предварительному расследованию, приобретает значительные масштабы и обесценивает усилия органов предварительного расследования.

За последние годы в криминалистике достаточно активно исследовались вопросы преодоления противодействия предварительному расследованию. Однако действия по защите криминалистически значимой информации, доказательств, добытых в рамках расследования уголовного дела, в настоящее время мало разработаны.

При характеристике незаконного воздействия со стороны субъектов противоправного воздействия на криминалистически значимую информацию и их источники, возникающие в ходе проверки сообщений и заявлений о преступлении, в рамках предварительного расследования, следует конкретизировать объект, на который оно направлено. Как правило, можно выделить следующие группы объектов: 1) материальные объекты; 2) источники вербальной информации; 3) должностные лица, в ведении которых находится принятие процессуальных и иных решений по расследуемому делу.

Первые две группы являются источниками криминалистически значимой информации, а при наличии процессуальной формы — доказательствами. Третья группа — это лица, которые в рамках своих полномочий могут осуществлять деятельность по сбору криминалистически значимой информации, доказательств, их оценке и использованию в процессе доказывания по конкретному уголовному делу, то есть влиять на него тем или иным способом.

Добытая в ходе расследования криминалистически значимая доказательственная информация, подлежащая защите, по мнению В. В. Трухачева, может быть разделена на следующие группы:

«а) информация о преступной деятельности определенных лиц, содержащаяся в памяти людей и на материальных носителях;

б) информация о деятельности работников органов уголовной юстиции по осуществлению расследования и судебного разбирательства;

в) информация о деятельности работников правоохранительных органов и суда по защите доказательственной информации» [5, с. 479].

Решение задач по защите криминалистически значимой информации и ее источников оказывает

влияние на выбор тактики отдельных следственных действий, определение версий, планирование расследования, направление расследования.

На свидетелей и потерпевших как носителей вербальной информации могут оказывать влияние родственники, лица, совершившие преступление, а также другие заинтересованные лица.

По результатам исследования, проведенного И. А. Бобраковым, потерпевшие оказываются объектом противоправного воздействия в 65,1% случаев; свидетели, очевидцы — в 25,8% случаев; в 9,5% случаев объектом воздействия преступников стали иные свидетели по уголовному делу [6, с. 16].

Существенным шагом в области обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей считаем принятие Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», дополнившего УПК РФ статьей 189¹, регламентирующей порядок производства допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи государственных органов.

Еще одним объектом противоправного воздействия выступают подозреваемые и обвиняемые. Являясь участниками совершенного преступления, они заинтересованы в осуществлении действий или бездействии, направленных на минимизацию ответственности за содеянное. Такая мотивация позволяет рассматривать их не только в качестве объекта противоправного воздействия, но и в качестве субъекта. Они заинтересованы в сокрытии преступления, могут оказывать воздействие на других участников уголовного процесса, а также на потенциальные источники криминалистически значимой информации.

Объектом преступного воздействия выступает также специалист, привлекаемый в ряде случаев до возбуждения уголовного дела для осуществления предварительных исследований. Такие исследования являются непроцессуальной формой использования специальных знаний. Справки об их проведении к материалам дела не приобщаются, хотя они позволяют получить криминалистически значимую информацию. Она играет в ряде случаев значительную роль в решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Наряду с материальными объектами и источниками вербальной информации объектами незаконного воздействия в рамках расследуемого уголовного дела могут быть также должностные лица, в ведении которых находится принятие процессуальных и иных решений. Это достаточно ограниченная категория лиц, которым полномочия дают право принимать процессуальные решения, от них зависит не только существование того или иного вида кри-

миналистически значимой информации, доказательства либо процессуальное положение того или иного лица, но и в целом расследование по конкретному уголовному делу. К их числу можно отнести следователя, дознавателя.

На принятие процессуальных решений в рамках расследования отдельного уголовного дела могут оказывать влияние другие участники уголовного судопроизводства, такие как руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания.

Гарантиями законности процессуальной деятельности следователя, дознавателя в рамках расследования отдельного уголовного дела является осуществление надзорных функций прокурора, определение законности процессуальных решений, отдельных следственных действий судом, контроль руководителя следственного подразделения и в ряде случаев — участие защитника.

Однако отметим, что следователь — процессуально самостоятельное лицо, что позволяет ему принимать решение по расследуемому уголовному делу, оценивая в каждом случае совокупность фактических данных и доказательств, служащих основанием для осуществления тех или иных действий по делу. При наличии альтернативы он должен руководствоваться нормами уголовно-процессуального законодательства, профессиональной оценкой доказательств и возникшей по делу ситуацией.

Все эти характеристики относятся к следователю, который объективно и на законных основаниях расследует дело. Когда на следователя незаконным образом воздействуют либо у него появляется заинтересованность (шантаж, взятка и т. п.) в исходе дела, который не является законным, то он может принять незаконное решение, и это влияет на различные виды доказательств, имеющихся по делу, может привести к ситуации, в ходе которой виновный может уйти от ответственности либо минимизировать свое наказание.

Рассматривая деятельность по противозаконному воздействию на криминалистически значимую информацию, доказательства и ее источники в ходе раскрытия и расследования преступлений, следует отметить, что она носит ситуационный характер и осуществляется на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Учитывая, что криминалистически значимая доказательственная информация, ее источники являются основным элементом в процессе доказывания по уголовному делу, имеется существенная необходимость в разработке новых и совершенствовании имеющихся криминалистических приемов и методов предупреждения, выявления и преодоления воздействия на них.

Список источников

1. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1973.
2. *Белкин А. Р.* Теория доказывания : научно-методическое пособие. М., 2000.
3. *Баев О. Я.* Предмет криминалистики и теория судебных доказательств // Правоведение. 1983. № 3.
4. *Трухачев В. В.* Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000.
5. *Трухачев В. В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
6. *Бобраков И. А.* Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших. Методы преодоления : учеб. пособие. Курск, 2000.

УДК 340.114.5

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-331-336

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Классификация правового сознания: теоретико-правовые и прикладные аспекты

Ирина Леонидовна Вершок

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета¹,
✉ viarshok_irina@mail.ru

¹ Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)

Автор осуществляет пересмотр сложившихся ранее подходов к классификации правового сознания и приходит к выводу, что дифференциация правового сознания на основе группировки его носителей имеет абстрагированный характер и не всегда получает практическое подтверждение. С учетом уникальности и индивидуальности правового сознания каждого субъекта обосновывается тезис, что научный анализ изучаемого феномена возможен в форме типичных проявлений правового сознания, так называемых поведенческих доминант. В связи с этим классификация правового сознания должна осуществляться не столько по количественному признаку, сколько по качественным и функциональным параметрам. В ее рамках к основной характеристике как критерию классификации необходимо присоединять дополнительный признак, который должен присутствовать во всех выделяемых видах изучаемого объекта. Приводится критика деления правового сознания на высокий, средний и низкий уровни. Рассмотрены следующие виды правосознания: правоодобряющее, законопослушное, законононарушающее и правонарушающее; автономное и гетерономное; общее, особенное и специальное, а также обычное, государственное, профессионально-юридическое.

Ключевые слова: правовое сознание, классификация правового сознания, виды правового сознания, индивидуальность правового сознания, поведенческие доминанты

Для цитирования: Вершок И. Л. Классификация правового сознания: теоретико-правовые и прикладные аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 331–336.

Classification of Legal Consciousness: Theoretical Legal and Applied Aspects

Irina L. Vershok

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of State and Law Theory and History, Law Faculty¹,
✉ viarshok_irina@mail.ru

¹ Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus)

The author reviews the established approaches to classification of legal consciousness and concludes that differentiation of legal consciousness based on grouping its bearers is of abstract character and does not always receive practical confirmation. With unique and individual character of legal consciousness of each subject taken into account, a thesis is proved that scientific analysis of the phenomenon under study is possible in the form of typical manifestations of legal consciousness, the so-called behavioural dominants. In this regard, classification of legal consciousness should be carried out not so much on a quantitative basis, but on qualitative and functional parameters. Within its framework, it is necessary to join an additional feature to the main characteristic as a classification criterion, which must be present in all distinguished types of the object under consideration. The paper comprises the critics of dividing legal consciousness into high, middle and low levels. The following types of legal consciousness are examined: law-approving, law-abiding, law-breaking and delinquent; autonomous and heteronomous; general, specified and special as well as common, state, professional legal.

Keywords: legal consciousness, classification of legal consciousness, types of legal consciousness, individual character of legal consciousness, behavioural dominants

Citation: Vershok I. L. Classification of Legal Consciousness: Theoretical Legal and Applied Aspects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 331–336 (In Russ.).

Вопросы классификации правового сознания в юридической доктрине рассматриваются достаточно единообразно. В общей теории права имеет место деление правового сознания на индивидуальное, групповое и общественное (или общенациональное) [1, с. 565], а также обыденное и массовое, профессиональное [2, с. 209], научное [3, с. 565]. Индивидуальное, групповое и общественное правовое сознание классифицируется по признаку обобщенного выражения содержания и характера правосознания отдельных индивидов, образующих соответствующие группы и общество в целом [4, с. 270; 5, с. 392]. Деление правового сознания на указанные выше разновидности обусловлено доминированием ставшего традиционным философско-материалистического подхода [6, с. 7–17].

Проблема указанной дифференциации состоит в том, что различные варианты объединения, группировки «сознаний» отдельно взятых индивидов, включенных в определенные коллективы и группы, в своем содержании нестабильны и не представляют собой результат простого сложения или обобщения. На практике различные проявления слияния потоков индивидуальных сознаний людей часто выражаются не в правовом сознании, а в иных феноменах, таких как правовое поведение, правовая культура, общественное мнение, признание или легитимность. Примечательно, что по данному вопросу А. В. Поляковым справедливо отмечается, что система общественного правосознания представляет собой лишь совокупность наиболее характерных, типичных ментальных образов (текстов) правовой действительности [7, с. 376], но не обобщенное выражение индивидуальных сознательных процессов.

Определенное психическое состояние общностей проявляется в разнообразных способах и формах активности, выраженных в поведенческих доминантах [8, с. 13], а не в простом суммарном выражении правовых «сознаний» членов коллектива. Феномен правового сознания может подвергаться научному анализу лишь в форме его типичных выражений, так называемых поведенческих доминант. Однако до сих пор авторы кардинально не выходят за границы классического изучения различных проявлений такого сложного феномена, как правовое сознание [9, с. 45–47; 10, с. 194–195; 11, с. 54–57]. Виды правового сознания дифференцируются ими преимущественно на одной и той же основе, посредством обобщения определенных субъектов, которые, по мнению исследователей, отражают объективные условия общественного развития [12, с. 5].

Представляется более эвристически продуктивной классификация правового сознания не по количественным критериям субъектов, а по качественным, функциональным его параметрам. Причем

к основному признаку как критерию классификации для объективности изучения необходимо присоединить еще один, дополнительный.

Примечательно, что В. С. Нерсесянцем правосознание классифицировалось на законоодобряющее, законопослушное и закононарушающее [4, с. 270]. Автор обоснованно признавал, что даже в случаях правомерного поведения чрезвычайно важно не только выполнение правовой нормы, но и наличие факта ее одобрения (признания). Продолжая данную мысль, отметим, что в случае правового признания (одобрения закона) процесс правового сознания может быть связан со сложными механизмами восприятия, отражения, осмысления и интерпретации не только правовых, но и иных социальных норм с идентичным предметом регулирования. Для законопослушного правового сознания характерно лишь простое отражение требований нормативных правовых актов и их четкое воспроизводство в правовом поведении.

Признавая перспективным деление правового сознания, обоснованное В. С. Нерсесянцем, уточним основания и виды данной классификации. Основным критерием в ней является объект интенциональной направленности правового сознания (правило, формально закрепленное в нормативном правовом акте, и (или) иные социальные нормы), а вспомогательным параметром — результат экстерииоризации правового сознания (правомерное либо противоправное правовое поведение). На основании указанных критериев можно выделить следующие виды правового сознания: правоодобряющее, законопослушное, закононарушающее и правонарушающее.

Правоодобряющее правовое сознание состоит в восприятии, отражении, осмыслении правовых норм в контексте моральных и религиозных императивов, правил этикета, обычаев, их дальнейшей интерпретации как непротиворечивых и взаимосвязанных. Оно выражается в правомерном поведении как результате воздействия легитимной правовой нормы. Законопослушное правовое сознание проявляется в правовом поведении, основанном на точном и единообразном выполнении формальных требований позитивного права, независимо от морально-нравственного контекста.

Закононарушающее правовое сознание состоит в непризнании правовой нормы, в ее несоответствии критериям справедливости, правильности. Оно выражается в нарушении субъектом формально закрепленных юридических требований на фоне соблюдения иных социальных норм. Правонарушающее правовое сознание состоит в невыполнении формальных требований норм позитивного права, а также непризнании иных правил социального регулирования.

В качестве примера приведем различные виды правового сознания, типично проявляемого при уплате и взыскании алиментов в пользу ребенка. Правоодобряющее правовое сознание выражается в добровольной уплате алиментов, сумма и периодичность которой превышает законодательно установленные рамки. Субъект, выполняющий алиментные обязательства, самостоятельно и на постоянной основе оценивает нуждаемость ребенка в финансовой поддержке. Законопослушное правовое сознание проявляется в случаях выплаты алиментов в размере законодательно установленной доли заработка и иного дохода в точном соответствии с порядком, установленным брачным договором, соглашением о детях или соглашением об уплате алиментов, а также действующим законодательством. Закононарушающее правовое сознание может выражаться в сокрытии доходов, следствием чего является ничтожный размер взыскиваемой суммы, по различным причинам, оцениваемым обязанной стороной как уважительные. Результат проявления правонарушающего вида правового сознания — правовое поведение, квалифицируемое как уклонение родителей от содержания детей.

Дальнейшая классификация правового сознания будет заключаться в установлении основного признака — степени индивидуализации его носителя (конкретизации данных о нем), а также дополнительной характеристики — условий экстерииоризации правового сознания (частной или публичной сферы). На указанной базе выделяются два типа правового сознания: автономное, когда результаты интерпретации недоступны инстанции (субъекту правотворчества и правоприменения), и публичное, для которого результаты интерпретации доступны инстанции.

Автономное правовое сознание характерно для субъекта правового взаимодействия, когда процессы интерпретации правовой нормы сугубо индивидуальны и доступны лишь ему самому, а индивидуализированность субъекта приобретает особое значение при реализации правовой нормы. Автономное правовое сознание обуславливает способность к инновационному поведению.

Результаты публичного правового сознания (у Л. И. Петражицкого — гетерономного, зависящего от внешних авторитетов [13, с. 56]) важны и доступны для инстанции. Индивидуализация его носителей не настолько принципиальна, важнее массовость и типичность форм экстерииоризации правового сознания, которое оценивается в рамках поведенческой доминанты определенной социальной группы (избирателей, участников публичного обсуждения правового акта).

Автономный вид правового сознания можно продемонстрировать на примере поведения сторон,

выбирающих альтернативные способы разрешения юридического конфликта, когда в ходе примирительных процедур они сами ищут путь разрешения конфликта, взаимоприемлемый именно для них [14, с. 183–184]. Гетерономный тип правового сознания проявляется при выборе сторонами юридического конфликта процедуры разрешения дела в суде (инстанции), т. е. рассмотрения спора путем полномасштабной процедуры юридического процесса, которая завершается вынесением решения по делу.

Дифференциация правового сознания на виды обусловлена также сферой деятельности субъекта, представленной либо как его повседневная быденная жизнь, либо в качестве юридических процедур нормотворчества и правоприменения. Возьмем данный критерий в качестве основного для следующего варианта классификации. Интенциональность правового сознания обуславливает его динамику и дифференциацию на соответствующие виды. Учитывая это, вспомогательным критерием признаем объект интенциональности правового сознания — непосредственно юридическую норму либо предпосылки ее образования и условия реализации.

На данной основе имеются основания выделить общее, особенное и специальное правовое сознание. Общее направлено на восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию любой социально-правовой материи, с которой сталкивается субъект в процессе своей деятельности в быденной жизни. Интенциональность его правового сознания связана с объектами правовой реальности, спонтанно или опосредованно воспринимаемыми, отражаемыми и осмысливаемыми в повседневной практике воспроизводства гражданских, семейных, финансовых, административно-деликтных и иных правовых отношений. Носитель указанного вида правового сознания чаще не задумывается по поводу юридической стороны своего участия в правовом отношении и в рамках правового поля реализует собственные потребности и интересы: материальные, информационно-коммуникативные, духовные и т. д. Носитель общего правового сознания осмысливает не юридическую, а лишь фактическую сторону содержания правоотношения.

Особенное правовое сознание, распространяющееся на определенные юридические сферы, связано с целенаправленным восприятием, отражением, осмыслением и интерпретацией объектов конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, эколого-правовой, иных отраслей юридической действительности. Интенциональность особенного правового сознания направлена на непосредственное узкое восприятие лишь строго определенных правовых норм, закрепленных в определенном нормативном правовом

акте или даже его части, когда, например, покупателя интересует способ защиты собственного права и он изучает соответствующую информацию в необходимой ему части закона о защите прав потребителей.

Специальное правовое сознание предполагает восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию как правовой нормы, так и предпосылок ее образования, а также условий реализации на определенной стадии нормотворческого или правоприменительного процесса. Восприятие направлено не только на юридические нормы, но и на реально складывающиеся правоотношения, юридическую практику в конкретной сфере (особенности заключения сделок с недвижимостью, правил налогообложения). Интенциональность специального правового сознания направлена на комплекс, систему правовых норм в рамках конкретной отрасли или института и на юридическую практику их подготовки, принятия и реализации. Его динамика более предсказуема, а результат интерпретации систематизирован.

Что касается уровней правового сознания, то в их отношении наиболее часто встречаются попытки определить степень развития и удовлетворительности правового сознания, дать субъективную характеристику правового сознания индивидов. Оценочными показателями в данном случае обычно признаются высокое, среднее или низкое правовое сознание, критерии которых аморфны и сложно выявляемы. По этой причине качественные оценки уровня правового сознания даются обычно постфактум, с существенным временным лагом, что создает проблему актуальности, объективности соответствующей классификации. Так, показатели снижения преступности не всегда свидетельствуют об изменении (росте) уровня правового сознания. Они могут быть вызваны иными причинами, например, декриминализацией отдельных составов правонарушений либо организацией повышенного контроля за правовым поведением в отдельных сферах.

Наиболее обоснованным необходимо признать использование признака уровневой соотносимости не для правового сознания в целом, а для актов интерпретации как основного критерия следующей классификации изучаемого феномена. В качестве дополнительного критерия возьмем функциональную характеристику носителей правового сознания (тех, кто адаптируется к правовой реальности и тех, кто целенаправленно преобразует ее). В результате представляется обоснованным выделение обычного, государственного и профессионально-юридического, подразделяемого на практическое и научное, правового сознания.

Обычное (в значении повседневного, рутинного) правовое сознание заключается в житейской, бытовой интерпретации человеком социально-правовых

явлений и процессов. Акты интерпретации разнообразны, но при этом по содержанию они казуальны и не обладают жесткой иерархией, соподчинением. Обычное правовое сознание состоит в толковании не самой нормы права как таковой, а соответствующих стереотипов правового поведения. Примерами выражения правового сознания соответствующего вида могут быть пословицы, поговорки и иные фольклорные произведения о праве и его проявлениях, а также художественные произведения, выражающие правовое сознание их авторов и одновременно отражающие сложные процессы трансформации правового сознания коллектива, поведенческие доминанты в конкретных пространственно-временных рамках.

Государственный уровень правового сознания представляет собой осмысление феноменов юридической действительности представителями государственной власти. Государственный уровень правового сознания как «государственный образ мыслей» [15, с. 613] проявляется в политическом процессе как непрерывном воспроизводстве общественной политики. Интерпретация в процессе их правового сознания осуществляется в определенной временной перспективе, по формально закрепленной процедуре, в публичных целях и направлена на принятие политических решений [16, с. 8], оформляемых в правовых актах высокого уровня, например, Конституции, программных законах. Его носителями могут выступать политические лидеры, субъекты нормотворческого процесса, некоторые представители политических партий, общественных организаций.

Профессиональное правовое сознание практиков сводится к квалифицированной интерпретации компонентов юридической действительности, осуществляемой ими в качестве субъектов право-творческого или правоприменительного процесса, действующих в пределах специальной компетенции на основе принципа законности. Акты их правового сознания направлены на непосредственное решение прикладных проблем подготовки, принятия и реализации правовых норм (например, преодоление пробела, устранение коллизии) и целенаправленного преобразования правовой реальности. Акты интерпретации строго формализованы и иерархичны.

Научное профессиональное правовое сознание характеризуется системностью результатов, практической верифицируемостью и логичностью интерпретации, осуществляемой представителями научного сообщества. Акты интерпретации имеют доктринальное выражение и представляют собой востребованные практически, обоснованные теоретически, верифицируемые эмпирически меры совершенствования, повышения эффективности отдельных компонентов юридической действительности.

Профессионально-юридическое правовое сознание не ограничивается простым восприятием юридической нормы применительно к конкретному казусу, при котором лишь сенсорные образы дают субъективные ощущения [17, с. 131]. Продолжая активную перцептивную и мыслительную деятельность, субъект профессионального правового сознания децентрирует свое внимание, не только решает узконаправленную проблему, но и комплексно рассматривает глобальные вопросы юридической квалификации. В результате вместо пассивного приспособления к среде субъект профессионального правового сознания обеспечивает динамику юридической действительности. Профессиональное правовое сознание интенционально направлено на поддержание баланса, равновесия внутри правовой системы.

Правовая норма представляет собой упрощенную юридическую модель реальности, имеет абстрактный характер и схематична. Профессиональное правовое сознание до- или восполняет формализованную в ней юридическую конструкцию идеального правоотношения необходимыми в конкретном случае (казусе) компонентами, стремясь поддерживать баланс интересов между субъектами права.

Таким образом, в целях наиболее полного и комплексного изучения трансформации правового сознания обосновывается его классификационная характеристика, которая предполагает опреде-

ление основного и дополнительного критериев дифференциации.

Методологически оправдана дифференциация правового сознания по основному критерию — объекту интенциональной направленности, а также вспомогательному критерию — экстерииоризации правового сознания в форме правомерного или противоправного поведения.

Разработана авторская классификация правового сознания, состоящая в выявлении основного признака (степени индивидуализации его носителя) и дополнительной характеристики (причин и условий экстерииоризации правового сознания). Классификация правового сознания может осуществляться в зависимости от сферы деятельности субъекта правового сознания: реальности его повседневной обыденной жизни или юридических процедур нормотворчества и правоприменения. Вспомогательным критерием в указанной дифференциации является объект, на который направлено внимание субъекта.

Правовое сознание оправданно дифференцировать также и по уровневой соотносимости. Наиболее обоснованным необходимо признать использование признака уровневой соотносимости не для всего правового сознания в целом, а для актов интерпретации, осуществляемой в его процессе. Дополнительным основанием данной классификации является функциональная характеристика носителей правового сознания.

Список источников

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2004.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. I.
3. Синюкова Т. В. Правовое сознание и правовое воспитание // Теория государства и права. М., 1997.
4. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2002.
5. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. пособие. Минск, 1999.
6. Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М., 1960.
7. Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2003.
8. Бабаков В. Г., Семенов В. М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М., 1996.
9. Коваленко Е. Е., Азизова Н. В. Понятие правосознания: определение, формы, структура и виды // Вестник научных конференций. 2017. № 2–6 (18).
10. Ярмонова Е. Н. Виды правосознания // Приоритетные направления развития науки и образования : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018.
11. Гусарова М. А. Проблема выделения структуры, уровней и видов правосознания в современной российской юридической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(56).
12. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973.
13. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
14. Здрок О. Н. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве: понятие, классификация, тенденции развития (на примере Республики Беларусь) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1.

15. *Ильин И. А.* Теория права и государства // Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. Т. 2 : Право / автор-составитель М. Н. Марченко. М., 2004.
16. *Решетников С. В., Решетникова Т. С.* Теория принятия политических решений: функциональный подход : пособие для студентов вузов. Минск, 2012.
17. *Карманов К.* Логика идеального: введение в проблематику. СПб., 2001.

УДК 342.565.2

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-337-342

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Региональная конституционная юстиция — «жертва» конституционной реформы 2020 года или закономерный финал?

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права¹,

профессор кафедры конституционного и международного права²,

✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)

² Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Изменение в 2020 г. текста Конституции РФ повлекло упразднение ранее одной из самостоятельных структурных единиц судебной системы РФ — конституционных (уставных) судов субъектов РФ. В рамках настоящего исследования на основе истории развития законодательства о региональной конституционной юстиции, анализа отдельных фактов и событий автором делается вывод о неизбежности «угасания» института конституционных (уставных) судов в РФ. Невостребованность региональной конституционной юстиции особо проявилась при обсуждении конституционных поправок 2020 г. на уровне Президента РФ, когда факт упразднения органов конституционной (уставной) юстиции почти не вызвал какого-либо сопротивления, а постепенное снижение «значимости» функционирования созданных конституционных (уставных) судов субъектов РФ как органов правосудия не позволило их отстоять региональным властям в ходе обсуждения и принятия федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы». Создаваемые в субъектах РФ конституционные (уставные) советы не станут в полной мере правопреемниками конституционной региональной юстиции и в обозримом будущем не предвидится возможности возобновления осуществления конституционного (уставного) правосудия на уровне субъектов РФ, поэтому данную часть российской истории судебной системы можно считать объективно завершенной.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционная реформа, конституционная региональная юстиция, конституционное (уставное) правосудие, судебная система, конституционные (уставные) суды РФ, конституционные (уставные) советы

Для цитирования: Кожевников О. А. Региональная конституционная юстиция — «жертва» конституционной реформы 2020 года или закономерный финал? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 337–342.

Regional Constitutional Justice — «Victim» of the 2020 Constitutional Reform or a Logical Ending?

Oleg A. Kozhevnikov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the Chair of Constitutional Law¹,

Professor at the Chair of Constitutional and International Law²,

✉ jktu1976@yandex.ru

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia),

² Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Changing the text of the Constitution of the Russian Federation in 2020 caused abolishing of one of previously independent structural units in the judicial system of the Russian Federation, that is constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation. Within the framework of the current study based on the history of the development of legislation on regional constitutional justice, analysis of some facts and events the author concludes that the «decay» of the institution of constitutional (statutory) courts in the Russian Federation is inevitable. Lack of demand for regional constitutional justice was especially evident during the discussion of amendments to the Constitution in 2020 at the level of the President of the Russian Federation, when the fact of abolition of organs of constitutional (statutory) justice caused practically no resistance, and gradual decline in the “significance” of the functioning of the established constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation as bodies of justice did not allow them to be defended by regional authorities in the process of discussion and adoption of the Federal Constitutional

Law dated December 8, 2020 No. 7-FKZ «On Introducing Changes in certain Federal Constitutional Laws». Constitutional (statutory) councils, being created in the subjects of the Russian Federation, will not become complete legal successors to the constitutional regional justice and in the foreseeable future there is no possibility of resuming the implementation of constitutional (statutory) justice at the level of constituent entities of the Russian Federation, therefore, this part of the Russian judicial system can be viewed as objectively completed.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, Constitutional reform, constitutional regional justice, constitutional (statutory) justice, judicial system, constitutional (statutory) courts of the Russian Federation, constitutional (statutory) councils

Citation: Kozhevnikov O. A. Regional Constitutional Justice — «Victim» of the 2020 Constitutional Reform or a Logical Ending? *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 337–342 (In Russ.).

Текстуальные изменения в Конституции РФ, произошедшие в 2020 г., уже не первый год становятся предметом серьезных дискуссий и размышлений. Во многом это связано с тем, что смысл, изначально вкладываемый в отдельные обновленные положения Основного закона, впоследствии на уровне реализующего федерального законодательства приобрел «новые окрасы и оценки» [1, с. 47; 2, с. 35]. Однако если некоторые положения конституционного текста вызывают постоянное внимание научного сообщества, то существуют и такие конституционно-правовые положения, которые с течением времени все меньше находят отклик в научных исследованиях и публикациях. Таковым, несомненно, является вопрос об упразднении региональной конституционной юстиции, которая была уполномочена осуществлять конституционное (уставное) судопроизводство в субъектах РФ.

Нельзя не отметить, что Конституция Российской Федерации никогда не имела прямого указания на необходимость создания в субъектах РФ конституционных (уставных) судов. Правовую природу данных видов судов четко определил Конституционный Суд РФ в своем определении от 27 декабря 2005 г. № 491-О: «Несмотря на то обстоятельство, что судоустройство (статья 71, пункт «о») и установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности (статья 71, пункт «г»), так и установление судебной системы Российской Федерации в целом является исключительной компетенцией РФ, в силу названных статей и положений части 3 статьи 118 Конституции Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — Закон № 1-ФКЗ), наряду с федеральными судами, действующими в субъектах Российской Федерации, предусматривает в качестве судов субъектов Российской Федерации конституционные

(уставные) суды субъектов Российской Федерации (часть 4 статьи 4), которые входят в судебную систему Российской Федерации (часть 2 статьи 4), создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации (часть 2 статьи 17), рассматривают вопросы, отнесенные к их компетенции, в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации, а их финансирование производится за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации (части 2 и 3 статьи 27). Порядок организации и деятельности конституционных (уставных) судов, в силу статьи 72 (пункты «б», «н» части 1) Конституции Российской Федерации и на основе федеральных законоположений самостоятельно определяется субъектом Российской Федерации в его конституции (уставе) и законах»¹. Таким образом, конституционные (уставные) суды субъектов РФ на момент своего существования обладали двойственной природой: с одной стороны, они являлись частью единой судебной системы РФ, с другой стороны, в отличие от федеральных судов, входили в систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации [3, с. 39]. Именно отсутствие прямого упоминания в Конституции РФ о наличии в составе судебной системы РФ региональной конституционной юстиции в последующем, в ходе конституционной реформы 2020 г., сыграло в отношении конституционной (уставной) юстиции негативную роль. На встрече Президента РФ с участниками рабочей группы по подготовке текста изменений и дополнений в Конституцию РФ в феврале 2020 г. заведующим кафедрой конституционного и административного права юридического факультета Казанского федерального университета Е. Султановым был задан прямой вопрос главе государства об отсутствии упоминания конституционных (уставных) судов субъектов РФ в обновленном тексте ст. 118 Конституции РФ, что, по его мнению, может привести к их упразднению. Од-

¹ По запросу Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 491-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нако В. В. Путин счел необоснованными названные опасения и отметил: «Уставные суды не были раньше упомянуты в Конституции. Они никогда не упоминались. Тем не менее это не послужило поводом для их ликвидации и изъятия из соответствующего федерального закона. Поэтому опасения, связанные с тем, что если в Конституции нет, то завтра они будут вообще из соответствующего закона исключены, все-таки не имеют основания». И дополнительно уточнил, что работу уставных судов еще нужно проанализировать: «Если уж по-честному, так, чтобы уж они бурную деятельность демонстрировали, — мы пока этого не наблюдаем»². Однако все последующие события стали пророческим продолжением опасений известного представителя казанской школы конституционного права Е. Султанова, и не только упоминание о конституционной (уставной) юстиции исчезло из текста Закона № 1-ФКЗ, но и произошла полная ликвидация системы конституционных (уставных) судов РФ с 1 января 2023 г.

Таким образом, возвращаясь к заявленному названию настоящего исследования, следует констатировать, что конституционные (уставные) суды можно отнести к числу «жертв» конституционной реформы 2020 г. Предоставление региональным властям права на создание конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, не является адекватной заменой упраздненным конституционным (уставным) судам в субъектах РФ.

Однако есть и «другая сторона медали», подтверждающая обоснованность опасений Президента РФ о значимости и эффективности деятельности конституционной (уставной) юстиции в субъектах РФ при их дальнейшем функционировании. Причем указанный вопрос давно был предметом многочисленных научных дискуссий, публикаций [4, с. 106; 5, с. 70], но единства мнений о необходимости конституционных (уставных) судов не наблюдалось. Какие обстоятельства, по нашему мнению, привели к обоснованному финалу — ликвидации конституционной (уставной) юстиции в субъектах РФ?

1. *Отсутствие единства в понимании необходимости создания и функционирования конституционных (уставных) судов во всех субъектах РФ.* Прародителями региональных органов конституционной (уставной) юстиции в России были первые комитеты конституционного надзора, созданные в республиках в составе РСФСР — в Татарстане (15 декабря 1990 г.) и Северной Осетии-Алании (26 декабря 1990 г.). В этот же период, как отмечают многие исследователи, на заседаниях Верховного Совета РСФСР стала обсуждаться воз-

можность создания в республиках и собственных органов конституционного контроля. Запущенные процессы федерализации также способствовали оформлению конституционной (уставной) юстиции в республиках, входящих в состав РСФСР и принятию законов о конституционных судах в Дагестане, Республике Саха (Якутии), Башкортостане, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Тыве и Мордовии. После принятия Конституции РФ 1993 г. в конституциях целого ряда республик были закреплены положения об учреждении органов конституционной юстиции (Адыгея, Бурятия, Коми, Марий Эл, Хакасия), что впоследствии трансформировалось в законы о конституционных судах, принятые в Адыгее, Бурятии, Карелии, Коми. В 1996 г. был принят и вступил в силу упоминаемый ранее Закон № 1-ФКЗ, который предоставил региональным властям правовое усмотрение в вопросе о создании собственных конституционных (уставных) судов. Однако не все субъекты РФ восприняли предоставленное право. Лишь 34 субъекта РФ воспользовались возможностью формирования собственных конституционных (уставных) судов путем закрепления в собственных нормативных актах. Законы о конституционных судах субъектов РФ были приняты только в 28 субъектах РФ, а фактически такие суды были учреждены в 18 субъектах: 14 республиках (Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карелия, Коми, Марий Эл, Саха, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Чечня), 3 областях (Калининградская, Свердловская, Челябинская) и 1 городе федерального значения — Санкт-Петербурге. Позже два из вышеуказанных судов были расформированы. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: стремясь, особенно на первоначальном этапе современного конституционного развития, к максимальному закреплению элементов «ограниченного суверенитета» и самостоятельности субъектов РФ, региональные власти весьма неохотно пользовались своим правом создавать органы конституционной (уставной) юстиции, предпочитая концентрировать свое внимание на формировании иных органов власти субъектов РФ. Это и привело к тому факту, что российская региональная конституционная юстиция длительное время находилась в эмбриональном состоянии [6].

2. *Финансовое обеспечение региональной судебной системы.* На всем протяжении истории существования конституционных (уставных) судов в субъектах РФ на уровне государства так и не был принят федеральный закон, определяющий правовое положение (статус) судей конституционных

² *Завкафедрой* КФУ Султанов возразил Путину на заседании рабочей группы. URL: <https://www.business-gazeta.u/news/459198> (дата обращения: 18.09.2020).

(уставных) судов субъектов Российской Федерации. Поэтому статус судей конституционных (уставных) судов и порядок деятельности названных судов были во многом связаны с положениями Закона № 1-ФКЗ и Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». При этом на федеральном уровне не вызывает сомнения тот факт, что судебная система, ее органы и судьи обладают не только повышенным статусом, но и обязательствами по его наполнению и обеспечению, при этом региональные власти стараются не уступать в вопросах обеспечения конституционной региональной юстиции. Статья 27 Закона № 1-ФКЗ императивно закрепляла обязанность субъекта РФ за счет собственных бюджетных средств осуществлять финансирование созданных на их территории конституционных (уставных) судов. Отдельные авторы даже приводили строгие математические расчеты, свидетельствующие о том, что доля расходов региональных бюджетов на содержание конституционных (уставных) судов в субъектах варьируется в пределах от 0,0001 до 0,0006% доходной части соответствующих бюджетов [7, с. 55], и полагали, что содержание судов не является таким уж серьезным финансовым бременем для субъекта РФ. Однако в вопросах финансирования есть, как всегда, несколько позиций, и побеждает та, которая предполагает не только минимизацию расходных обязательств, но и эффективность их использования. Так, статья 22 Областного закона от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ «Об Уставном суде Свердловской области», определяющая гарантии независимости судьи данного суда, закрепляет, что «материальное и социальное обеспечение судьи Уставного суда, а также его социальное обслуживание устанавливаются применительно к соответствующему обеспечению для судей федеральных судов, предусмотренному федеральным законодательством». Судьям Уставного суда определены месячные должностные оклады в следующих размерах:

- 1) председателю Уставного суда — в размере месячного должностного оклада первого заместителя Губернатора Свердловской области;
- 2) заместителю председателя Уставного суда — в размере месячного должностного оклада заместителя Губернатора Свердловской области;
- 3) судье Уставного суда — в размере месячного должностного оклада министра Свердловской области.

В результате закрепления подобных гарантий согласно сведениям о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных государственными гражданскими служа-

щими, судьями Уставного суда Свердловской области за период с 1 января 2021 г. по 31 декабря 2021 г.: декларированный годовой доход председателя Уставного суда Свердловской области составил 8 398 116,20 руб., заместителя председателя Уставного суда Свердловской области — 6 572 418,79 руб., судьи Уставного суда Свердловской области — 5 915 083,15 руб. Начальником финансово-экономического отдела данного суда, который является государственным гражданским служащим, был заявлен декларированный годовой доход в размере 4 264 245,01 руб.³ Представляется, что указанные суммы являются существенными для региональной бюджетной системы и в условиях «слабой» загруженности регионального уставного суда трудно было объяснить целесообразность такого финансового обеспечения⁴. Кроме того, судьям Уставного суда Свердловской области предоставлялись государственные гарантии в сфере обеспечения жильем в виде:

- предоставления в порядке, установленном жилищным законодательством, служебного жилого помещения, оборудованного мебелью и телефоном;
- предоставления за счет средств областного бюджета субсидии для осуществления части расходов на приобретение жилого помещения в таком же порядке и на таких же условиях, которые предусмотрены для государственных гражданских служащих Свердловской области;
- продажи жилого помещения, находящегося в государственной собственности Свердловской области, с рассрочкой платежа в таком же порядке и на таких же условиях, которые предусмотрены для государственных гражданских служащих Свердловской области.

В условиях коронавирусной пандемии, введения многочисленных санкций и ограничений со стороны недружественных государств федеральный законодатель проводил и до настоящего времени проводит настойчивую поступательную политику в субъектах РФ по поиску направлений экономии бюджетных средств. В таких условиях начинают с тех статей бюджета и направлений, которые не влекут каких-либо значительных последствий для региона и его социально-экономического положения. Поэтому в тех субъектах, где были созданы органы конституционной (уставной) юстиции РФ, первыми под упразднение попали именно конституционные (уставные) суды, что было обусловлено не только приведением региональных актов в соответствие с федеральными, но и поиском оптимизации бюджетных средств в субъектах РФ.

³ URL: <https://declarator.org/office/view-file/193637/> (дата обращения: 10.04.2023)

⁴ В Свердловской области на Уставной суд потратили 69 млн рублей. За год 5 судей приняли 2(!) решения. URL: <https://v-tagile.ru/novosti-nizhnego-tagila/vlast/v-sverdlovskoj-oblasti-na-ustavnoj-sud-potratali-69-mln-rublej-za-god-5-sudej-prinyali-2-resheniya> (дата обращения: 10.04.2023).

3. *Компетенция конституционных (уставных) судов субъектов РФ.* Статья 27 Закона № 1-ФКЗ определяла, что конституционные (уставные) суды вправе рассматривать вопросы, отнесенные к их компетенции, в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Особая природа компетенции региональной юстиции была отмечена в постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П⁵. В данном решении было особо подчеркнуто, что «Конституции и уставы субъектов Российской Федерации, в отличие от иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, находятся в особой связи с Конституцией Российской Федерации и не могут считаться разновидностью нормативных правовых актов, контроль за законностью которых производится в порядке гражданского или административного судопроизводства». Большинство конституционных (уставных) судов было наделено двумя видами компетенции в рамках осуществления судопроизводства: 1) толкование конституции (устава) субъекта РФ; 2) проверка соответствия региональных и муниципальных актов на предмет соответствия основному учредительному акту субъекта РФ. На начальном этапе развития региональной конституционной юстиции РФ эти компетенции были довольно востребованны и актуальны, однако со временем эта значимость была утрачена по некоторым обстоятельствам.

Во-первых, содержание текста конституций (уставов) субъектов РФ в значительной степени стали копировать положения Конституции РФ и федеральных актов. В качестве примера можно привести отдельные положения Устава Свердловской области. Так, статья 2 названного нормативного акта определяет, что «на территории Свердловской области гарантируются защита и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а статья 3 повторяет положения Конституции РФ, но с региональной спецификой: «Источником власти в Свердловской области является народ. Никто не может присваивать власть в Свердловской области. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»⁶.

Или пример другого субъекта РФ — Челябинской области, где статья 2 Устава Челябинской области содержит следующие положения: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В области признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной»⁷.

Подобное воспроизведение федеральных норм в текстах Основных законов субъектов РФ не способствовало ясности, точности в определении субъекта официального толкования конституций (уставов) субъектов РФ, поскольку очевидно, что подобные повторения норм федеральных нормативных актов не только не обеспечивают их самостоятельного правового значения в актах субъектов РФ, но и препятствуют определению конституционными (уставными) судами своей собственной компетенции [8, с. 39; 9, с. 67].

Во-вторых, Указом Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации», приказом Минюста РФ от 10 июня 2000 г. № 176 «О первоочередных мерах по активизации работы Министерства юстиции Российской Федерации по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации» и приказом Генпрокуратуры России от 2 октября 2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» существенным образом была усилена работа по обеспечению верховенства Конституции РФ и федеральных законов на территории субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Органы прокуратуры и юстиции самым активным образом стали участвовать в региональном и муниципальном нормотворческом процессе, повлекшем минимизацию фактов и предпосылок противоречия на уровне субъектов РФ и муниципальных образований актов нижестоящего уровня вышестоящим. В связи с этим стало резко сокращаться число обращений в органы конституционной (уставной) юстиции, поскольку исчез повод.

В-третьих, вступление в силу ст. 43 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», устанавливающей обязанность включения всех муниципальных нормативных правовых актов в регистр муниципальных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, привело к тому, что Министерство юстиции РФ и его территориальные органы на основе постановления Правительства РФ от 10 сентября 2008 г. № 657 «О ведении федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» и приказа Министерства юстиции РФ от 4 марта 2021 г. № 27 «Об организации

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного суда Республики Татарстан : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П.

⁶ URL: <https://docs.cntd.ru/document/895280236> (дата обращения: 10.04.2023).

⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/802065611> (дата обращения: 10.04.2023).

работы по ведению федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» тщательнейшим образом отслеживают качество муниципального правотворчества, своевременно принимая меры по исключению из правовой системы муниципальных правовых актов, противоречащих федеральным нормативным актам и актам субъектов РФ. В связи с этим муниципальные правовые акты, которые вызывали вопросы у правоприменителей, в большей степени стали предметом рассмотрения в судах общей и арбитражной юрисдикции в части их соответствия нормам федерального законодательства, а не учредительного акта субъекта РФ.

Указанные предпосылки существенно снизили объем приложения компетенции конституционных (уставных) судов субъектов РФ, установленной региональными актами. Так, в 2018 г. Конституционный Суд Республики Дагестан вынес всего два постановления и два определения, в 2019 г. — 7 определений и 3 постановления; в 2020 г. — 0 определений и 0 постановлений; в 2021 г. — 1 постановление; в 2022 г. — 5 определений и 4 постановления. Конституционный суд Республики Саха (Якутия) в 2018 г. вынес 5 постановлений и 8 определений; в 2019 г. — 3 постановления и 4 определения; в 2020 г. — 10 определений и 2 постановления; в 2021 г. — 1 постановление. Суд был упразднен 1 июля 2021 г.⁸. В Конституционном

Суде Чеченской Республики с момента его создания не было рассмотрено ни одного дела. Наиболее результативным можно назвать Уставный суд Калининградской области, который в 2019 г. вынес 10 постановлений и более 100 определений, в 2020 г. — 2 постановления (о количестве определений информация отсутствует). Суд был упразднен 1 апреля 2021 г.⁹

Это лишь некоторые аспекты объективно сложившейся на определенном историческом этапе ситуации, которая привела к почти единственно возможному решению относительно судьбы конституционных (уставных) судов в субъектах РФ — их упразднению. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ на прошедшем этапе исторического конституционно-правового развития нашего государства, безусловно, выполнили свою функцию, но к моменту конституционной трансформации 2020 г. они потеряли поддержку на самом высоком федеральном уровне в части своего дальнейшего существования в рамках судебной системы РФ. Кроме того, объективные историко-правовые предпосылки снижения значимости данных судов на уровне субъектов РФ не позволили региональным властям отстоять свое дальнейшее право на наличие конституционной (уставной) юстиции, с получением ограниченной компенсации от федеральных властей в дальнейшем создавать конституционные (уставные) советы, деятельность которых, как говорится, уже совсем другая история.

Список источников

1. Авдеев Д. А. Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки) // Государство и право. 2022. № 9.
2. Баранов П. П. Политико-правовые итоги конституционной реформы 2020 года в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. №3.
3. Бурмистров А. С. Конституционные (уставные) суды в системе разделения властей и основания отнесения их к контрольной власти // Российская юстиция. 2011. № 5.
4. Безруков А. В., Казанцев А. О. О необходимости создания конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и совершенствования их компетенции // Современное право. 2012. № 7.
5. Жамков М. В. Проблема конституционных (уставных) судов субъектов России // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14.
6. Кряжков В. А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // СКО. 2007. № 3(60).
7. Кистринова О. В. Региональные органы судебного конституционного контроля: опыт России и Германии // Российский судья. 2017. № 10.
8. Кожевников О. А. Подведомственность споров конституционным (уставным) судам субъектов РФ: проблемы правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7.
9. Савоськин А. В., Холодилова Е. А. К вопросу о компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Социум и власть. 2015. № 4(54).

⁸ Об упразднении Конституционного суда Республики Саха (Якутия) : Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2357-3 № 625-VI // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574747375> (дата обращения: 10.09.2023).

⁹ Об упразднении Уставного суда Калининградской области и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Калининградской области : Уставный закон Калининградской области от 1 декабря 2020 г. № 485 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571025285> (дата обращения: 10.09.2023).

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-343-347

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 1)

Николай Алексеевич Быданцев

кандидат юридических наук, судья¹,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института²,

✉ bydancevs@yandex.ru

¹ Кемеровский областной суд,

² Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Статья посвящена пониманию уголовно-процессуальной законности как правового феномена, эволюционирующего вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов, в связи с чем ее сущность и содержание не может рассматриваться как аксиома. На основе анализа действующего законодательства и доктринальных источников сделан вывод, что законность не сводится исключительно к констатируемому постулату о верховенстве закона (внутреннее непротиворечие одних нормативных правовых актов другим, в зависимости от их иерархии).

Автором обосновывается, что законность воплощается в реализации нормативных правовых положений субъектами правовых отношений, которым в зависимости от их правового статуса дано (надлежит) их соблюдать, исполнять, использовать или применять. Резюмируется, что законность в уголовном процессе — это цель-максима, искомое состояние, которое не может позиционироваться как аксиома. Особое внимание уделяется роли правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в регулировании уголовно-процессуальных отношений и обеспечении состояния законности в соответствующей сфере правоприменения. С учетом значимости обсуждаемых в статье вопросов, необходимости обращения к многочисленным решениям судебных органов, оказывающих непосредственное влияние на уголовно-процессуальное законодательство, исследование разделено на две части.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, законность, верховенство закона

Для цитирования: Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как анти-аксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 1) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 343–347.

Legality in Criminal Proceedings as the Anti-Axiom Evolving with Law and Legal Positions of the Highest Judicial bodies (Part 1)

Nikolay A. Bydantsev

Candidate of Science (in Law), Judge¹,

Associate-Professor at the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Law Institute²,

✉ bydancevs@yandex.ru

¹ Kemerovo Regional Court,

² Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

The article is devoted to comprehension of criminal procedural legality as a legal phenomenon evolving with the law and legal positions of the highest judicial bodies, in connection with which its essence and content cannot be considered as an axiom. Based on the analysis of the current legislation and doctrinal sources the author makes the conclusion that legality does not come solely to the stated postulate of the rule of law (the internal consistency of some normative legal acts with others, depending on their hierarchy).

The author substantiates that legality is embodied in the implementation of normative legal provisions by subjects of legal relations, who, depending on their legal status, are obliged to observe, execute, use or apply them. It is summarized that legality in criminal proceedings is a goal-maxim, a desired state that cannot be positioned as an axiom. Particular attention is paid to the role of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in regulating criminal procedural relations and ensuring the state of legality in the relevant field of law enforcement. The significance of the

issues discussed in the article and the need to refer to numerous decisions of judicial bodies that have a direct impact on criminal procedural legislation taken into account, the study is divided into two parts.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal procedure, legality, rule of law

Citation: Bydantsev N. A. Legality in Criminal Proceedings as the Anti-Axiom Evolving with Law and Legal Positions of the Highest Judicial bodies (Part 1). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No. 4(91). Pp. 343–347 (In Russ.).

Легальное определение принципа законности при производстве по уголовному делу¹ (далее — принцип законности) фактически сводится к указанию на обязанность суда, прокурора, органов предварительного расследования не применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ, не нарушать норм УПК РФ, принимать законные, обоснованные и мотивированные решения (определения, постановления). Кроме того суду также предписано, если им будет установлено несоответствие УПК РФ федерального закона или иного нормативного правового акта, принимать решения в соответствии с кодифицированным уголовно-процессуальным законом (ст. 7 УПК РФ).

Таким образом, принцип законности отождествляется с правильным применением нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, установлением среди них приоритета УПК РФ², требованием, чтобы процессуальные решения были законными, обоснованными и мотивированными [2, с. 25; 3, с. 72–77]. Относительно последнего требования законодатель допускает, по сути, логическую ошибку, пытаясь определить принцип законности посредством самого себя: «законность — это когда законно» [4, с. 88–89; 5, с. 37; 6, с. 6–7].

Обращаясь к пониманию исследуемого принципа, можно встретить позицию, согласно которой законность так и остается по своему содержанию идентичной легальному определению [7, с. 92–98]. Полагая такой подход ограниченным, разделяем мнение С. В. Романова, что «существующее легальное определение принципа законности как точного и неуклонного исполнения законов всеми субъектами права не дает полного представления о его содержании» [8, с. 266].

Указанный автор справедливо отмечает: «Выделение данного принципа позволяет решить во-

просы пределов усмотрения правоприменителя при производстве по уголовным делам, а также наличия у судебной власти правотворческих полномочий» [8, с. 266]. Делается вывод, что применительно к современным российским реалиям суть принципа законности помимо собственно обязанности соблюдать закон может быть сведена к запрету неконтролируемого усмотрения должностного лица в ходе правоприменения [9, с. 71]; отсутствию у судебной власти правотворческих полномочий» [8, с. 268].

С. В. Романов также указывает, что «к вопросу о пределах усмотрения суда примыкает и проблема определенности закона как составляющей права на справедливое судебное разбирательство и эффективное средство правовой защиты» [8, с. 269].

Думается, что и вышеприведенное понимание исследуемого принципа не в полной мере раскрывает его фактическое содержание.

Вместе с тем обращение С. В. Романова к истории вопроса представляет особый интерес: им, в частности, отмечается, что законность возникла как средство борьбы с революционной совестью и революционным правосознанием, восполнявшими правовой вакуум молодого Советского государства: со становлением же советского законодательства пришло время к его правильному, единообразному и неуклонному применению [8, с. 266–268].

В связи с этим характерно, что фундаментальные научные труды периода Российской империи [10, с. 29; 11, с. 55] не содержат упоминания о законности как о самостоятельном принципе уголовного процесса³.

Аналогичный подход, но уже с некоторыми изменениями, сохранялся и в первые годы советского периода нашей государственности. Так, М. С. Строгович отмечал: «Советский суд является органом, охраняющим новую социалистическую законность (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Н. Б.), но-

¹ На неудачность наименования данного принципа обращает внимание В. В. Николюк, отмечая, что этот принцип должен находить полное воплощение во всех правоотношениях, имеющих место при возбуждении, предварительном расследовании и разрешении уголовных дел, равно как и в ходе исполнения приговора [1, с. 455–456].

² См., напр.: *По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы*: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ При этом профессор Я. И. Баршев вообще не использует термин «принципы уголовного процесса». Он пишет о коренных началах уголовного судопроизводства, отмечая, что высшее и коренное начало уголовного судопроизводства должно состоять в правдивом осуществлении и приведении в действие уголовных законов. Такое понимание профессором коренного начала уголовного судопроизводства практически дословно воспроизведено в ст. 6 УПК РФ [12, с. 42–49].

вые социалистические порядки». Раскрывая существо правосудия, он делает вывод: «Осуществлять правосудие — это значит судить о применении права, закона. Решая эти вопросы, суд сам действует на основании права, закона, руководствуется законом, подчиняется закону... Как видно из изложенного, деятельность суда всегда связана с применением права, закона. Следовательно, *законность* является той почвой, которая питает правосудие. Правосудие без *законности* не есть действительное правосудие» [13, с. 17]. В последующем, в своем классическом труде «Курс советского уголовного процесса» М. С. Строгович назовет законность, наряду с демократизмом, основой правосудия и укажет, что она находит свое осуществление в принципах советского уголовного процесса, в их системе и в содержании каждого принципа, посвятив ей отдельный параграф [14, с. 16–20, 124].

Таким образом, профессор М. С. Строгович, говоря о законности, не причисляет ее к принципам уголовного процесса; законность в его понимании — суть правосудия, благо, к которому стремится уголовный процесс на основе своих принципов.

По прошествии двух десятилетий в учебнике ленинградской уголовно-процессуальной школы законность полноправно займет свое главенствующее место среди принципов уголовного процесса и будет определяться как точное и безусловное исполнение (соблюдение) и применение советских законов и основанных на них нормативных актов всеми организациями, должностными лицами и гражданами. А приоритет данного принципа над остальными подчеркнут тем, что он требует соблюдения всех других принципов уголовного процесса как норм наиболее общего характера [15, с. 3–6, 55–58].

В настоящее время, несмотря на имеющиеся дискуссии (в том числе относительно содержания данного принципа), законность прочно вошла в систему принципов уголовного судопроизводства. Однако долгие годы признания законности в качестве принципа уголовного процесса, фактически единообразное (пожалуй, за редким исключением⁴) ее понимание, привели к тому, что этот принцип, став хрестоматийным, по сути, перестал быть интересен для исследования⁵.

Вместе с тем представляется, что понимания и осознания законности как принципа уголовного процесса еще не произошло. Традиционное же его определение и рассмотрение подтверждает, что проще и правильнее ограничиться известным объемом догм, чем искать суть.

Полагая интересным проникнуть в суть, думаем, что необходимо обратиться к истокам явления, чтобы, постепенно погружаясь, понять само его существо.

Так, Е. В. Тимошина, анализируя взгляды профессора Л. И. Петражицкого, указывает, что он рассматривал принцип законности в качестве основного принципа «всякого культурного, правового государства» и действительной гарантии индивидуальных прав; жертвуя принципом законности в угоду прагматическим — не юридическим — соображениям, юриспруденция, по выражению ученого, «продает свое первородство за чечевичную похлебку» [19, с. 58, 60].

С. С. Алексеевым законность определяется как «требование строжайшего, неукоснительного *соблюдения и исполнения* (курсив наш. — Н. Б.) всех юридических норм, всех правовых предписаний всеми субъектами, т. е. гражданами, их объединениями, должностными лицами, государственными органами» [20, с. 61]. Таким образом, законность тесно связана с реализацией права, которая предстает в формах использования, соблюдения, исполнения и применения [20, с. 122].

В свою очередь В. В. Лазарев и Н. Л. Гранат указывают, что «законность — это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и основанных на них подзаконных нормативных актах, всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, должностными лицами, общественными организациями, гражданами)» [21, с. 37].

В последующем В. В. Лазарев высказывает мнение, что «законность — это совокупность многообразных, но одноплановых требований, связанных с отношением к законам и к проведению их в жизнь. Главные из них следующие. Во-первых, требование точного и неуклонного соблюдения законов теми, кому они адресованы. Во-вторых, требование соблю-

⁴ Так, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, рассматривая принцип законности как принцип состязательного уголовного процесса, несколько раз именуют его как «режим законности» и раскрывают его содержание не только как общеобязательность и верховенство закона, но и как создание условий для справедливого состязания сторон, справедливой судебной процедуры; полагая равенство сторон и независимость суда в совокупности «несущей конструкцией» состязательного процесса, ядром его принципа законности [16, с. 51–53]. А. М. Баранов позиционирует законность как политико-правовой режим государства, объективным основанием которого выступает совокупность средств принуждения и убеждения, обеспечивающих необходимое отношение (правосознание) общества и личности к действующему законодательству, уважение к праву, выраженному в законах, верховенство закона, соблюдение всеми субъектами права, его понимание и толкование на основе складывающихся общественных отношений в конкретный период развития государства [17, с. 9].

⁵ Подробнее о превратностях развития научного интереса к проблематике принципов уголовного процесса писал Л. В. Головкин [18].

дать иерархию законов и иных нормативных актов. В-третьих, непререкаемость закона, т. е. требование того, чтобы никто не мог отменить закон, кроме органа, который его издал» [21, с. 464]. Указанным автором также отмечается, что «законы — основа законности», «законность означает совокупность требований, за отступление от которых наступает юридическая ответственность. По тому, какова она (строгая, формальная и т. п.), можно судить о состоянии режима законности», «законность требует исполнения законов» [22, с. 463–465].

В контексте обсуждаемых вопросов представляется интерес позиция Т. Н. Радько, согласно которой «законность есть режим обеспечения жизни, который характеризуется верховенством в ней закона, безусловным исполнением его требований гражданами и должностными лицами, наличием специальных механизмов, гарантирующих безопасность и защиту личности от произвола, беспрепятственное осуществление гражданских прав и свобод» [23, с. 345].

Таким образом, можно резюмировать, что законность не сводится исключительно к констатируемому постулату о верховенстве закона (внутреннем непротиворечии одних нормативных правовых актов другим, в зависимости от их иерархии)⁶. Она, кроме того и прежде всего, воплощается в реализации нормативных правовых положений субъектами правовых отношений, которым, в зависимости от их правового статуса, дано (надлежит) их соблюдать, исполнять, использовать или применять. Законность предстает результатом реализации права: правособлюдения, правоисполнения, правоиспользования и правоприменения. Однако содержание законности не ограничивается и этим. Немаловажно также уточнение, что при реализации права субъекты правовых отношений не должны как-либо злоупотреблять предоставленными им полномочиями. При этом хотя злоупотребление правом и не является правонарушением, оно дестабилизирует правовое регулирование и порождает негативное отношение

как к конкретному субъекту реализации права, так и ко всей правовой системе в целом. Как следствие — обращение к решению возникшего казуса неправовым способом (иллюстрацией чего может служить поговорка «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», ставшая уже традиционным способом выражения неверия в закон).

В свою очередь понятие «верховенство закона» само по себе также требует пояснений⁷. Во-первых, оно предполагает, что все возникающие в правовой сфере вопросы должны разрешаться исключительно на основе права и правовыми же методами, т. е. должна быть сформирована необходимая нормативная правовая база. Во-вторых, внутри права должно быть достигнуто единство, внутреннее непротиворечие одних нормативных правовых актов другим, в соответствии с их иерархией. В-третьих, право должно быть прогностичным. Должны быть обеспечены достаточность и оптимальность нормативного правового регулирования, его беспробельность и бесколлизийность. Однако, как показывает жизнь, данное положение редко достижимо. В связи с чем выработан механизм, позволяющий устранить те или иные недостатки правового регулирования, восполнить его лакуны (и здесь как раз и должна проявиться прогностичность права), не дожидаясь вмешательства нормотворческих органов. Этот механизм называется «толкование права»⁸. Самым распространенным является толкование права Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ⁹.

В заключение отметим, что законность в уголовном процессе возможна только тогда, когда одновременно достигнуто наличие достаточной (оптимальной), беспробельной, бесколлизийной нормативной правовой базы (обладающей свойством динамизма), позволяющей эффективно регулировать уголовно-процессуальные отношения. Таким образом, представляется, что в настоящее время законность в уголовном процессе — это не столько его принцип, сколько цель-максима, искомое состояние.

⁶ Необходимо привести позицию В. И. Анишиной, которая фактически отождествляет принцип законности и принцип верховенства закона, отмечая, что «принцип верховенства закона (или принцип законности) получают особую значимость в свете принципов организации и деятельности российского суда как ветви государственной власти». Далее она отмечает: «Принцип законности раскрывает природу, сущность норм права как обязательных правил поведения, он вытекает из конституционного положения ст. 15 Конституции РФ о том, что все государственные органы, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы» [24, с. 241–242].

⁷ Т. Н. Радько верховенство закона относит к числу принципов законности, а наряду с ним и единство законности, принцип всеобщности законности, гарантированность прав и свобод личности, принцип неотвратимости юридической ответственности за нарушение законности, принцип целесообразности, взаимосвязь законности и культурности. Под самими же принципами законности он понимает основополагающие начала, руководящие идеи, требования, определяющие суть и значение законности [23, с. 352–355].

⁸ В рамках настоящего исследования не ставятся цели подробного рассмотрения понятия толкования права, его субъектов, видов, объема и т. п.

⁹ О судебном толковании как наиболее распространенном виде толкования упоминал еще в начале XX в. В. И. Лебедев, указывая, что было время, когда таковое по своему значению стояло наряду с законом и даже выше его (Средние века). Он отмечает: «В наши дни значение этого вида толкования ограничено — отдельные случаи его служат разъяснениями и примерами (прецедент) применения закона к жизни» [25, с. 39].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Николюк В. В.* Развитие отечественной доктрины о принципах уголовного процесса в период действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики: избранные статьи : в 2 ч. М., 2021. Ч. II.
2. *Божьев В. П.* Определение сферы действия норм УПК // Законность. 2005. № 1.
3. *Ильютченко Н. В.* Иерархия источников уголовного процесса через призму принципа законности // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. 5–6 апреля 2016 г. М., 2016.
4. *Челпанов Г. И.* Учебник логики. М., 2022.
5. *Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф.* Логика. М., 1954.
6. *Строгович М. С.* Логика : учебное пособие. М., 2010.
7. *Костенко Р. В.* Один из важнейших компонентов принципа законности при производстве по уголовному делу // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам : мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. (5–6 апреля 2016 г.). М., 2016.
8. *Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки.* М., 2017.
9. *Мартышкин В. Н.* Пределы судебного усмотрения и механизмы его ограничения в уголовном судопроизводстве // Право на судебную защиту в уголовном процессе: европейские стандарты и российская практика : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2007.
10. *Баршев Я. И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001.
11. *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 2016.
12. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Ч. I: Судостроительство / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008.
13. *Строгович М. С.* Учебник уголовного процесса. М., 1938.
14. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Том I. М., 1968.
15. *Советский уголовный процесс / под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича.* Л., 1989.
16. *Уголовный процесс : учеб. пособие / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский.* М., 2022.
17. *Баранов А. М.* Законность в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Омск, 2006.
18. *Головки Л. В.* Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // Закон. 2020. № 6.
19. *Тимошина Е. В.* Толкование права и социальная миссия юриспруденции: взгляд Л. И. Петражицкого // Российская юстиция. 2022. № 12.
20. *Алексеев С. С.* Государство и право : учеб. пособие. М., 2022.
21. *Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева.* М, 1996.
22. *Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца.* М., 2022.
23. *Радько Т. Н.* Теория государства и права : учебник для бакалавров. М., 2019.
24. *Правосудие в современном мире : монография / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой.* М., 2013.
25. *Лебедев В. И.* Общая теория права. СПб., 1903.

УДК 343.1 (075)

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-348-353

5.1.4 Уголовно-правовые науки

Актуальность доктринальной и юридико-технической проблемы нормативного регулирования деятельности прокурора и органов расследования по возвращенному судом уголовному делу

Татьяна Владимировна Куряхова

старший преподаватель кафедры уголовного процесса¹,

✉ kuryahova@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Рассматриваются предмет деятельности и компетенция прокурора и органов расследования по уголовному делу, возвращенному судом для устранения нарушений закона, препятствующих его разрешению по существу. Констатируется наличие значительного пробела в регулировании расследования по возвращенному судом делу, predetermined, с одной стороны, существенным увеличением по сравнению с первоначальным положением оснований для возвращения уголовного дела прокурору, в том числе предполагающих производство следственных действий, с другой — идеологической невозможностью признания данной деятельности дополнительным расследованием, осуществляемым в общем порядке. Делается вывод, что производство по возвращенному судом уголовному делу является специфическим (особым) досудебным производством, предмет, цель и отчасти порядок которого predetermined содержанием судебного решения.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование, прокурор, органы расследования, особое производство

Для цитирования: Куряхова Т. В. Актуальность доктринальной и юридико-технической проблемы нормативного регулирования деятельности прокурора и органов расследования по возвращенному судом уголовному делу // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 348–353.

Relevance of Doctrinal and Juridical Technical Problem of Normative Regulation of the Activities performed by the Prosecutor and Investigative bodies concerning the Criminal Case Returned by the Court

Tatyana V. Kuryakhova

Senior Lecturer at the Chair of Criminal Procedure¹,

✉ kuryahova@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under consideration are the subject of activity and competence of the prosecutor and investigative bodies in a criminal case returned by the court to eliminate violations of law that hinder its resolution substantively. It is stated that there is a significant gap in the regulation of the investigation of a case returned by the court, predetermined, on the one hand, by a substantial increase, compared to the original provision, in the grounds for returning a criminal case to the prosecutor, including those involving investigative actions, and, on the other hand, by the ideological impossibility of recognizing this activity as an additional investigation carried out in a general manner. It is concluded that the proceedings on a criminal case returned by the court are peculiar (special) pre-trial proceedings, the subject, purpose and, partially, the order of which are predetermined by the content of the court decision.

Keywords: return of the criminal case to the prosecutor, additional investigation, prosecutor, investigative bodies, special proceedings

Citation: Kuryakhova T. V. Relevance of Doctrinal and Juridical Technical Problem of Normative Regulation of the Activities performed by the Prosecutor and Investigative bodies concerning the Criminal Case Returned by the Court. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 348–353 (In Russ.).

Институт возвращения судом уголовного дела прокурору продолжает оставаться самым проблематичным в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. В большей степени это относится

к исполнению решения суда, т. е. деятельности прокурора и органов расследования по устранению выявленных препятствий для проведения судебного разбирательства, которая абсолютно не описана в законе.

Сложившееся положение объясняется на общем уровне концептуальной несовместимостью отдельных принципиальных положений уголовного судопроизводства, провозглашающих состязательный тип уголовного процесса, и его реальной инфраструктуры, отражающей смешанную модель. О данной «концептуальной вилке развития» очень точно сказал Л. В. Головкин: «Любые попытки „починки“ деформированных уголовно-процессуальных механизмов немедленно сталкиваются с концептуальным несоответствием объявленным уголовно-принципиальным принципам. Характерный пример: позитивное постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г., исправляющее очень важную деформацию института возвращения уголовного дела судом прокурору, оказалось сложно реализовать на законодательном уровне именно в силу его „несоответствия“ заложенной в УПК идеологии» [1, с. 76]. Добавим к этому, что, по нашему мнению, остается без надлежащего нормативного регулирования механизм исполнения решений суда о возвращении уголовного дела прокурору по всем предусмотренным законом основаниям, а не только в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении.

Возникновение проблемной ситуации, связанной с неурегулированностью компетенции прокурора и органов расследования по уголовному делу, возвращенному из судебного производства. Как известно, институт возвращения судом уголовного дела прокурору является, по замыслу разработчиков УПК РФ, антиподом возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования. Возможность дополнительного расследования, т. е. свободного от каких-либо ограничений повторного уголовного преследования по событию и лицам, которые уже попали в поле зрения судебной власти, расценили как несовместимую с новыми ролью и назначением суда в состязательном процессе. Прозвучало, что суд не должен давать стороне обвинения второго шанса на восполнение доказательственной базы и уточнения выводов [2, с. 99–100; 3, с. 35].

В русле такой установки ст. 237 УПК РФ «Возвращение уголовного дела прокурору» в первоначальной редакции представляла собой сжатую возможность вернуть дело в досудебное производство

при наличии сугубо формальных нарушений, устранение которых не требовало привлечения органов расследования, по крайней мере, в законе об этом речь не шла. Судя по названиям предшествующего и нового институтов (возвращение дела для дополнительного расследования и возвращение дела прокурору), уголовное дело, по замыслу разработчиков нового законодательства, возвращается в досудебное производство не далее этапа, на котором реализуется компетенция прокурора. С такой установкой соотносились и основания судебного решения: они все были связаны с итоговым документом досудебного производства, технически и юридически возникающим после завершения расследования. Прежние отношения между судом, прокурором, органом расследования в рамках возвратного движения уголовного дела (когда дополнительное расследование осуществлялось в общем порядке) оказались аннулированными, а новые не заложены. Возник пробел во взаимоотношениях данных должностных лиц, который становился более объемным по мере качественного изменения и количественного роста оснований возвращения уголовного дела прокурору.

Действительно, в рамках матрицы «от суда — к прокурору» под влиянием Конституционного Суда РФ стали появляться новые основания возвращения уголовного дела, а значит, возникла потребность вернуть дело для устранения тех нарушений закона, которые не могли быть устранены без передачи дела следователю (дознавателю). Законодатель упорствовал в своем запрете на передачу уголовного дела от прокурора в орган расследования, что выразилось в дополняющих закон нормах, исключающих использование результатов следственных действий, если те оказывались на этом этапе фактически произведенными, а также объявляющих ничтожными процессуальные действия, проведенные по истечении пяти суток — законодательно закрепленного срока нахождения уголовного дела у прокурора¹. Вскоре и эти ограничения как неконституционные были сняты: путь к движению уголовного дела из суда к органу расследования оказался открытым². Количество возвращенных прокурору уголовных дел выросло до показателей института судебного доследования³. Самым распространенным основа-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ.

³ В 1997–1998 гг. судами общей юрисдикции для дополнительного расследования было возвращено от 34,2 тыс. до 42,8 тыс. уголовных дел [4, с. 22]. В 2003 г. в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено 30 368 уголовных дел, в 2004 г. — 41 452, в 2005 г. — 39 885 уголовных дел. (Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 20.08.2023).

нием возвращения дел стал п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, который после истолкования Конституционным Судом РФ охватил существенные нарушения закона, устранимые путем производства следственных действий⁴.

Восстановились ли прежние отношения между прокурором и органами расследования, а также их компетенция, которая ранее обеспечивала реализацию функции дополнительного расследования, а в настоящее время необходима для устранения выявленных судом нарушений? Анализируя возросший перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору, многие исследователи (как противники, так и сторонники возрождения института дополнительного расследования) ответили утвердительно [4, с. 32; 5, с. 82–88; 6, с. 124–125; 7, с. 28–35]. Однако они игнорируют позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой возвращение уголовного дела прокурору — это особый порядок движения уголовного дела, не тождественный возвращению его для производства дополнительного расследования. Высокый суд настаивает на том, что институт возвращения уголовного дела не восстановлен⁵.

Пробел правового регулирования порядка производства по возвращенному из суда уголовному делу, казавшийся малым ввиду небольшого объема решений о возвращении дела, стал весьма значительным. Дела стали возвращаться в связи с потребностью устранения существенных нарушений закона, учета выявленных судом обстоятельств, обосновывающих применение закона о более тяжком преступлении, но внятных правил работы по ним, включая такие аспекты, как предмет и пределы уточняющего доказывания, нет. Альтернатива здесь может быть такой: либо полная свобода в рамках концепции дополнительного расследования, либо ограничения в компетенции и круге устанавливаемых обстоятельств. Но каковы параметры ограничений и кто и где их устанавливает?

Существо решения суда о возвращении уголовного дела прокурору. В поисках ответа обратим внимание на существо и содержание решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, имея в виду рабочую гипотезу, согласно которой предмет досудебного производства после возвращения уголовного дела прокурору и пределы полномочий должностных лиц предопределяются (устанавлива-

ются) судом с учетом конкретной ситуации. Иными словами, проверим правильность суждения, что постановление суда о возвращении дела прокурору как правоприменительный акт определяет конкретную программу деятельности органов расследования, которая индивидуальна применительно к конкретному уголовному делу.

Постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору относится к промежуточным судебным решениям (пп. 53¹-53³ ст. 5 УПК РФ), что сомнений у специалистов не вызывает [8, с. 5; 9, с. 47; 10, с. 75]. Как и все промежуточные решения, данное постановление направлено на обеспечение законности и обоснованности итогового решения.

Постановление имеет традиционную структуру: вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части. Как и многие другие промежуточные решения, законодатель подробно не расписывает содержание постановления, полагаясь на достаточность общих требований, что разумно. Известно, что описательно-мотивировочная часть постановления должна содержать изложение обстоятельств и доводы в пользу принимаемого решения, т. е. предопределяется резолютивной частью. Естественно, что, возвращая уголовное дело в связи с выявленным существенным нарушением закона, суд указывает, в чем оно состоит, и предписывает устранить. Достаточно просто, поскольку они конкретны и не связаны с оценкой содеянного, описываются в документе препятствия к рассмотрению дела в виде невручения копии обвинительного заключения, неполного ознакомления с материалами уголовного дела, наличия оснований для соединения уголовных дел и некоторые другие. Предписание суда определяет содержание деятельности по устранению препятствия. При устранении нарушения могут быть произведены любые действия и приняты любые решения, однако строго нацеленные на устранение обозначенного судом препятствия к рассмотрению уголовного дела. Здесь проявляется отличие от дополнительного расследования, состоящее не в том, что не могут быть произведены следственные действия, а в том, что задано их назначение. Орган расследования под надзором прокурора устраняет обозначенное препятствие, и не более того. В рамках исполнения такого задания (устранение конкретного нарушения процеду-

⁴ Применение данного нормативного предписания выросло с 22,8 тыс. случаев в 2003 г. до 38,9 тыс. в 2004 г. [4, с. 32].

⁵ См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П ; По делу о проверке конституционности положений частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С. В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 23-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гренко А. И., Дмитриева Н. В. и Левкина А. С. на нарушение их конституционных прав частями 2 и 3 статьи 109 и частью 3 статьи 237 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ 4 октября 2012 г. № 1852-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Белькова О. В. на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 237 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2001-О.*

ры) могут появиться новые сведения, которые допустимо использовать в доказывании, однако при условии, что их получение не было прямой целью⁶. Переквалификация содеянного, вменение дополнительных преступных действий и последствий не допускаются.

Сложнее определиться с содержанием предписания суда в тех случаях, когда препятствие для рассмотрения уголовного дела заключается в неправильной уголовно-правовой оценке содеянного, точнее, в необоснованном применении закона о менее тяжком преступлении. В постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П⁷, по нашему мнению, обозначены две ситуации, когда суд вправе вернуть уголовное дело не для дополнительного расследования, а для применения закона о более тяжком преступлении. Первая ситуация: в итоговом документе расследования очевидно неправильно применен уголовный закон, например, фактические обстоятельства содеянного описаны как разбой, но квалифицированы как грабеж. Вторая ситуация: суд в судебном заседании непосредственно установил обстоятельства, требующие применения закона о более строгой ответственности.

В данных ситуациях (к сожалению, не очень последовательно реализованных в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) проблемной точкой становится мотивировка возвращения уголовного дела прокурору, поскольку при некорректном описании выявленных обстоятельств сохраняется опасность предрешиения вопроса о виновности подсудимого. Желая предотвратить такие последствия, законодатель посвятил содержанию постановления суда о возвращении уголовного дела по данному основанию самостоятельную часть 1³ ст. 237 УПК РФ.

В законе регламентировано, что суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием переквалификации содеянного на норму о более тяжком преступлении. С этим мы полностью согласны, поскольку органы расследования должны понимать, что имеет в виду суд. Однако далее законодатель сформулировал два запрета по поводу сведений, указываемых в постановлении: во-первых, «указывать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации», во-вторых, «делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого». Последний тезис является аксиомой: суд не должен предрешать свои выводы. Но полагаем,

что суд вправе и обязан обозначить признаки состава преступления, которые вытекают из фактических обстоятельств, описанных органами расследования или исследованных в судебном заседании. Конечно, сделать это нужно не в утвердительной форме. С задачей удостовериться в правильной квалификации преступления судьи сталкиваются при избрании меры пресечения и научились оценивать содеянное без выхода за пределы компетенции на этом этапе судопроизводства.

В литературе справедливо отмечено, что судебное решение для выполнения своей регулятивно-правовой роли должно содержать два обязательных компонента: констатирующий и властно-распорядительный. Без первого компонента решение суда представляет собой произвольное веление, не подкрепленное силой права и убедительностью факта [11, с. 438–439].

Отказ от традиционной формы (словесной или буквенно-цифровой) отражения квалификации ставит прокурора и органы расследования перед необходимостью самостоятельно определиться с ней. Но ведь это признаки дополнительного расследования, которое возникает, как только органы расследования начинают свободно устанавливать круг исследуемых обстоятельств и давать им оценку. Поэтому запрет указывать в постановлении суда статью Кодекса — это поверхностное реагирование на ситуацию, без попытки выстроить механизм устранения нарушения закона.

В условиях «концептуальной вилки развития» (когда и так плохо, и по-другому нельзя) законодатель должен руководствоваться конституционно значимыми целями института возвращения уголовного дела прокурору, сложившегося в ходе эволюции, а не частным вопросом, например, как бы суд ни высказался категорично об оценке деяния, который может быть снят разъяснениями. Ситуация непростая, но надо выбирать приоритет, которым, по нашему мнению, выступает упорядочение иницируемой судом новой досудебной деятельности. Две обозначенные безусловные ценности — судебская корректность и программа деятельности органов расследования — все-таки несоизмеримы. Сколько бы Конституционный Суд РФ ни говорил об отличии развиваемого им института возвращения уголовного дела прокурору от института дополнительного расследования, без программирования повторной расследовательской деятельности грань между ними стирается. В усло-

⁶ Например, уголовное дело возвращено прокурору в целях повторения процедуры предъявления обвинения в присутствии защитника. Отказывающийся от дачи показаний обвиняемый при повторном предъявлении обвинения может дать подробные пояснения о своем участии в преступлении.

⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

виях, когда такое программирование затруднено или даже невозможно на законодательном уровне, оно должно предопределяться содержанием судебного решения.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о предопределенности характера и пределов деятельности прокурора и органов расследования по возвращенному судом уголовному делу содержанием постановления суда, к сожалению, не может быть подкреплена предписаниями закона, однако на доктринальном уровне остается, на наш взгляд, единственно правильной.

Игнорирование регулирующей роли постановления суда приводит либо к размыванию института возвращения уголовного дела прокурору, либо к формальным нарушениям, аннулирующим результаты длительного судебного производства. Так, кассационная инстанция отменила приговор и последующие судебные решения на том основании, что по делу, первый раз возвращенному судом прокурору ввиду существенного нарушения закона, органом преследования изменена квалификация с п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ на ч. 4 данной статьи, и дополнительно предъявлено обвинение по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Кассационная инстанция справедливо мотивировала свое решение тем, что уголовное дело возвращалось не по п. 6, а по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и органы расследования не имели права изменить квалификацию содеянного⁸.

Деятельность прокурора и органов расследования по уголовному делу, возвращенному судом в порядке и по основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ, как особое производство в рамках досудебного производства. Определяющая роль судебного решения о возвращении уголовного дела прокурору в очерчивании пределов компетенции органов расследования рельефно высвечивается через анализ сущности досудебной деятельности по возвращенному делу. Специфика ее столь велика, что, на наш взгляд, позволяет говорить об особом производстве в рамках стадии предварительного расследования.

Основным отличием выступает цель деятельности. Базовое предварительное расследование, равно как и дополнительное расследование в рамках ранее существовавшего института, направлено на всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела и привлечение всех причастных лиц к уголовной ответственности. Несмотря на возможные предписания суда, касающиеся недостатков расследования, общие обязательные параметры деятельности не были заданы. Дополнительное расследование могло быть полностью автономным от взгляда суда на материалы дела. Современная же до-

полнительная деятельность после поступления уголовного дела из суда ведется исключительно в целях устранения возникших препятствий для проведения судебного разбирательства и принятия итогового решения.

Получив уголовное дело, прокурор не восстанавливает всю полноту распоряжения обвинением. В рамках концепции института возвращения уголовного дела прокурору он приобретает обязанность обеспечить реализацию воли суда путем личных действий или привлечения следователей, дознавателей. Прокурор, по логике, должен иметь право, вне зависимости от вида органа расследования, давать обязательные указания по исполнению предписаний суда. Отношения между ним и следователем (дознавателем) изменяются до такой степени, что не рассматриваются сквозь призму процессуальной самостоятельности органов расследования, поскольку свободного поиска истины здесь нет.

Коль скоро новое производство приобретает черты прокурорского расследования (именно прокурор выступает адресатом суда), целесообразно прокурору предоставить право продления установленного срока исполнения постановления суда.

Осознание другой сущности рассматриваемого досудебного производства позволяет решительнее модифицировать его применительно к целям сопровождения судебной деятельности после состоявшегося возвращения уголовного дела прокурору. Так, вполне уместна корректировка этапа окончания расследования и передачи уголовного дела в суд, который в настоящее время нормативно тот же, что и при первичном направлении уголовного дела в суд.

Изложенное можно подытожить следующими положениями.

1. Нормативное развитие оснований возвращения судом уголовного дела прокурору не сопровождается уточнением и конкретизацией деятельности прокурора и органов расследования по устранению выявленных нарушений закона, которые нередко действуют в режиме дополнительного расследования, что искажает существо института, основанного на ст. 237 УПК РФ.

2. Постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору представляет собой классическое промежуточное решение, специфика которого в том, что конечная цель (обеспечение законности и обоснованности итогового решения) опосредуется привлечением органов преследования к устранению препятствий к разрешению дела. Поскольку возвращение уголовного дела прокурору предполагает продолжение судебного производства, постановление суда должно исполняться в строгом соответствии

⁸ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2023 г. № 77-487/2023. URL: <https://8kas.sudrf.ru> (дата обращения: 20.08.2023).

с его содержанием, без права свободного собирания доказательств и распоряжения обвинением.

3. Деятельность прокурора и органов расследования по устранению выявленных судом и предписанных к устранению нарушений закона, препят-

ствующих рассмотрению и разрешению дела по существу, в силу особенностей, касающихся заданного судом ограниченного предмета деятельности, представляет собой особое производство в рамках стадии предварительного расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головкин Л. В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1.
2. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России : в 2 ч. М., 2005. Ч. 2
3. Шейфер С. А. Уголовный процесс как наука. Роль науки в развитии уголовно-процессуального права // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. М., 2012.
4. Гаврилов Д. Б. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования и устранения препятствий его рассмотрения судом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
5. Александров А. С., Лапатников М. В. Восстановление института уголовного дела прокурору // Уголовное право. 2013. № 6.
6. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : монография. М., 2017.
7. Колоколов Н. А. Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11.
8. Азаров В. А., Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : монография. М., 2013.
9. Константинова В. А. Понятие и классификация промежуточных решений суда первой инстанции в уголовном процессе : учеб. пособие. Омск, 2017.
10. Червоткин А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2021.
11. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография. М., 2021.

УДК 342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-354-357

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Функции и задачи МВД России: соотношение и проблемы конкретизации

Виктор Федорович Луговик

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел¹, ведущий научный сотрудник², ✉ vlug@yandex.ru

Вадим Игоревич Сургутсков

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел¹, ✉ surgutskov55@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

² ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия)

Основной целью исследования является разработка на основе критического анализа нормативных правовых актов, специализированной юридической литературы предложений, направленных на уточнение функций и задач Министерства внутренних дел Российской Федерации. Значительный круг полицейских полномочий МВД России позволяет называть его основным, но не единственным субъектом, на которого должны быть возложены функции по выработке и реализации государственной политики, функции по нормативному правовому регулированию, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере внутренних дел. Выявлен существенный правовой пробел в перечне закрепленных в статье 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» основных направлений ее деятельности.

Ключевые слова: функции, задачи, сфера внутренних дел, полицейская деятельность, МВД России, полицейские органы, органы внутренних дел, полиция

Для цитирования: Луговик В. Ф., Сургутсков В. И. Функции и задачи МВД России: соотношение и проблемы конкретизации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 354–357.

Functions and Tasks of the Russian Ministry of Internal Affairs: Correlation and Problems of Concretization

Viktor F. Lugovik

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the Chair of Operational Crime Detection in Law Enforcement Agencies¹, leading researcher², ✉ vlug@yandex.ru

Vadim I. Surgutskov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Deputy-Chief of the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs' bodies¹, ✉ surgutskov55@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

² the Scientific Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Moscow, Russia)

The main goal of the study is to develop, based on a critical analysis of normative legal acts and specialized legal literature, proposals aimed at clarifying the functions and tasks of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. A significant range of police powers of the Russian Ministry of Internal Affairs makes it possible to call it the main, but not the only entity that should be entrusted with the functions of developing and implementing state policy, functions of normative legal regulation, law enforcement functions and functions of control and supervision in the field of internal affairs. A significant legal gap has been identified in the list of main areas of police activities enshrined in Article 2 of the Federal Law dated February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police".

Keywords: functions, tasks, sphere of internal affairs, police activity, Russian Ministry of Internal Affairs, police agencies, Internal Affairs' bodies, police

Citation: Lugovik V. F., Surgutskov V. I. Functions and Tasks of the Russian Ministry of Internal Affairs: Correlation and Problems of Concretization. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 354–357 (In Russ.).

Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 утверждено Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту — Положение), нормы которого определяют административно-правовой статус МВД России. В настоящее время функционал МВД России состоит в выработке и реализации государственной политики и нормативного правового регулирования в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции. На министерство возложены также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел.

Самое примечательное в приведенном положении — это распространение монополии МВД России на всю сферу внутренних дел. Заслуживает внимания то, что термин «внутренние дела» до настоящего времени нормативно не определен. Согласно традиционной точке зрения к ним относится «совокупность учреждений и организованной деятельности их сотрудников, на которых возложена обязанность применять основанное на праве принуждение» [1, с. 8]. Между тем такое понимание, утвердившееся в специализированной юридической литературе еще в советский период, не вносит ясности в представление о содержании сферы внутренних дел, оно способно лишь направить исследователя к поиску органов, чья деятельность связана с возможностью применять меры принуждения. Бесперспективность их отбора в нынешних реалиях обусловлена неодинаковой степенью наделяния полномочиями применять меры принуждения, отнесением указанных органов к разным ветвям публичной власти. Более развернутую дефиницию в 90-е гг. прошлого столетия привел профессор Ю. П. Соловей. Он полагает, что внутренние дела охватывают «мероприятия по защите всех и каждого от угроз, создаваемых преступными и иными противоправными посягательствами, и распространяются на сферы обеспечения личной, физической, имущественной безопасности граждан, общественной, противопожарной, дорожной, отчасти государственной и экологической, а также некоторых иных видов безопасности личности, общества и государства» [2, с. 15]. Сфера внутренних дел — это прежде всего сфера, в пределах которой осуществляется полицейская деятельность, которая представляет собой «сложную совокупность действий компетентных должностных лиц соответствующих государственных органов. Она реализуется посредством административного надзора, административно-юрисдикционных отношений, дознания, оперативно-розыскных, разведывательных и контрразведывательных полномочий» [3, с. 3–4].

Обращение к статусным федеральным законам, указам Президента РФ и постановлениям Прави-

тельства РФ, утвердившим Положения о федеральных органах исполнительной власти, позволило исследователям [4, с. 42–49] сделать обоснованный вывод о том, что и другие органы, и их структурные подразделения, например, ФСБ России, ФССП России, ФСИН России, ГФС России, ФСО России, ФТС России, Минобороны России, в том числе военная полиция, федеральная противопожарная служба Государственной противопожарной службы МЧС России, непосредственным образом вовлечены в сферу внутренних дел. Относительно недавно этот перечень пополнился Федеральной службой войск национальной гвардии РФ, Главным управлением специальных программ Президента Российской Федерации. Военнослужащие последнего, имеющего статус федерального агентства, но в то же время находящегося «под крылом» Президента РФ, обеспечивают безопасность специальных объектов и объектов их инфраструктуры.

В соответствии с реалиями сегодняшнего дня сфера внутренних дел является преимущественно и главным образом областью, связанной с защитой прав и свобод человека и гражданина от противоправных посягательств, охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности федеральными органами (их структурными подразделениями), входящими в исполнительную ветвь государственной власти, чьи должностные лица наделены правом применять меры полицейского принуждения для решения возложенных на эти органы задач.

Неясным остается вопрос о том, для чего из сферы внутренних дел выведены контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также миграцией, которые рассматриваются в качестве самостоятельных сфер. Полагаем, что указанные области традиционно охватываются сферой внутренних дел, являются их элементом. Область безопасности дорожного движения имеет также весьма широкие границы, а ее обеспечение состоит в предоставлении государственных услуг, осуществлении контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности. Однако данные направления правоприменительной деятельности не образуют вне сферы внутренних дел самостоятельную функцию МВД России в области безопасности дорожного движения.

Реформирование системы полицейских органов России в 2016 г. привело к освобождению полиции от трех основных направлений ее деятельности: контроля за соблюдением законодательства РФ в области оборота оружия, частной детективной (сыскной) и охранной деятельности, охраны имущества и объектов, в том числе на договорной основе. Эти неотъемлемые части сферы внутренних дел стали ча-

стью компетенции Росгвардии. В свою очередь функции упраздненных ФМС России и ФСКН России были переданы МВД России, однако по непонятной причине в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» не включены два основных ее направления, которые, по нашему мнению, необходимо обозначить следующим образом: обеспечение безопасности в сфере миграции и контроль за соблюдением законодательства РФ в области оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Есть еще один вопрос, требующий ответа. Почему функции МВД России в Положении трансформировались в задачи? Речь идет о выработке и реализации государственной политики в сфере внутренних дел, ее нормативном правовом регулировании в сфере внутренних дел, обеспечении федерального государственного контроля (надзора) в данной сфере. Мы рассматриваем функцию в традиционном ключе: как круг деятельности, вмещающий группу однородных задач, поэтому считаем спорным объединять в одной корзине неравнозначные категории. Заметим, что перечисление задач в статусных нормативных положениях характерно для тех федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которыми осуществляет Президент РФ (за исключением Федерального архивного агентства). В статусных положениях о федеральных органах исполнительной власти, находящихся в ведении Правительства РФ, задачи не приводятся.

Понятием «государственная политика» определяется весь «комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых государством» [5, с. 318]. Выработка и реализация государственной политики, как и нормативное правовое регулирование, является частью организационно-политической (идеологической) функции государства. Она предполагает подготовку и принятие МВД России различных программных документов в виде долгосрочных и среднесрочных целевых программ, участие в разработке государственных концепций и стратегий государственной политики, принимаемых Президентом РФ и Правительством РФ. МВД России участвовало в подготовке Стратегии безопасности дорожного движения в РФ на 2018–2024 годы. Министерство выступает ответственным исполнителем государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»¹, период

реализации которой начался в 2013 г. и продолжится до 2030 г. МВД России обязано информировать Президента РФ, Правительство РФ, а также, по их поручению, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ о реализации государственной политики в сфере внутренних дел. Помимо этого, государственная политика предусматривает формирование оптимальной системы и структуры министерства.

Функция нормотворчества выступает важнейшим элементом компетенции любого государственного органа, характеризующим его властную природу. При этом объемы данных полномочий разнятся в зависимости от вида государственного органа и его уровня. Согласно Указу Президента РФ от 9 марта 2014 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» под функциями по принятию нормативных правовых актов понимается издание на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами правил поведения, распространяющихся на неопределенный круг лиц. Профессор В. В. Черников называет три основных направления нормотворческой деятельности МВД России: собственное нормотворчество (издание ведомственных нормативных актов); межведомственное нормотворчество; участие в нормотворческой деятельности по линии других государственных органов [6, с. 154]. В нормотворческий процесс вовлечены не только специализированные юридические подразделения центрального аппарата МВД и его территориальных органов, но и образовательные, научно-исследовательские учреждения, функционирует Экспертный совет МВД России по вопросам нормотворческой работы². Самым масштабным по объему и беспрецедентным событием в нормотворческой деятельности министерства после 1991 г. стала разработка по прямому поручению Президента РФ в 2010 г.³ и правовое сопровождение проекта нового закона о милиции — будущего Федерального закона «О полиции».

МВД России, исходя из своего положения в системе федеральных органов исполнительной власти, выступает тем ведомством, которому Президентом РФ и Правительством РФ предоставлено право во-

¹ Об утверждении Перечня государственных программ Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения об Экспертном совете МВД России по вопросам нормотворческой работы : приказ МВД России от 30 декабря 2018 г. № 906. Доступ из СТРАС «Юрист».

³ О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 18 февраля 2010 г. № 208.

площадь в жизнь функции по контролю и надзору. Наиболее отчетливо контрольно-надзорные мероприятия ОВД (полиции) проявляются в области безопасности дорожного движения, в сферах миграции и контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также в осуществлении контроля (надзора) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с федеральным законом запретов и ограничений, за поведением осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно.

На объектах своей системы МВД России организует и осуществляет федеральный государственный санитарно-эпидемиологический контроль (надзор), федеральный государственный ветеринарный контроль (надзор), федеральный государственный метрологический контроль (надзор), федеральный государственный пожарный надзор, федеральный государственный контроль (надзор) в области обращения с животными.

Реализация государственной политики, нормотворчество на законодательном и подзаконном уровнях правового регулирования, внешний контроль (надзор) — это именно *функции* МВД России, но никак не его задачи.

Анализ нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус федеральных органов исполнительной власти, позволил прийти к следующим выводам.

Первый. В настоящее время, помимо МВД России, в сфере внутренних дел присутствуют федеральные органы исполнительной власти, прямо или косвенно вовлеченные в полицейскую деятельность, содержание которой составляют санкционированные государством разнообразные административно-правовые,

оперативно-розыскные и уголовно-правовые мероприятия, для достижения которых должностным лицам предоставлено право по непосредственному принуждению граждан и их организаций (полицейское задержание, оцепление (блокирование) различных объектов, применение силы и оружия и т. д.). Данные органы осуществляют функции по выработке и реализации государственной политики, по нормативному правовому регулированию, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере внутренних дел в пределах своей компетенции.

Второй. Функциональные полномочия МВД России предполагают решение следующих задач:

— разработка и реализация отдельных направлений государственной политики РФ, а также государственных программ в сфере внутренних дел;

— правотворческая деятельность, в том числе участие в разработке проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере внутренних дел;

— противодействие преступности, охрана правопорядка в общественных местах, общественной безопасности (собственно полицейская деятельность);

— оказание помощи гражданам, предоставление им и организациям государственных услуг;

— федеральный государственный контроль (надзор) в сфере внутренних дел;

— руководство и нормальное функционирование подчиненных органов, организаций, учреждений и предприятий, их кадровое, материально-техническое, финансовое, ресурсное обеспечение, в том числе в особых условиях;

— взаимодействие и сотрудничество с другими государственными органами, общественными и международными организациями, правоохранительными органами других государств.

Список источников

1. Котюргин С. И. Функции органов внутренних дел. Омск, 1975.
2. Административное право России : Часть Особенная : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Ю. П. Соловей, И. М. Чемакин [и др]. Ч. 3. Екатеринбург, 1997.
3. Черников В. В. Закон о полиции — новая веха в развитии полицейского законодательства России // Полиция — новый институт современной государственной правоохранительной системы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012.
4. Бекетов О. И., Опарин В. Н. О понятии и системе правоохранительных (полицейских) органов Российской Федерации // Полицейское право. 2005. № 1.
5. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
6. Черников В. В. Нормотворческая функция МВД России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5.

УДК 141:165:316.6

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-358-363

5.7.7. Социальная и политическая философия

Образ России: экзистенциально-трансцендентальный дискурс

Олег Дмитриевич Агапов

доктор философских наук, профессор, директор научно-исследовательского института социальной философии, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин¹, ✉ ag.oleg2015@yandex.ru

Михаил Николаевич Рашкин

аспирант¹, ✉ mn-rashkin@yandex.ru

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (Казань, Россия)

Статья посвящена выяснению оснований и пределов экзистенциально-трансцендентального подхода к образу России. Данные образы, создаваемые в поле экзистенциального дискурса, способны быть эвристическим и побудительно-творческим основанием как для развития российской политической нации в целом, так и для каждого гражданина России. Экзистенциально-трансцендентальный образ России не равен представлению о ней, ибо образы рождаются спонтанно из стихии исторической жизни, полны трансцендентальными смыслами, которые определить до конца невозможно, тогда как представления конструируются в рамках специально организованной деятельности философов и ученых. Каждое представление имеет основания и пределы, а образ трансцендентально-мистериален, отсылает к вечности и бессмертию. Образ России — предмет переживания, осмысления и воплощения российской гражданской политической нации как своей субъектной экзистенциально заданной судьбы, разрешаемой в духовной практике предстояния и самостояния. В рамках исторического бытия образ России всегда до-определяется, переходя из потенциального в актуальное, что выводит российский культурно-цивилизационный тип на качественно новый уровень собственного развития.

Ключевые слова: образ России, социальная философия, цивилизационный реализм, экзистенциальный подход, трансценденция, дискурс, государство-цивилизация, семиотика

Для цитирования: Агапов О. Д., Рашкин М. Н. Образ России: экзистенциально-трансцендентальный дискурс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 358–363.

Image of Russia: Existential Transcendental Discourse

Oleg D. Agarov

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, Director of the Research Institute of Social Philosophy, Professor at the Chair of Philosophy and Political Sciences¹, ✉ ag.oleg2015@yandex.ru

Mikhail N. Rashkin

Post-Graduate Student¹, ✉ mn-rashkin@yandex.ru

¹ Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russia)

The paper clarifies the foundations and limits of the existential-transcendental approach to the image of Russia. These images, created in the field of existential discourse, can be a heuristic and incentive-creative basis for both the development of the Russian political nation as a whole and for every citizen of Russia. The existential-transcendental image of Russia is not equal to the vision of it, for images are born spontaneously from the elements of historical life, full of transcendental meanings that cannot be fully objectified, while visions are constituted within the framework of specially organized activities of philosophers and scientists. Each vision has foundations and limits, and the image is transcendental-mysterical, referring to eternity and immortality.

An image of Russia is the subject of experience, comprehension and embodiment of the Russian civil political nation as its subject-related existentially determined *destiny*, implemented in spiritual practice of standing before God and spiritual self-identity (spiritual comprehension of one's own destiny). Within the framework of historical existence, the image of Russia is always *supplementarily defined*, transferring from potential to actual, which brings the Russian cultural and civilizational type to a qualitatively new level of its own development.

Keywords: image of Russia, social philosophy, civilization realism, existential approach, transcendence, discourse, state-civilization, semiotics

Citation: Agapov O. D., Rashkin M. N. Image of Russia: Existential Transcendental Discourse. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 358–363. (In Russ.).

Методологическое введение. В современной философии есть целый спектр дискурсивных практик осмысления человеческого бытия. В частности, экзистенциальному дискурсу противоположен дискурс позитивистского антиметафизического позитивизма, проявляющий себя в представлениях о России, формируемых как обобщение полевых исследований социологов, психологов, политологов, иных представителей социальных наук. Безусловно, полученные в эмпирических исследованиях знания чрезвычайно важны и могут быть востребованы в контексте экзистенциально-трансцендентальных штудий. Однако экзистенциально-трансцендентальная методология рассматривается нами как определенного рода *классический канон и парадигма мышления*, позволяющие изучить проблемы формирования образа России в собственно философском ключе, не редуцируя мышление до констатаций эмпирических социологических или психолого-культурологических опросов. Более того, мы исходим из позиции А. Грякалова, показавшего, что в современных дискурсивных практиках экзистенциальное и трансцендентальное (как признание теологического и теоретического, этического и эстетического как «вещей в себе») возвращается в стратегиях *свидетельств и утверждений* [1, с. 5].

Иными словами, философы сегодня понимают, что возможно дать лишь феноменологическое описание бытия, герменевтическое расследование имен и системно-структурный метатеоретический анализ, результаты которых могут быть приняты во внимание обществом. Философы и ученые — не мессии и пророки, они *свидетели и интерпретаторы*, имеющие свою сферу экзистенциальной и гражданской ответственности. В частности, Б. В. Марков напоминает нам о важности философского дискурса, способного выступить «средством социализации, образования и воспитания», а также «формой коммуникации», вынуждающей людей «высказывать собственные мнения от первого лица», способствуя тем самым «достижению консенсуса на основе открытости / гласности» [2, с. 522].

Следовательно, основная задача философов в процессах производства образов России — вы-

ступать *институтом онтологической ответственности* [3], давать описание и анализ семиотической вселенной России «образов — икон — символов — концептов — знаков — имиджей — метафор — мемов — тэгов», выявлять и деконструировать девиантные линии, способствовать устойчивому развитию российской политической нации как субъекта собственного суверенного развития истории и международных отношений.

Первый подступ к теме. Почему каждое новое поколение граждан России возвращается к теме образа России. Неужели невозможно изучить и договориться «раз и навсегда» о константах, атрибутах, гранях бытия России? На наш взгляд, бытие образов России только и может быть дано как постоянное предстояние — *экзистирование*, что подразумевает со стороны человека определенную мобилизацию и сосредоточение. Предстояние перед любым образом — Бога, человека, бытия, социума, России (равно как и образом другого государства или цивилизации) — это событие и процесс, укорененный в существовании человеческого рода, где в полной мере воплощаются сущность, смысл и форма человеческого бытия. В основе экзистенции — событие остранения и амбивалентной завороченности от восторга и ужаса, от осознания феноменальности реальности чего-либо (в нашем случае — России), оцепенения от собственной легкомысленности перед даром жизни, историческим наследием, страха перед неисполнением *призвания* перед Родиной/Отчиной и т. д. Образ России в экзистенциальном измерении показывает всю свою хрупкость, ибо он всегда между прошлым и будущим, способен прорасти в настоящем трудами тех, кто способен *со-раз-мерить себя* с Россией. Образы и самообразы складываются спонтанно, интуитивно, манифестируя собой трансцендентальные, а не только имманентные (феномены, созданные самим человеческим родом) измерения. В частности, исследователи сегодня противопоставляют образы брендам, понимая под последними «спланированное и целенаправленно сконструированное о ней представление в заданном направлении» [4, с. 4].

В целом, в контексте исторической реконструкции можно увидеть обширную галерею идей

и образов, которые были присущи русскому/российскому народу в его историческом бытии (схематично: образ Святой Руси (X–XIII вв.), православного царства, где «Москва — III Рим» (XIV–XVII вв.), государства — империи в концепте европейских держав (1721–1917 гг.), первого в мире коммунистическо-социалистического государства (1917–1991 гг.), региональной державы в глобальном однополярном мире (1991–2000 гг.). Сегодня Российская Федерация позиционирует себя в статусе «государство — цивилизация», основной миссией которого выступает хранение и защита традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей [5, с. 472]. А. И. Неклесса в образе России выделяет фактор цвета, намечая контуры цивилизационной криптограммы. В его интерпретации даны пять цветов: белый («Страна на краю мира»), синий («Путь к последнему морю»), красный («Российская модель власти»), черный («Апофатическое мировидение») и желтый («Империиум как сумма народов»)¹.

Множество образов феноменов окружающего мира конституирует структуры и состояния воображения, выступающего полем для становления сознания и самосознания человеческого рода, каждого человека. Будучи первофеноменом человеческого бытия, оно фундируется образами Бога, «Я», пространства и времени. Каждый из образов интуитивно-трансцендентален, это больше «схватывание» явлений мира, переживание со-причастности им. Воображение — это потенция или *побудительная сила* к формированию сознания как открытой самоорганизующейся семиотической системы. Яркость образов дает основание для трансценденции человека не только во вне, но и во внутрь. Кентаврность и ризомность образов завораживает не менее, чем «звездное небо над головой» (И. Кант).

В основе воображения, согласно Ф. Гиренку, лежит абсурд, выступающий свидетельством разрыва *homo sapiens* с природой и отправной точкой для становления человеческой субъектности/субъективности [6]. В. Розин также полагает, что сознание как атрибут человеческого бытия вырастает из череды витальных катастроф [7, с. 97].

Бытие человека в мире — переживание, понимание, познание, освоение мира — все это модусы экзистирования и трансценденции. Они принципиально множественны по конфигурациям. Каждая из форм есть не только раскрытие человека, но и раскрытие сил природы или *дара бытия*. Как считает А. С. Панарин, «дар есть синоним обязательств, социальных и моральных. Чувство подлинного, экзистенциально переживаемого нами как внутренний

человеческий долг обязательства возникает только в ответ на дар: все то, что подарили нам наши родители и предки, что подарено нам нашим детством, нашей родной землей, нашей культурой и историей» [8, с. 126].

Экзистенциальное переживание жизни имеет как личностно-индивидуальное, так и коллективное измерение. Более того, экзистирование в качестве личностей не отменяет нашей экзистенции в качестве социально-исторических субъектов. *Субъектность* и производная от нее интересубъективность возникают как родовой феномен, давая исток языку и формам общественного сознания. В историко-антропологическом плане «МЫ» первично по отношению к «Я», поэтому праобразы нашей жизни имеют основания в социальном бессознательном, в архетипах и традициях. Все формы социализации (политической, правовой, экономической и т. д.), аккультурации, психологического взросления, исторического возрастания и т. д. — означают для нас антропологическую практику «взрачивания» себя, институтов и смыслов.

Все современные нации — это не только субъекты международного права, но и суверенные *онтологические субъекты истории*, имеющие свою статью или *топос развития* [1]. Все атрибуты бытия — пространство, время и движение — воплощаются в образах бытия народов и наций, конституируя их политические, экономические и социокультурные институты. Образ Родины/Отчизны — это открытая семиотическая система, движущей силой развития которой выступает конкретный народ. Благодаря образу «месторазвития» нация обретает историческую размерность своего сознания и самосознания, получает предмет цивилизационного мышления.

Образ России развивает российская гражданская политическая нация/народ как субъект исторического процесса и творчества. Это *экзистенциально-антропологический феномен*, выраженный множественными ипостасями, образующими символично-семиотический жизненный мир российской цивилизации. Каждая из форм этой семиотической структуры (имя — идея — символ — образ — метафора — концепт — знак) требует практики освоения и метапрактик по интеграции, иерархии и т. д. В частности, А. Погоняйло отмечает, что каждый человек «врастает» в «форму (бесконечного) понятия» [9, с. 206]. Понятие или имя «Россия» в контексте философского исследования способно обрести «плоть и кровь», образности значениями и смыслами. Имя государства, как имя человека, задает его архетип и структуру внутренней организации. Вместе с тем имя «не детерминирует человека и не лишает

¹ Неклесса А. И. Палитра русской цивилизации // Независимая газета (ng.ru). URL: https://www.ng.ru/ideas/2015-11-13/5_ideas.html (дата обращения: 20.09.2023).

его свободы, но, напротив, дарует ее. Имя лишь намечает идеальные границы жизни человека, направляет его жизнь в определенное русло, но в этом русле человек сам себя определяет» [10, с. 127].

Иными словами, благодаря своему экзистенциально-трансцендентальному статусу образы России конституируются постоянно, обогащаясь как по содержанию, так и по структуре. Каждый прежний образ России не «снимается», а входит в концептуально-имагологическую сферу российской цивилизации, где действует «закон уплотнения смыслов» В. С. Библиера. Он пишет: «Культура строится и „развивается“ по своему сценарию. Она никак не укладывается в схематизм восхождения, здесь действует механизм „уплотнения“, когда „с появлением нового персонажа (произведения искусства, автора, культурной эпохи) старые персонажи“ — Эсхил, Софокл, Шекспир и т. д. — не уходят со сцены, не снимаются и не исчезают в новом персонаже. Каждый новый персонаж выявляет, актуализирует, даже впервые формирует новые свойства и устремления» [11, с. 282]. Например, 17 июня 2023 г. в парке 300-летия Санкт-Петербурга в акватории Финского залива одновременно подняли флаги Российской империи, СССР и Российской Федерации, что должно было продемонстрировать преемственность историко-политических форм в российской истории².

Важный вопрос: насколько образы России, сформированные в ходе ее исторического развития, способны пребывать «неслиянно и нераздельно», в смысловом поле культуры. Не случайно А. С. Панарин был убежден, что хрупкость России как социокультурного типа связана не столько с «промежуточным геополитическим положением как таковым, сколько с проблематичностью тех синтезов, которые российское общество создавало в разные моменты своей истории» [12, с. 113].

Интуитивные образы России в историческом бытии *до-определяются*, получают «прописку» в структурах общественного сознания, выводя каждого гражданина на уровень общественной зрелости и личностного *преображения*. Однако, даже получая имманентное измерение в сознании человека, символы сохраняют свою трансцендентальность, выступают определенной «вещью в себе». Как отмечает Н. Ростова с опорой на философию культуры О. П. Флоренского, «до-определение» символов, непрерывное дление их интенсивности, личное соучастие в них обеспечивает культ. Он построен так, что дает форму этого дления. Эта форма тотальна, то есть она претендует на полноту антропологической реальности, а не ее часть, ибо создает эту реальность. Смысл культа — дать эту тотальность. Иначе вне его синте-

зов мы будем иметь дело с раздробленностью, *себене-данностью* человека» [10, с. 124].

Бытие каждой нации/народа текстоцентрично: создается поэтами и писателями, созируется богословами, философами, учеными и art-деятелями). Идентичность Святой Руси / России, как показывает А. С. Панарин, определилась в XIII–XV вв. как идеократическая реальность, основанная на «привязанности к священному идеалу — тексту и на аскезе, необходимой для того, чтобы ему соответствовать и сберечь от посягательств». Также и российская идентичность московского периода (1480–1676/1721 гг.) была *конфессионально-цивилизационной*. «Русские люди московского периода мыслили себя как *православный народ* — хранитель и защитник великой святоотеческой традиции, представленной не русскими, а святыми греческими именами: Иоанном Златоустом, Василием Великим, Григорием Богословом. Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере» [8, с. 43].

Образы России фундируются *интуициями* субъектов российской политической нации, выступающей онтолого-экзистенциальными ориентирами для «сборки» интегрированного субъекта России. Интуиция как «схватывание» образа Родины / Отчизны дана в виде переживания, разрешается в концептах и символах. Ключевая антиномия понятий и образов, данная в интуициях, задает диалектику восприятия России, выступая фоном и контекстом для философских концептов, научных представлений, художественных символов, иных форм рационализации. Отсечение интуиции от процессов производства образов и смыслов России означает смерть открытой семиотической системы, превращение образов в симулякры. Для субъекта истории — российской политической нации — это путь добровольного самоубийства.

Образы и представления о России формируются сегодня, как минимум, *двумя основными порядками* или режимами производства, воспроизводства, обмена, распределения и потребления знаний — образов — символов. Первый режим — это порядок научного производства истины, связанный с таким субъектом модерна, как *homo academicus*. Второй режим обусловлен познанием на основе любви (М. Шеллер, Э. Фромм, М. Бубер). В режиме истины субъектами онтологической ответственности выступают богословы, философы, ученые, представители искусства, в «порядке любви» субъектами онтологической заботы пребывают все граждане России, наполняю-

² Песков объяснил поднятие флага СССР в Петербурге. URL: <https://life.ru/p/1587336> (дата обращения: 12.08.2023).

щие образ экзистенциально-социальными интенциями, желаниями, надеждами, идеями, идеалами, ценностями.

Указанные режимы конституирования образа России взаимодополняют друг друга, хотя между ними возможны ситуации конфликта. На наш взгляд, самая большая онтологическая, эпистемологическая и социально-философская ошибка будет состоять в том, чтобы стремиться вытеснить один подход к образу России для доминирования другого. «Режим истины» без «порядка любви» — это интеллектуальный симулякр. Важно помнить, что «любовь и разум — это две различные формы постижения мира, и одна невозможна без другой» [13, с. 503].

Выражение любви к предмету познания не уменьшает, а повышает объективность познавательной деятельности, сообщает ему онтологическое достоинство и смысл, переводит познание до уровня *пребытия*, определяемого А. Ф. Лосевым как «чудо» данное человеку в двух аспектах: 1) «в изначальном, идеальном архетипе и парадигме»; 2) в «воплощении этих последних в реально-историческом событии» [14, с. 358]. Пребытие/чудо проявляет себя как *судьба* (воля Божья), как «реальная и абсолютная жизненная категория», «жестокий лик самой жизни» [14, с. 346].

Наиболее полно чудо-судьба, по А. Лосеву, является в жизни человека через свободное жертвование собой, сознательное и всевозрастающее служение предмету судьбы (Родине/России). В романе «Жизнь» он пишет, что «знать веления Родины, своевременно их воспринимать — дело величайшей человеческой мудрости». Образ России/Родины — «есть опора против бессмыслицы жизни, есть твердыня, превышая судьбы и есть внутренняя и несокрушимая цитадель презрения к смерти, есть любовь и жертва, есть подвиг и счастье самоотречения, есть в самоотречении для других и для Родины самое сокровенное и уже действительно несокрушимое самоутверждение, самопорождение. Пока наша жизнь мятется и страждет, пока наша жизнь не устроена, полна злобы и насилия, пока мы умираем под пятой неведомой судьбы, — одно из двух: или жизнь, согласная с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — самоотречение; или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — бессмыслица»³.

Конституирование образа России и в «режиме истины», и в «порядке любви» подчиняется общим правилам социального производства, где особую роль играет «закон интерпретирования» (А. М. Пятигорский — М. Мамардашвили): «сознание есть такой текст, который возникает актом чтения это-

го текста, который сам себя обозначает, отсылает к самому себе» [15, с. 77]. Иными словами, любая структура или состояние сознания живо интерпретациями и вариациями, герменевтическими полями смыслов и значений, находящих свое претворение в поступках человека, его планомерной деятельности, практиках, образах и стилях жизни. Сегодня, благодаря активности различных субъектов российской гражданской политической нации, образ России в общественном сознании и самосознании представлен в разных форматах: а) нормативном правовом (Конституция Российской Федерации); б) академическом; в) повседневного обихода; г) латентном / бессознательном. Множественность форматов прямо пропорциональна субъектам, входящим в поле субъектов России.

Итак, образ России раскрылся перед нами благодаря экзистенциально-трансцендентальному дискурсу как превращенная форма, *соединяя* в себе сразу чувственную и сверхчувственную реальность, *спрягая* онтологический, онтический и виртуальный уровни. Будучи центром осмысления субъекта России, он выступает предметом постоянных практик общего дела со стороны граждан, дающих основу для софийности, соборности на уровне литургии смыслов и республики. Разбег мышления об образе России в экзистенциальном дискурсе идет от переживания пустоты и молчания к полноте смыслов и атрибутов, в диалектике апофатических и катафотических моментов. Бытие России — это постоянное обогащение смыслов образа России, и оно обречено на «срывы», если в горизонте жизненных ценностей нет трансцендентального измерения образов Бога, «Я», пространства и времени.

В контексте экзистенциально-трансцендентального дискурса образ России представлен в форме единства мистико-метафизической и конкретной личности, воплощаемой историческим субъектом российской политической нации. Духовным ядром и интуицией России выступило христианство, которое богословски оформляется в контексте русской / российской истории митрополитом Иларионом (XI в.), старцем Филофеем (XVI в.), патриархом Ермогеном (XVII в.). С XVIII в. богословие дополняется дискурсами философии, науки, искусства. Сегодня нам известны образы России, созданные учеными М. Ломоносовым, Д. Менделеевым, В. Вернадским, Н. Моисеевым; поэтами и писателями А. Пушкиным, М. Лермонтовым, Н. Гоголем, И. Тургеневым, Ф. Достоевским, Л. Толстым, А. Платоновым, Л. Леоновым, Б. Пастернаком, И. Бродским; философами (П. Чаадаев, В. Соловьев, Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов, Н. Бердяев, С. Франк и т. д.). Образ России имеет

³ Лосев А. Ф. Родина / Жизнь. URL: <https://vetrovo.ru/inoi/losev-rodina/> (дата обращения: 16.09.2023).

две взаимосвязанные формы «Мы» и «Я», каждая из которых имеет свою структуру и иерархию. Например, «Мы» включает различные формы от общины/семьи до нации как «семьи семей», а «Я» выражена такими ипостасями, как мужская (Отечество) и женская (Родина), в единстве составляющими собой семью (шире — приходскую общину, артель). Классическими коллективными субъектами российской истории выступают иночество, казачество, трудовые артели, военные (страта и этос), чиновничество, академическое сообщество России. Между «Мы» и «Я» есть взаимодействие в субъекте истории двух начал, коллективной и личностной. Все образы России — коллективный, мужской и женский — в равной степени легитимны, обретают в своем единстве полноту и зрелость, осмысленность.

Формой единства субъекта России выступает *интуитивное единство* «космоса — человека — социума», имеющее явное выражение в ценностях христианства, порождая чувство *онтологической укорененности и причастности*: 1) времени/исто-

рии; 2) пространству; 3) движению/деятельности/ поступку. Трансцендентальная интуиция порождает ведущий *пафос* русской/российской экзистенции — пафос долженствования, свободы и творчества. В основе российского этоса — дух свободы как «дух *богосыновства*», что предполагает «величайшую, всеохватную ответственность и за всех живущих на Земле людей, и за природу планеты, оскверняемую безответственными потребителями. Свобода есть не расслабленность, а величайшее сосредоточение, величайшее напряжение духа, прорывающегося за пределы очевидного, имманентного — к трансцендентному, от материи — к идее, от готовых результатов — к истокам и генезису» [9, с. 566].

Подводя итоги нашей статьи, мы можем уверенно констатировать, что специфика и сущность экзистенциально-трансцендентального дискурса образа России состоит в процессе подготовки и вхождения в круг онтологического общения, спасения от смерти, одиночества, небытия, в круг исторического творчества.

Список источников

1. Грякалов А. А. Топос и субъективность. Свидетельства и утверждения. СПб., 2019.
2. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011.
3. Левицкий В. Конкуренция альтернативных проектов цивилизационного развития и роль институтов онтологической ответственности // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1.
4. Чэнь Ци. Образ России в культуре современного Китая. Хабаровск, 2020.
5. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т. В. Евгеньева, И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. Р. Боронин / под ред. С. В. Перевезенцева. М., 2023.
6. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М., 2012.
7. Розин В. М. Семиотические исследования. М., 2001.
8. Панарин А. С. Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расторгуев ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014.
9. Погоняйло А. Г. Мышление и созерцание. СПб., 2017.
10. Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека : монография. М., 2017.
11. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1990.
12. Россия: опыт национально-государственной идеологии / под ред. В. В. Ильина. М., 1994.
13. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1998.
14. Лосев А. Ф. Самое само. М., 1999.
15. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. Символ и сознание. М., 1996.

УДК 177

doi: 10.24412/1999-625X-2023-491-364-369

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Глобальное общество в поиске глобального этоса

Снежана Валентиновна Денисенко

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹,

✉ denisenko_s_v@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Статья посвящена процессу оформления глобального этоса в условиях глобализации. Предметом исследования стали моральные явления, существующие в различных культурно-исторических сферах глобализованного общества: религии, философии, деятельности международных организаций и профессиональной деятельности полиции. Автором проведен анализ моральных явлений современности и определены наиболее близкие глобальному этосу. Отправной точкой глобального этоса признается нравственный потенциал мировых религий, представленный в форме золотого правила нравственности и межрелигиозного диалога. Наиболее приближены к содержанию глобального этоса общечеловеческие ценности, деятельность международных организаций и профессиональная мораль полиции. Новизна анализа современных моральных явлений состоит в утверждении профессиональной морали полиции в качестве прообраза и конкретно-исторической формы глобального этоса.

Ключевые слова: мораль, этос, глобализация, Золотое правило нравственности, человечество, ценности, профессиональная мораль, полиция

Для цитирования: Денисенко С. В. Глобальное общество в поиске глобального этоса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 364–369.

Global Community in search of Global Ethos

Snezhana V. Denisenko

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the Chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ denisenko_s_v@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article focuses on the process of forming the global ethos under conditions of globalization. The subject of the research includes moral phenomena existing in various cultural-historical spheres of globalized society: religion, philosophy, activities of international organizations and professional police activity. The author analyzes moral phenomena of modern times and determines those closest to global ethos. The starting point of global ethos is considered to be the moral potential of world religions presented in the form of the Golden Rule and interreligious dialogue. Closest to the content of the global ethos are universal human values, the activities of international organizations and the professional morality of the police. The novelty of the analysis of modern moral phenomena lies in the approval of the professional morality of the police as a prototype and specific historical form of the global ethos.

Keywords: morality, ethos, globalization, the Golden Rule, humankind, values, professional morality, police

Citation: Denisenko S. V. Global Community in search of Global Ethos. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023. Vol. 29, No 4(91). Pp. 364–369 (In Russ.).

Процессы глобализации в экономике и культуре неизбежно коснулись морали общества. В то же время глобализация моральной стороны жизни не столь очевидна, она проявляется фрагментарно, в отдельных сферах человеческого бытия. Так, в средствах массовой информации стало привычным обращение к общечеловеческим ценностям и универсальным принципам морали. Глобальные масштабы моральной ответственности развернулись в первую очередь в экологической и политической сферах, создав множество обусловленных процессов, в том числе

и в моральных отношениях, и в моральном сознании человечества. Потребность в единой моральной декларации всех проживающих на планете людей осознается сегодня тем острее, чем менее благоприятны перспективы глобального будущего человечества.

Осмыслить глобальную реальность жизни в моральных координатах пытаются моралисты и общественные активисты не один десяток лет. Характер абстрактных прогнозов и литературных фантазий о будущем изменился: моральное измерение глобализации стало более конкретным. Таковы милита-

ристские амбиции мировых лидеров и внесение моральных норм в активность искусственного интеллекта. С развитием интернет-коммуникаций пришло осознание условности моральных границ. Вместе с динамичностью жизни обостряется незащищенность морального сознания современного человека. Жизнь без конкретной национальной, государственной, профессиональной идентичности, казалось бы, облегчает формирование общечеловеческой глобальной морали. Но может ли универсальность моральных смыслов выстроить единый общечеловеческий моральный взгляд? Приближается ли человечество к выработке единой моральной системы?

Осмысление глобальной моральной реальности развивается под другим углом зрения на мораль, вынуждает использовать понятие «этнос», характерное для античной философии. В философском смысле термин «*ethos*» в переводе с греческого означает «обычай, характер нравов, моральное убеждение»¹. Предметную область традиционного этноса составляет реальность, связанная с привычными формами общественного поведения. В современной культуре понятие «этнос» наиболее близко деятельности на основе осознания ценности.

Исследователь этноса в современном глобальном мире И. А. Авдеева считает, что возникновение глобального этноса обязано сосуществованию ценностей многих культур, приводящему к уменьшению вероятности конфликтных коммуникаций, в чем и выразилось утверждение этноса. Автор представляет глобальный этнос как «самостоятельную согласованную, иерархически и систематически организованную структуру ценностей, мотивов и эвристик, которые комплексно актуализируются для совершения социального действия» [1, с. 92–95]. Этнос является собой единство морального как общественного, так и глубоко личного, в том числе биологического. По мнению И. А. Авдеевой, «достаточно сложная иерархизированная структура этноса способствует эффективному существованию личности в социуме, формируется и актуализируется под влиянием социальных условий». В то же время, считает автор, уровень эффективности этноса определяется не столько социальными условиями, сколько субъективной активностью личности в процессе существования в социуме [1, с. 101].

В отношении человечества как коллективного субъекта результат эффективности глобального этноса может стать общечеловеческой мировоззренческой основой, на которой развернется созидательная активность человечества. Неразрывен глобальный этнос с психологией, социальной философией, что глубоко исследовано в XX в. М. Шелером, Т. Парсон-

сом, Н. Гартманом, Г. Йонасом и другими. Их выводы позволяют осознать глобальный этнос в комплексе, включающем постоянные «схватывания новых ценностей» (Н. Гартман), легитимность и обязательность в составе морального стандарта (Т. Парсонс), рефлексию социальных потребностей, связанных с появлением новых социальных проблем (Г. Йонас). Изучение социальных механизмов глобального этноса привело к уточнению того, как объективируются моральные принципы в современности, какие проявляются нравственные закономерности, по которым живет общество сегодня.

Современное общество отождествляется с обществом потребления. Исследователями социальных процессов доказано: «Одним из факторов ориентации больших масс людей на общественно-позитивную деятельность в обществе потребления является именно социальная реклама» [2, с. 4]. В механизм влияния социальной рекламы включены интересы сохранения и развития определенного сообщества. Изучавший данную проблему А. В. Пугач утверждает: «Принятие этих ценностей запускает процесс мотивации такого поведения, которое обеспечивает сочетание групповых и личных интересов, что в свою очередь является обязательным условием для возникновения в социуме прогрессивных изменений» [2, с. 6]. Интенсивность прогрессивных глобальных процессов в морали человечества нарастает не одно десятилетие и даже столетие.

Глобальное моральное мировоззрение имеет многовековую предысторию, опирающуюся на исторический опыт человечества в форме рефлексии коллективных субъектов, исторической памяти отдельных народов, а также тех учителей человечества, которые обнаружили эти моральные основания и нашли важнейшие слова, обращающие на них внимание людей. Выстраивание глобального этноса опирается на моральные смыслы тех эпох, в которых человечество научилось человеческому поведению. В основе глобальной морали лежит полученный и осмысленный опыт выстраданных общечеловеческих истин.

Первоначало глобальной морали усматривается в нравственном потенциале всех мировых религий: христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма. Каждая конфессия объединяет верующих единой системой ценностей веры, однако межрелигиозный диалог становится реальностью в послевоенном пространстве второй половины двадцатого века.

В понимании глобальной морали следует начать с золотого правила нравственности. Предельно широк предмет этого правила: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Сегодня

¹ Философский словарь / под ред. Г. Шишкоффа. М., 1961.

ни у кого не возникает сомнений в универсальности золотого правила, оно является символом гуманного отношения к другому человеку как к самому себе. Самую первую и популярную его формулировку цитируют по Евангелию от Матфея и Луки: «И как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так и Вы поступайте с ними». Существует и другая популярная формулировка этого же этического правила: «Не делайте другим того, чего не хотите себе» [3]. Как утверждает А. А. Гусейнов, исследуя историю и влияние на человечество золотого правила, «оно возникает приблизительно в одно и то же время в разных культурах, связь между которыми не установлена», что можно трактовать как самоорганизацию моральных ресурсов человечества. Он доказывает, что «Золотое правило присутствует во всех великих культурах, дошедших до наших дней и составляющих цивилизационное богатство человечества». В эпохах Средневековья и Нового времени правило стало одной из самых заметных моральных тем. В средневековой этике оно упоминается Августином, Фомой Аквинским в контексте заповеди любви, становится звеном между христианским моральным учением и естественной нравственностью обычных людей. Позже, в Новое время, Гоббс и Лейбниц видели в нем главным образом принцип естественного права [4, с. 105].

Можно сказать, что работа с золотым правилом нравственности велась А. А. Гусейновым именно по направлению закрепления за ним статуса фундамента глобальной морали. Им доказывается, что золотое правило является центром морали как практического сознания человечества, его без преувеличения следует считать правилом правил. Оно обязывает действующего индивида брать на себя ответственность за все, что он делает, и предлагает для этого механизм, заключающийся в том, чтобы примерять каждое действие на самого себя [4, с. 107]. Публикации А. А. Гусейнова о трактовке мировых религиями золотого правила расширяют представление о едином глобальном этосе на разных культурно-исторических пространствах. Несмотря на то что в Коране нет буквальной формулировки золотого правила, ученый видит нравственную программу Корана под углом зрения того, в какой мере она подводит к золотому правилу и может быть резюмирована в нем [5, с. 82].

Второй по времени утверждения и значимости опорой глобального этоса является видение человечества способным иметь единую волю. Единая позиция человечества присутствует в категорическом императиве И. Канта. Выражается нравственный фундамент как абсолютный нравственный закон: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать,

чтобы она стала всеобщим законом». В иной формулировке И. Кант так формулирует общечеловеческий императив: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [6, с. 260]. В масштабах вечности философ обозначает важнейшие и сегодня глобальные ценности: Бог, природа, свобода, нравственный закон, долг, цель, средство, любовь. Им обозначены пути дальнейшего обоснования общечеловеческого смысла исключения человека из безличного и абстрактного набора средств поведения. Человек достоин особого к нему обращения. Человеческого. Эту нравственную доминанту следует озвучивать как можно чаще и противопоставлять популярной у современной молодежи позиции экономического и политического императива эпохи итальянского Возрождения, известной в формулировке «цель оправдывает средства». Утверждать весомый вклад макиавеллизма в глобальное мировоззрение современной эпохи приходится с сожалением, как более известного современной российской молодежи, нежели кантовские высоты звездного неба и моральный закон человечества.

Глобальное моральное пространство предвидят и конструируют русские мыслители — основатели русской моральной философии. Один из них, В. С. Соловьев, видел будущее людей в Богочеловечестве, и универсальности Всеединства. Он предостерегал от главной ошибочности современной цивилизации: ставить нравственное совершенство общества в прямую зависимость от хозяйственного строя и достигать совершенства исключительно путем экономического переворота [7]. Другой русский мыслитель, Н. Ф. Федоров, представлял идею глобального этоса в виде бессмертного человеческого рода в «философии общего дела». Идея ноосферы В. И. Вернадского уготовила человечеству роль основной планетарной образующей силы, положившей в основу отбор правил поведения человечества во имя разумного и ответственного управления эволюцией планеты.

Изменила моральную реальность мира второй половины XX в. Организация Объединенных Наций, учрежденная в 1945 г. Состоящая на данный момент из 193 членом Организация Объединенных Наций имеет возможность решать вопросы, которые носят как локальный, так и глобальный характер. Глобальная проблематика отражается на деятельности этой надгосударственной организации, вплоть до ее глубокого кризиса в решении самых острых вопросов и угроз современности. Вызовы современности требуют адекватных действий, которые отражены в текстах конвенций ООН. Тексты сгруппированы по алфавиту, отражают самую разнообразную,

в том числе и моральную проблематику: геноцид, дискриминация, окружающая среда, права человека, преступления против человечности, преступность, терроризм, торговля людьми и другие темы, изложенные в Декларации тысячелетия Организации Объединенных наций².

Активность ООН, предельно близкая к глобальному этосу, связана с ликвидацией расизма и нетерпимости. С 2001 г. по 2021 г. она дала результаты: 42 государства приняли или доработали законодательство о запрете расовой дискриминации; 35 государств учредили специальные органы для обеспечения равенства и борьбы с расовой дискриминацией; 23 государства приняли национальную и региональную политику по борьбе с расизмом; 26 государств присоединились к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, увеличив число ее участников до 182. В 2015 г. создан международный независимый экспертный механизм по вопросам расовой справедливости и равенства в контексте деятельности правоохранительных органов по всему миру³.

Оформить глобальный этос невозможно без понятия «общечеловеческие ценности». Этот термин приобрел в нашей стране право на существование в связи с перестройкой. В некотором смысле он стал «визитной карточкой пережитой в нашей стране эпохи» — так утверждает в одном из первых сборников работ видных мыслителей XX в., осмысляющих ценностные истоки глобальных экологических проблем человечества [8, с. 10]. Авторы привлекают внимание читателей к тому, что понятие общечеловеческих ценностей возникло как антитеза классово-морали, «как выражение наиболее прогрессивных интересов всего нашего общества и даже всего человечества в целом» [8, с. 10].

Попытка сформулировать общечеловеческие ценности как консенсус личных поведенческих позиций и стабильных общественных стандартов поведения в одном масштабном проекте была предпринята Хансом Кюнгом, профессором теософского факультета г. Тюбинген (Германия). Уникален текст документа, принятого в 1993 г. в г. Чикаго (США) и названного «Декларация мирового этоса». Работа по внедрению Декларации велась с 1995 г. по 2013 г. фондом «За глобальную этику», председателем которого был Ханс Кюнг.

Центральным тезисом глобального этоса является требование к человечеству: «С каждым человеческим существом обращаться по-человечески, в согласии с неприкосновенным и неотчуждаемым

достоинством всех человеческих существ». Анализ, проведенный Хансом Кюнгом и возглавляемым им фондом «За глобальную этику», коснулся базового набора общих ценностей религий, позже положенного в основу диалога религиозных культур и неверующих людей, став основой глобального этоса [9]. Напряженные дискуссии при появлении Декларации расставили по местам аргументы «за» глобальный этос и контраргументы, исходившие от геополитических элит. По мнению исследователя глобального этоса И. А. Авдеевой, «проблема локальных геополитических интересов станет первым из серьезных препятствий к созданию единого морального пространства». В то же время, «по мере того как мы будем отходить от оппозиции „своичужие“, позиции глобального этоса будут все более сильными» [9].

Признанием успешности глобального этоса тогда и сейчас является то, что Декларация была принята в качестве итогового заявления Всемирного парламента религий, в котором приняли участие порядка восьми тысяч верующих со всех уголков земного шара. Поддержали единую концепцию глобального этоса религиозные сообщества от Римско-католической церкви и Далай-ламы, выступивших на пленарном заседании, до представителей коренных верований Северной и Южной Америки (индейцев и др.) и новых религиозных движений. В качестве общей новой моральной платформы выбраны четыре тезиса приверженности культуре ненасилия, солидарности, справедливого экономического порядка, толерантности и правдивости, партнерства между мужчинами и женщинами [9].

По мнению другого исследователя идей Г. Кюнга, С. В. Мельника, «поддержку идей Г. Кюнга продемонстрировали по всей планете видные политические и религиозные деятели: в Европе, Бразилии, США. На востоке поддержку и одобрение проект глобального этоса получил со стороны конфуцианских мыслителей» [10]. Межрелигиозный диалог, являя собой открытую систему, стал точкой отсчета, а не конечной целью. Предложенный Г. Кюнгом один из способов концептуального осмысления этой идеи и ее возможного использования в качестве основания для гармонизации межрелигиозных отношений, был им назван «weltethos» в книге 1990 г. «Проект глобального этоса» («Projekt Weltethos», «Global Ethic Project») [11]. Оценки жизнеспособности данного проекта в мире религиозных отношений и научного взгляда на то, что человечество имеет еще одну «сме-

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 17.04.2023).

³ Борьба с расизмом спустя 20 лет после принятия декларации. URL: <https://www.ohchr.org/ru/racism/fighting-racism-20-years-adoption-durban-declaration-and-programme-action> (дата обращения: 13.04.2023).

лую и интересную попытку, ставшую ярким эпизодом объединения» человечества [11].

В утверждении глобальных моральных норм на современном конкретно-историческом этапе имеет большое значение профессиональный полицейский этос, направляющий поведение профессионалов, защищающих человека и человечество от преступности. Генеральная Ассамблея ООН закрепила резолюцией № 34/169 от 17 декабря 1979 г. «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» (далее — Кодекс)⁴. С этого времени и по настоящий день он является эффективным деонтологическим текстом (от латинского «*deon*» — долг, долженствование) для профессионалов-полицейских. Специалисты ООН считают разработку и внедрение этико-деонтологических документов (кодексов и деклараций) необходимым условием успешной деятельности сотрудников правоохранительных органов во всем мире.

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка дает сотрудникам правоохранительных органов мира систему четких нравственных ориентиров, которые позволяют наилучшим образом выполнять профессиональный долг. Исходным положением служит то, что должностные лица, призванные поддерживать правопорядок, постоянно выполняют свои обязанности по защите граждан от противоправных актов с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией. Сотрудник полиции должен быть готов исполнить свой профессиональный долг всегда и в любом месте, независимо от обстоятельств и условий. Он помогает любому человеку, независимо от национальной принадлежности, мировоззрения, пола, возраста и любых других особенностей, должен исключать любые формы дискриминации.

Неприемлемо для поведения полицейских во всем мире необоснованное применение насилия, пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания. Применение силы в любых обстоятельствах выступает крайней мерой, к которой полицейский прибегает только в том случае, когда другие средства невозможны для выполнения возложенных на него обязанностей (ст. 3 Кодекса).

Любые сведения конфиденциального характера должны сохраняться в тайне, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Защитник правопорядка по характеру своей деятельности получает информацию, которая может относиться

к личной жизни других лиц или потенциально навредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Он обязан принимать все необходимые меры по исключению разглашения этих сведений (ст. 4 Кодекса).

Сотрудники полиции должны обеспечивать полную охрану здоровья задержанных ими лиц, принимать немедленные меры по обеспечению оказания медицинской помощи в случае необходимости. Правонарушитель, независимо от тяжести деяния, не лишается права на получение необходимой медицинской помощи. Кроме того, необходимо обеспечить оказание медицинской помощи жертвам правонарушений или несчастных случаев (ст. 6 Кодекса).

Утверждение международного этического кодекса инициировало формулировку и усовершенствование текстов полицейских этических кодексов в различных государствах. Так, в России в 2020 г. принят очередной такой документ — Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации⁵. Этические нормы и требования, изложенные в нем, основываются на общепринятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях. В содержании Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации выражена задача объединения профессионального сообщества полицейских сотрудников, миссия представлять собой систему, открытую для диалога в настоящем и будущем в различных государственных традициях. Эта тождественность глобальному этосу в едином моральном пространстве полицейского сообщества является прообразом глобального этоса на данном конкретно-историческом пространстве.

Заключение

Единое моральное сознание, объединяющее человечество, понимаемое как глобальный этос, активно формируется на современном этапе. Определены моральные явления, локальные по своему масштабу, но позволяющие расценивать их как наиболее близкие глобальному этосу. Ими выступают общечеловеческие ценности, деятельность надгосударственных международных организаций и такие виды деятельности, в которых единообразно понимается и реализуется общечеловеческое моральное сознание. На примере развития межрелигиозного диалога и профессиональной морали полиции утверждается модель актуальной формы глобального этоса.

⁴ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 17.04.2023).

⁵ Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Авдеева И. А.* Глобальный этос: опыт формализации понятия // Вестник РУДН. Серия Философия. 2014. № 2.
2. *Пугач А. В.* Реклама — источник интернализации социальных ценностей в обществе потребления. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-istochnik-internalizatsii-sotsialnyh-tsennostey-v-obschestve-potrebleniya.pdf> (дата обращения: 17.04.2023).
3. *Толкование* Евангелия от Матфея. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-matfea/glava-7/stih-12> (дата обращения: 17.04.2023).
4. *Гусейнов А. А.* Золотое правило нравственности в истории культуры // Ведомости прикладной этики. Тюмень, 2019. Вып. 54.
5. *Гусейнов А. А.* Золотое правило: мусульманская традиция // Ведомости прикладной этики. Вып. 55. Тюмень, 2020.
6. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
7. *Гутова С. Г.* Социализм, гуманизм и нравственное начало в философии В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 1(45). 2015.
8. *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности* : пер. с англ. и франц. / сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаева; ввводн. ст. Ю. А. Шрейдера. М., 1990.
9. *Авдеева И. А.* Глобальная этика для глобального пространства. URL: <https://research-journal.org/archive/8-15-2013-august/globalnaya-etika-dlya-globalnogo-prostranstva> (дата обращения: 17.04.2023).
10. *Мельник С. В.* «Декларация глобального этоса» Ганса Кюнга. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/deklaratsiya-globalnogo-etosa-gansa-kyunga/viewer> (дата обращения: 17.04.2023).
11. *Середкина Е. В.* «Мировой этос» Г. Кюнга и современное конфуцианство в диалоге культур. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/seredkina-ev/mirovoy-etos-g-kyunga-i-sovremennoe-konfucianstvo-v-dialoge-kultur> (дата обращения: 17.04.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- хищение лесных насаждений путем рубки
- криминализация фактического контроля юридического лица: от идеи к ее реализации

Право и государство

- учет налоговых преступлений на современном этапе
- пределы понимания сущности уголовного права

Юридические ретроспективы

- принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX — начала XX вв.

Философский инструментарий

- ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект

Религия и общество

- бюрократия и веротерпимость: трансформация государственно-конфессиональных отношений в России во второй половине XIX в. — начале XX в.

а также

- проблемы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям, в целях обеспечения их безопасности
- правовые позиции международных органов по вопросам применения силы в ходе проведения специальных полицейских операций
- разграничение сущностей, выражаемых категорией «задержание», в российском законодательстве
- другие материалы

